

Андрей Милов

Филолог-русист. Переводчик. Писатель.

Почему Варяги звались Русь,

или откуда есть пошла летописная земля Русская

(этимологический очерк)

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАСЬЯНС	2
ЛЕТОПИСНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ	3
1. ЛЕТОПИСНАЯ ХРОНОЛОГИЯ	4
2. ЛЕТОПИСНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ (ПЕРЕВОД)	12
3. НЕЗАТЕЙЛИВЫЕ ОТВЕТЫ НА НЕЗАДАННЫЕ ВОПРОСЫ	13
4. ПОЧЕМУ ВАРЯГИ ЗВАЛИСЬ РУСЬ?	15
ВАРЯГИ – ЭТИМОЛОГИЯ	24
1. ВАРАНК – ЭТИМОЛОГИЯ (НОСОВЫЕ: Ҫ/Қ – EN/ON/AN/IN)	24
2. ПОХИЩЕНИЕ РУСИ	29
3. ВАРЯГИ – ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ.....	42
РУСЬ – ЭТИМОЛОГИЯ	46
1. КНЯЗЬ РУКА ОТ РОДА РУКА – ЗРИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ	48
2. ЗАКОН ФОРТУНАТОВА–СОССЮРА	49
3. ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ (ОТ XII В.)	50
4. ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ БУКВЫ У (ДО X В.)	51
5. ВТОРАЯ ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ К+[i] > Ц [TS'] > СЬ.....	52
6. МАТРИЦА	53
7. ОТ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ К ЛЕКСИЧЕСКОМУ СМЫСЛУ СОБИРАНИЯ ПОД РУКОЙ.....	55
8. СУМЬ СООТНОСИТСЯ С SUOMI, КАК RUOKA – С RUOTSI, А РЖКА – С РЖСЬ (< [RŌTSI]).....	56
ПОЧЕМУ ПО-ФИНСКИ RUOTSI – ЭТО ШВЕЦИЯ, А РОССИЯ – VENÄJÄ	59
1. RUOTSI.....	60
2. VENÄJÄ.....	65
РУСЬ И ВАРЯГИ В СЕМЬЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ	72
1. РУКА, HAND, MANO	73
2. ОБ ИМЕНИ «ПРУССЫ»	76
ПЕРВОСЛОВО	81
1. ГЛАГОЛ <i>-ять</i> И ИМЯ <i>РУКА</i> КАК ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРА ЯДРА <i>РУСИ</i> И ЕЁ СОСТАВЛЯЮЩИХ <i>ВАРЯГОВ</i>	81
2. ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД	82
ЭПИЛОГ	86
ЛИТЕРАТУРА	89

*Всё, что не является истиной, есть отступление от неё.
Аль-Бируни. Индия.*

Исторический пасьянс

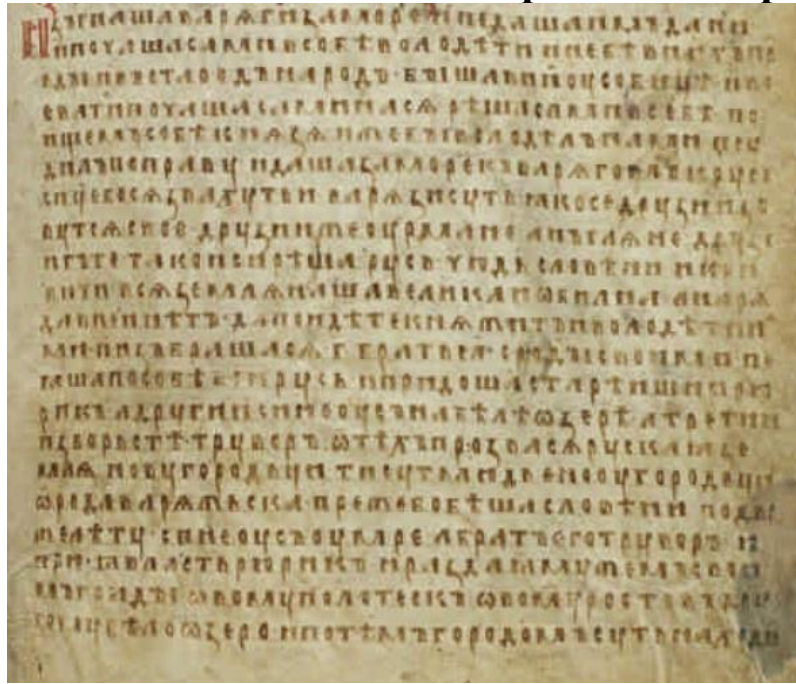
При поверхностном взгляде на историю изучения вопроса об исторических корнях Руси создаётся впечатление, что в статьях и монографиях на эту тему используется по сути один и тот же историко-этимологический материал. Факты тасуются, будто колода игральных карт, и затем, в зависимости от убеждений и глубины пытливого ума исследователя, каждый раскладывает свой собственный пасьянс. Пасьянсов, нацеленных на расклад исторически правдоподобных версий, немало, но ещё больше гадательных пасьянсов, которые зависят от того, какие карты были выложены на стол, а какие остались в колоде, как тасовалась колода да насколько у гадалки ловки руки.

В связи с гадательными раскладами возникает вопрос первый – фундаментальный и самоочевидный. Ежели б русский летописец не упомянул о призвании неких варягов, которые некогда Русью звались, вышли бы уважаемые корифеи от современной науки на историко-этимологическое ристалище со своими достоверными историями происхождения земли Русской от варягов? Разве у нас есть к рассмотрению иные какие источники, кроме летописных, которые свидетельствуют о призвании в 862 условном году варягов? Нет, о таких источниках, увы, не слышно от корифеев. А стало быть, всякие рассуждения об избрании Рюрика с братьями – ломаного гроша в базарный день не стоят при отрицании летописного свидетельства как такового. Разумеется, свято место пусто не бывает. Не было бы летописных варягов – наверняка выдумщики от исторической науки выудили бы в заморских анналах что-нибудь этакое, заковыристое: был бы повод, а стена раздора всегда найдётся. Не будем, однако ж, уподобляться гадалке и гадать, что было бы, если бы не было свидетельства в летописях о призвании варягов.

Следующий вопрос: задумываются ли исследователи начатков государственности в земле Русской, что выстраивать различные версии происхождения Руси от летописных строк о призвании варягов и при этом уличать Нестора во лжи, либо перевирать летописные строки, либо привносить в летописный текст отсебятину – как пилить сук, на котором сам сидишь? От летописи, словно от русской печки, и пишется ведь история русская, а потом, когда не сходятся концы с концами, отчего-то подвергается сомнению правдивость свидетельства Нестора и в ранг истины возводятся фантазии. Иными словами, одно исключает другое: либо летописи свидетельствуют об историческом факте – либо летописи суть красивая сказка; разумеется, летопись не факт, а свидетельство, которое надо сверять с другими свидетельствами, если таковые известны нам. Есть иные документальные свидетельства о призвании неких варягов, которые некогда Русью звались? Нет! А посему единственному свидетельству – самое пристальное внимание, трепетное, бережное. Сначала точно переводим, а затем толкуем, и никак не в обратном порядке.

Так что давайте-ка, мой читатель, приступим вместе к чтению летописи, как она положена на пергамент, без домыслов и подлогов, – в соответствии с языка русского законами развития, известными не только академикам, но и студентам, которые заглядывают в учебники по истории древнерусского языка. По мере углубления в старинный текст закономерно возникнет третий вопрос: если законы, прописанные в учебниках, противоречат нашим устоявшимся взглядам на текст, то как же мы должны поступить: изменить свои взгляды на историю или выбросить в мусорное ведро учебник? Ответ, мне кажется, очевиден. При изучении текста, писанного древним языком, при переводе на современный язык мы обязаны следовать историческим законам развития языка. И помнить: прежде чем приступать к историческому расследованию, сначала надо бы освоить язык того народа, корни которого вознамерились познавать, – и никак иначе.

Летописное свидетельство о призвании варягов

[1, лист 7].

Приступая к расследованию событий 862-го условного (расчётного) года от Рождества Христова (лето 6370) в Приладожье, привлечём в качестве главного свидетельства самую раннюю (1377 год) из всех дошедших до нас летописей – Лаврентьевский список [2, с. 19–20], прибегая в случаях разночтения к иным летописным свидетельствам: Ипатьевской [4, с. 14], Радзивилловской [5, с. 16] и Новгородской первой летописи младшего извода [9, с. 106].

Условие задачи: варяги звались Русь. Вопрос: отчего и почему? Ответом может служить одно-единственное решение, исключающее двусмысленные спекуляции, – этимология слов «варяг» и «Русь».

Намеченные действия, которые, по мнению автора очерка, ведут к разгадке тайны, таковы:

- 1) разнести по годам, то есть разместить на хронологической оси (или в событийной последовательности), свидетельство о призвании варягов;
- 2) перевести летописное свидетельство (без литературных изысков – по смыслу и грамматическому значению) на современный русский язык в соответствии с грамматикой древнерусского языка, как то изложил монах;
- 3) подобно школярам, поставить вопросы к членам предложения и произвести грамматический разбор исторического свидетельства;
- 4) наконец, обратиться к этимологии слов, которые исторически оказались затемнены и вызывают неоднозначную полемику в научной литературе.

Таким образом, расставив все точки над «i», автор сего очерка надеется внести полную ясность в исторические события, изложенные в летописании под условным 862 годом.

Как известно, летописное свидетельство о призвании варягов (изначально по Радзивилловскому списку, ибо Лаврентьевский, Ипатьевский и др. списки были обнаружены много позже) послужило фундаментом для разноречивых исторических гаданий на протяжении столетий, начиная со времени так и не состоявшегося 6 сентября 1749 года публичного выступления историографа Российского государства Фёдора Ивановича Миллера, профессора, действительного члена Академии, с подготовленной им речью «О происхождении народа и имени российского», на ежегодном публичном собрании Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, приуроченном к тезоименитству императрицы Елизаветы Петровны.

Михайло Ломоносов очень точно определил профессиональные изъяны в научном подходе, которые привели профессора Миллера к заблуждению во взглядах на начатки

русской государственности. Критический взгляд Ломоносова вполне применим не только к адептам, но и многим противникам норманнской теории. Выделим, на наш взгляд, главное: поверхностное знакомство с первоисточниками, пренебрежение к языку русскому, избирательное отношение к историографии и предвзятость. Дословно: «Из всего видно, что он [Миллер – А.М.] весьма немного читал российских летописей, и для того напрасно жалуется, будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях. <...> Иностранных авторов употребляет он весьма непостоянным и важному историографу непристойным образом, ибо, где они противны его мнениям, засвидетельствует их недостоверными, а где на его сторону склонятся, тут употребляет их за достоверных. <...> О святом Несторе, летописце, говорит весьма предезостно и хулительно так: ошибся Нестор, и сие неоднократно. <...> Он не такой великий знаток русского языка, чтобы он мог поправлять за природными россиянами» [19, с. 17–25].

В самом деле, история противостояния научно-идеологических партий в вопросе истории русских корней убеждает нас в том, что ничто не стоит так дешево, как открытая истина – разгадка многовековой тайны, и ничто не обходится нам так дорого, как наши заблуждения, ибо возвращать сворованную историю дело неблагодарное. Впрочем, пора бы непосредственно к расследованию приступить, хотя, как уверял Достоевский, нет ничего мудрёнее, нежели приступить непосредственно к делу.

1. Летописная хронология

В лето 6360 (852 г. от Р.Х) индикта 15 (уточним: после 842).

Лаврентьевская летопись: «Наченшю Михаилу црствовати нача сѧ прозывать Руская земля ѡ семь бо увидѣхомъ яко при семь црѣи приходиша Русь на Црѣгородъ якоже пишется в лѣтописаньи Гречьстѣмъ».

При переложении на современный русский язык ни грамматических, ни лексических сложностей, влияющих на смысл, нет в этой фразе. Переведём так, без комментариев:

В 852 году начали себя прозывать Русская земля, об этом узнали, поскольку в начале правления царя Михаила (842) приходила Русь к Царьграду, как пишется в летописании Греческом.

Половина IX века.

Лаврентьевская летопись: «Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнх на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ а Козари имаху на Поланѣхъ и на Сѣверѣ и на Вятичѣхъ имаху по бѣлѣи вѣверицѣ ѿ дыма».

Здесь лишь отметим, что переводить глагол *имаху* с помощью глагола *взирать* не совсем верно, ибо приставка *воз-* наделяет глагол *имаху* направленностью действия, которого нет в тексте. А бесприставочный глагол с большей кратностью (так сказать, *имали* или *ималивали*) в русском литературном языке остаётся вне широкого употребления.

Наиболее близкий к оригиналу перевод имперфекта *имаху*: – *некогда имели*, или *бывало имели*, или *местами-временами имели*. Впрочем, контекст в данном случае позволяет вольное обращение с грамматической формой *имаху*, коль не искажает смысловую нагрузку действия, которое начиналось в неопределённом прошлом и заканчивалось в прошлом, но полностью исчерпало себя к описываемым событиям под 860–862 годами.

Имаху – имперфект, 3-е лицо, мн.ч. Имперфект – неопределённое, многократное, незавершённое в прошлом действие или состояние, выраженное в грамматической форме, отличной от аориста, перфекта, плюсквамперфекта и некоторых архаичных смешанных форм прошедшего времени. Подробнее об имперфекте в сочетании с аористом будет сказано ниже.

Переведём, держа в уме смысл максимально близкий к оригиналу свидетельства, но не художественную форму:

Некогда, этак в середине века IX, Варяги из заморья имели дань на землях Чуди, и Словен, и Мери, и всех Кривичей, а Хазары – в земле Полян, и Северян, и Вятичей. По беличьей шкурке от дыма некогда имели.

Итак, в лето 6368... Почему 860 год? Ответ находим, увы, за пределами русского летописания – в византийских источниках. Набег варваров, имя которым – Ῥως (Русь), на Βασιλεία Ῥωμαίων (Державу Ромеев) и разграбление язычниками окрестностей Константинополя продолжалось с 18 июня по начало августа 860 года. Это известный исторический факт, достаточно подробно описанный в литературе. Поход Руси на Царьград совпадает во времени с отсутствием варягов в Приильменье, где прежде те имели дань. При этом надо заметить, что греческое слово Ῥως нельзя соотносить с Русью этимологической связью, ибо греческий народ Ῥως (др.-еврейск. רֹשׁ «голова, главный») – имя библейское: *Ты же, сын человеческий, изреки пророчество на Гога и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я – на тебя, Гог, князь Роша (Ῥως [rhos] – רֹשׁ [rosh]), Мешеха и Фувала [Иез. 39:1]! И поверну тебя, и поведу тебя, и выведу тебя от краев севера, и приведу тебя на горы Израилевы [Иез. 39:2].* Вероятно, созвучие Руси, пришедшей с севера, с библейским именем народа Рош из книги пророка Иезекииля усиливало трагический эффект от разорения земли Греческой мистическими мотивами – наказание божье, дескать, за грехи земные.

Лаврентьевская летопись: «Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани».

Ипатьевская и Новгородская летописи по факту согласны, незначительное отличие находим в Радзивилловской летописи: «Бывша вырягы заморь и не да им дани».

Учтём противоречие между «были за морем» и «изгнали за море» в дальнейшем переложении на современный русский язык как контекстуальный элемент.

Переведём летописную фразу под датой:

860 год. Изгнали варягов за море и не дали им дани.

Теперь рассмотрим события в промежуток между 860 и 862 годами.

Лаврентьевская летопись: «И почаша сами в собѣ володѣти и не бѣ в нихъ правды и вѣста родъ на родъ быша в нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся».

Летописи Ипатьевская и Радзивилловская, ежели не придираются к буквам и словам, не противоречат по сути.

Новгородская летопись: «И начаша владѣти сами собѣ и города ставити. И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды».

В Новгородской летописи мы видим существенное дополнение, на которое исследователи почему-то не обращают особого внимания: начали, дескать, города ставить, встал город на город – это не племенная рознь, ибо племена не ставят города, общины в городах не обретаются. Города населяют горожане (впоследствии граждане), занимаются ремеслом, строительством, торговлей, войной, вопросами городских податей, сбором дани с племён, что под рукой – под защитой. Там, за городскими крепостными стенами и рвами, скапливаются богатства от налогообложения, торговли, грабительских набегов на сопредельные территории и прочие доходы. А племенные стоянки в виде селищ обустроиваются по старинке, согласно с заветами отцов, где каждый своим родом живёт и хозяйствует; издревле традиционный удел общины (впоследствии крепостной) – земледелие, скотоводство, бортничество, пушной промысел, собирательство. Перед нами свидетельство цивилизационного разрыва – зафиксированный в летописи процесс полураспада первобытнообщинного строя на весьма и весьма поздней стадии. Разложение на город и деревню – социальное и классовое расслоение. Городские рвы, валы и стены защищают горожан, прежде всего, от нашествия и разграбления накопленных богатств не только и не столько чужеземцев, сколько от набегов окружающих город племён, на земле которых возводятся и стоят города. Пускай попробует горожанин объяснить общиннику, что «моё», то моё, но никак не «общее» достояние! Город – это плавильный котёл, в котором всякого рода находники и отщепенцы от племенных общин переплавляются в горожан, вне зависимости от рода, от племени. Община производит не только продовольственные ресурсы, но и людские, а город их потребляет, накапливает, переплавляет – в товар (в челядь в том числе), в работников (холопов также), ремесленников, торговцев, воинов... Полный перечень

содержит «Русская Правда», которая при Ярославе Мудром, по сути, закрепила уже бытовавшее в земле Русской так называемое Древнерусское право.

Переложим на современный русский язык с поправкой на новгородские сведения и заппомним в периоде между датами:

860 – 862 годы. Варяги были за морем, и начали (словене, кривичи, чудь, весь да меря) **сами у себя владеть. И встал род на род. Воевать стали сами с собой. Начали города ставить – город на город встал. Усобица была среди них страшная и рать великая. И не было в них правды.**

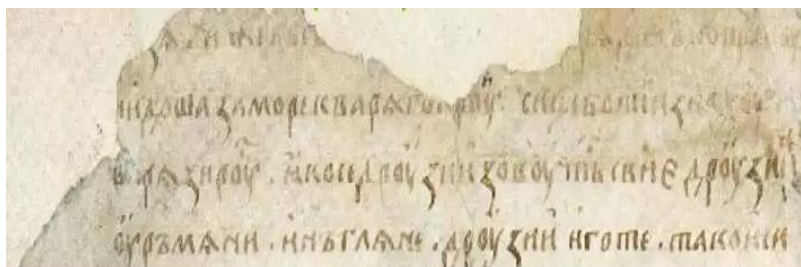
862-й условный год.

Лаврентьевская летопись: «Рѣша сами в себѣ поищемъ собѣ княза иже бы володѣль нами и судиль по праву».

Ипатьевская: «И ркоша поищемъ сами в собѣ княза иже бы володѣль нами и радиль по раду по праву».

Новгородская летопись: «И рѣша к себѣ князя поищемъ», – скупа на детали, сообщая решение, к которому пришло собрание: сказали-де, что к себе князя поищем.

Радзивилловская летопись – лист оборван, то есть край испорчен и для освидетельствования факта и деталей мирового соглашения не пригоден.

[6, с. 24].

Так *сказали сами в себе* – или же *поищем сами в себе*?!

«Рѣша сами в себѣ поищемъ собѣ княза» – bravo летописцу Лаврентию, кудеснику слова русского! Приступая к описанию ключевого для понимания русской истории события, он с ювелирной точностью выстроил начальную фразу таким образом, чтобы читатель от порога озадачился парадоксом смысловой двоякости написанного. Амфиобия: рѣша сами в себѣ поищемъ собѣ княза – *казнить нельзя помиловать*. Амфиобия – это стилистический приём, с помощью которого автор привлекает внимание читателя к тексту в целом (и тогда амфиобия используется в заглавии) или к важному эпизоду, ключевому событию (и тогда амфиобия следует как зачин). Текст грамматически, синтаксически и лексически выстраивается так, чтобы ключевая фраза привлекла внимание читателя своей неоднозначностью – заставила остановиться, задуматься... не проскочить глазами мимо.

Что значит для переводчика авторская амфиобия?! Мучительные раздумья над переводом текста в целом. Смутные терзания. Навязчивые сомнения, которые не отпускают ни днём, ни ночью. Кошмар! Вот на что точно не имеет права переводчик, так это сделать выбор за автора – *казнить* либо *миловать*. Выбор за автора без определённого намёка – это переводческая отсебятина, причём, как увидим далее, вступающая в полное противоречие с Ипатьевским списком, – ошибка, искажающая исторический смысл.

В литературе и на просторах интернета встречаются переводы летописей, исполненные разными переводчиками, и все допускают одну и ту же ошибку, как будто бы списывают друг у друга. Смотрим примеры:

«И сказали: “Поищем сами себе князя...”» [20, с. 17]. Формально: опущено обстоятельство места «в себе (где?)», подлежащее «сами» перенесено – в результате читатель вводится в заблуждение относительно смысла, который был заложен автором в текст.

Или встречается вот такая вольность: «И сказали себе: "Поищем себе князя..."» – Формально: выброшено подлежащее «сами» и союз «в», обстоятельство места «в себе (где?)»

преобразовано в дополнение «себе (кому сказали?)», то есть, как и в первом примере, переводчик вольно или невольно, но таки обманул читателя.

При переложении на современный русский язык Лаврентьевского списка ошибка обоих переводчиков заключается в том, что они, исключив из перевода устойчивое выражение «сами в себе», оформили авторский текст как прямую речь и презрели амфиобию, связав подлежащее с одним из двух сказуемых. Предвзято. А должны были использовать иной стиль изложения, например несобственно-авторскую речь или косвенную, но никак не прямую, закавыченную.

Однако же перед нами переводы отнюдь не Лаврентьевского списка, а сборка ПВЛ («Повести временных лет») на основании ряда летописей.

Под шапкой ПВЛ столь очевидное искажение ключевого эпизода русской истории: мировое соглашение финских и славянских племён, которое положило одновременно конец усобице в Приладожье и начало русского периода в нашей истории, недопустимо в переводе, категорически – ни в научных, ни в образовательных, ни в познавательных целях. Эта ошибка сродни подлогу, пускай и невольная погрешность. При переводе определяющего события русской истории – мирового соглашения, приведшего к становлению земли Русской (а если рассматривать «Повесть временных лет» как литературное произведение, то это завязка), переводчики обязаны были свериться с иными списками летописей.

Сводим в систему:

- Лаврентьевская: «Рѣша сами в себѣ поищемъ собѣ княза»;
- Ипатьевская: «Ркоша поищемъ сами в собѣ княза».

Ипатьевский список не противоречит Лаврентьевскому грамматически, но исключает двоякое осмысление, а стало быть, перед нами два свидетельства в пользу того, что: 1) «сами в себѣ поищемъ княза», 2) «поищемъ сами в собѣ княза». Известно, что Ипатьевская и Лаврентьевская летописи не связаны последовательной связью, ни одна из другой не исходит – это независимые свидетельства. В основе их лежит текст другого летописца – более ранний, о чём они и свидетельствуют независимо друг от друга. Как в суде – при вызове для показания свидетелей.

Что же касается амфибии, к которой прибегнул Лаврентий, то у нас есть все основания рассматривать это парадоксальное своей двоякостью суждение как литературный приём, использованный по прямому назначению (но не школярскую стилистическую ошибку) – с целью привлечь внимание читателя и заставить его задуматься над ключевым моментом русской истории. Насколько справедливо такое толкование, мы можем судить по дальнейшему тексту, где находим подтверждение. Обе летописи: и Лаврентьевская, и Ипатьевская – включают некую *Русь* в состав мирового посольства к *варягам*:

- Лаврентьевская: «Сказали Русь, Чудь, Словене и Кривич, Вель: земля наша велика и обильна (Рѣша Русь Чюдъ Словѣни и Кривичи вса земля наша велика и вбилна)»;
- Ипатьевская: «Сказали Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Вель: земля наша велика и обильна (Ркоша Русь Чюдъ Словенѣ Кривичи и вса земля наша велика и вбилна)».

В унисон – независимо друг от друга, не списывая друг у друга. То, что некая *Русь* входит в состав учредителей мирового соглашения (рѣша сами в себѣ), как раз и объясняет, почему мировое посольство обратилось именно к тем варягам: да потому, что *те варяги звались Русь* (сами в себѣ поищемъ собѣ княза); и так же объясняет, что имели в виду летописцы, когда записали: Рюрик с братьями объединили под собой *всю Русь* (и избрашася трие брата с роды своими и пояша по собѣ всю Русь).

Поэтому переводчик при составлении современного варианта «Повести временных лет» имеет все резоны взять за основу именно Ипатьевскую летопись... при этом, однако ж, ссылка на амфиобию Лаврентия и комментарий более чем желательны.

Вызывает удивление, что переводчики как будто бы избегают устойчивого выражения *сам (сами) в себе*: «почаша сами в собѣ володѣти», «рѣша сами в себѣ», «сами в себѣ поищемъ», «поищемъ сами в собѣ», – как будто бы теряются при переложении на современный русский язык. Странно, ведь синтаксис совершенно прозрачен: *сами* – подлежащее (кто?), *сказали, начали владеть, поищем* – сказуемое (что сделали?), *в себе* – обстоятельство места (где? в ком/чём?). Причём перед нами не какой-то там архаичный

славянизм, не устаревшее выражение, а современный русский литературный язык, чистый, классический. Читаем Гоголя «Мёртвые души», главы 10 и 11: «В продолжении всей болтовни Ноздрёва Чичиков протирал несколько раз себе глаза... не во сне ли... "Ну, уж коли пошло на то, – *подумал он сам в себе*, – так мешкать более нечего, нужно отсюда убираться поскорей" <...> А между тем героя нашего осенила вдохновеннейшая мысль, какая когда-либо приходила в человеческую голову. “Эх я Аким-простота, – *сказал он сам в себе*, – ищу рукавиц, а обе за поясом!”».

Так и запишем в соответствии с Ипатьевской летописью, расставляя современную пунктуацию, но держим в уме замечательную амфиобию Лаврентия и не устаём восхищаться его писательским талантом.

862 год. Сказали: сами в себе поищем-де князя себе, который бы осуществлял власть над нами и судил по ряду, по праву.

Лаврентьевская летопись под тем же расчётным 862 годом: «Идаша за море къ Варягомъ к Русі сице бо са звахуть и варязи суть».

Коротко поясним: **и** – контекстуально местоимение, но не сочинительный союз, не усилительная частица. «В древнюю эпоху в славянских языках не было личного местоимения 3-го лица, и его роль выполняло указательное местоимение **и** (муж. р.), **я** (жен. р.), **ѣ** (ср. р.)» [15, с. 283]. В соответствии с древнерусской грамматикой, здесь указательное местоимение 3-го лица **и** употреблено в И.п. и, согласуясь с глаголом **соуть** (3 л. мн. ч), означало муж. р. мн. ч. Значение при переводе – *они*, т.е. контекстуально *варяги* (ибо так, таким образом себя звали они – суть варяги). Летописный текст не членился пословно, не имел знаков препинания и заглавных букв, что осложняет современное прочтение. Поэтому для понимания этой фразы максимально близко к летописному тексту обратимся за разъяснениями к авторам учебника по древнерусской грамматике: «Местоимения **и**, **я**, **е** отсылали к ранее указанному лицу или предмету» [16, с. 54]. Это разъяснение однозначно указывает на принадлежность словосочетания **и варязи суть** предыдущему высказыванию. Нельзя его оторвать от предыдущего выражения и синтаксически присоединить к последующему. Это очень важное замечание, в виду дальнейших сложностей и сомнений при переводе древнего текста на современный русский язык.

Ясности для точного перевода добавляет Радзивилловская летопись: «Идоша за море къ Варягомъ к Роу сице бо тїи звахуѣ Роу...». Ипатьевская летопись о том же, но с объектным значением: «Идоша за море к Варяго^м к Русі сице бо звахуть ты Вар^агы Русь» (тех варягов – В.п. мн.ч. ты Вар^агы). В Новгородской сказано, что пошли-де к варягам, и всё, без подробностей.

Прошу читателя обратить внимание на ключевой момент в истории призвания варягов, как и когда варяги носили имя Русь. Все глаголы прошедшего времени в повествовательной части отрывка летописи, который мы переводим, употреблены в грамматической форме аориста, за исключением – *звахуть*. Это имперфект: *некогда звали, когда-то некоторых порой могли называть местами-временами* (так сказать, «звахивали»). Выше, впрочем, когда речь шла об усобице, глагол *быть* употреблён в форме имперфектного аориста, чтобы подчеркнуть, по-видимому, многократный, не имевший ни начала ни конца, затухающий и разгорающийся характер: *не бѣ* (бывало, бывывало) *в нихъ правды*.

Аорист – «являлся простым прошедшим временем, обозначавшим как длительное, так и мгновенное единичное действие, полностью обращённое в прошлое. Он употреблялся тогда, когда речь шла о прошлом факте и когда прошедшее действие мыслилось как единичный, целиком законченный в прошлом акт» [15, с. 324]. Поэтому при смысловом переводе подбираются глаголы преимущественно совершенного вида, хотя и возможен несов. вид глагола, особенно когда речь идёт о состоянии: изгнаша – изгнали, не даша – не дали, почаша – начали, вѣста – встали, рѣша – сказали, идаша – пошли и т.д., но бѣша – были, зваша – звали.

Имперфект – «являлся также простым прошедшим временем, обозначавшим прошедшее действие, полностью отнесённое к прошлому, длительное и мыслимое как неограниченное во времени или повторяющееся без ограничения этой повторяемости» [15, с.

326]. В сочетании с аористом имперфект может указывать на действие, предшествовавшее в своём неопределённом начале и конце другому действию, выраженному аористом. А также мог означать много раз завершавшееся и возобновлявшееся в прошлом времени действие – без начала и без конца. При переводе на совр. рус. яз. используются глаголы несов. вида наибольшей кратности: суффиксы -а-, -ыва/ива-. Также многократность, неопределённость, незавершённость, действие давнишнее, к случаю будь помянутое, состояние бывалое или бывшее – нерезультативное. Поскольку система прошедшего времени древнерусского языка распалась и в современном русском языке отсутствуют морфологически выраженные глаголы прошедшего времени, то их место заняли причастия прошедшего времени (на -л), которые некогда являлись составной частью перфекта и плюсквамперфекта – сложного прошедшего времени, результативного. Следствием упрощения (по сути говоря – исчезновения) грамматической системы прошедших времён стало трудно преодолимое препятствие, как грамматическими средствами передать разницу между аористом и имперфектом. Без лексических средств: *некогда, бывало, время от времени, давным-давно, местами-временами, часто...* – не обойтись при переводе имперфектных глаголов, ну а если опустить, то не исключена будет смысловая погрешность.

Для сравнения можно противопоставить в паре смысловую разницу аорист/имперфект: *звал – некогда или бывало звал* («звахивал»), *говорил – некогда говаривал, шёл – бывало хаживал, я видел в нём орла – видывали мы таких орлов, мы были при деньгах – и мы бывывали да хаживали не с пустыми карманами...*

«Можно утверждать, что в народно-разговорном древнерусском языке имперфекта как особой глагольной формы времени уже не было к концу XII в.» [15, с. 328]. Таким образом, при взгляде на текст, где использован всеми летописными списками (от конца XIV в. и позже) глагол в имперфекте *звахуть*, несложно прийти к выводу, что фраза перекочевала без изменений из источника, относящегося к прошлому, – и это во-первых, а во-вторых, пусть понятная, но вышедшая из употребления грамматическая форма слова неизбежно притягивает к себе внимание читателя, акцентирует архаикой его внимание на особом смысле высказывания – и это, пожалуй, главное.

862 год, далее во времени. Пошли за море к варягам, к Руси, ибо так себя (бывало, некогда, некоторые, иногда, порой, часто) звали они – варяги суть (Лавр.), или так ибо звали некогда тех варягов Русью (Ипат.), или те когда-то звались Русь (Радз.).

Следующий пункт остановки на хронологической оси – временная модуляция. Одним росчерком пера, употребив глагол настоящего времени, летописец (Нестор жил и писал в конце XI – начале XII вв.) вдруг переносит читателя своей повести временных лет в своё время, годков этак на 250 в будущее от мизансцены, весьма отдалённой от того исторического момента, когда собрание старейшин славянских и финских племён решило призвать варягов. Временная пропасть отделяет это ключевое для русского мира историческое событие, по сути общественный договор: «В лето 862 идаша за море къ Варягомъ к Русі сице бо сѧ звахуть и варази суть», – от того временного контекста, современного Нестору, когда составлялась летописная повесть: «яко се (на рубеже XI–XII вв.) друзии зъвутьсѧ Свое друзии же Оурмане Аньглане друзии Гъте тако и си». И лет этак на 500 – от подвижнического труда Лаврентия, и ещё дальше от иных известных нам летописных списков.

Ипатьевская летопись: «яко се друзии зовутсѧ Свое друзии же Оурмани. Аньглане инѣи и Готе тако и си». Радзивилловская: «яко се друзии зъвутьсѧ Свое друзии же Уръмяни Инъглане друзии и готе тако и си». В Новгородской – отсутствует это авторское отступление.

Прошу читателя вдуматься и осознать временной разрыв: 250 лет отделяют нашу современность от времён начала царствования Екатерины II Великой, ну а 500 – от царствования Василия III, отца Ивана IV Грозного, причём Иван Васильевич ещё не родился *полтыщи* лет тому назад.

Автор сего очерка, как и сами летописцы, ненарасно углубился в хронологические подсчёты и сопоставления – указал на временную пропасть между историческими событиями середины IX в. и рубежом XI–XII вв., между временем начатков государственности в земле

Русской и периодом становления удельности Руси, когда составлялся протограф. Очевидно, Нестор и иже с ним иные русские подвижники были крайне обеспокоены кризисными процессами, что уже забрезжили на Руси, и эта тревога за судьбы русские озадачила их вопросами поиска русских корней. Летописец обрывает временное повествование, чтобы выразить свой взгляд на то, что происходило тогда, в истории его страны, и что есть теперь, – объясняет своему читателю геополитическое место Руси в современном ему мире, в окружении иных народов, других стран и королевств. Летописец использует известный стилистический приём точно так же, как и историки нашего времени, когда среди исторического рассказа помещается ремарка или даётся авторская оценка описываемым событиям, бросает мельком взгляд в прошлое – нет, не как оно было, а с высот относительной современности, как есть. Относительно своего времени.

Внимание, мой читатель!!! Очень важное замечание: летописец использует глагол не в грамматической форме перфекта: состояние в настоящем времени как результат действия в прошлом, а в форме простого настоящего времени – *зовутся*, и тем самым он подчёркивает отсутствие причинно-следственных связей между прошлым и настоящим.

Обратимся к тексту с целью перевода.

Зовутса – сказуемое (личный глагол, 3-е лицо, мн.ч., наст. время, возвратный, значение: зовут себя сейчас).

Обращаем внимание: *звахуть* (имп.) – *зваши* (аорист) – *зовутся* (наст. время).

Тако и си – вторая часть сравнительной конструкции: **яко се** (как это) ... **тако и си** (так и она... время согласуется по сказуемому в сравнительной конструкции).

Си указывает на предмет, ближайший к говорящему, или ближайшее действующее лицо. Член предложения – подлежащее, так как это Им.п. Стало быть, **си** – это или ж.р. ед.ч., или ср.р. мн.ч. Единственное имя, которое замещает собой местоимение **си** и которое подходит по грамматическим показателям и совместимо контекстуально, то есть упомянуто и не противоречит здравому смыслу, – это «Русь». «Си» и «Русь» – оба слова женского рода в единственном числе. А значит, сравнительная конструкция должна быть переведена так и только так: **яко се** (как это) ... **тако и си** (так и эта, то есть Русь).

Проясним логику перевода, обратившись к законам развития древнерусского языка того периода – к исторической грамматике русского языка.

«Указательные местоимения отражали три ступени удалённости предмета от говорящего. Местоимения **сь, си, се** указывали на предмет, близкий к говорящему; **тъ, та, то** – на предмет, удаленный от говорящего, но близкий к собеседнику; **онь, она, оно** указывали на предмет, далекий и от говорящего, и от собеседника» [16. С. 53–54].

Обратимся к склонению [15, с. 283] указательного местоимения, которое указывало на предмет, близкий к говорящему.

Единственное число			Множественное число		
Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. сь	ск	си	И. сии	си	сиѣ
Р. сего		сеѣ	Р. сихъ		
Д. семоу		сеи	Д. симъ		
В. сь	сѣ	сю	В. сиѣ	си	сиѣ
Т. симъ		сею	Т. сими		
М. семь		сен	М. сихъ		

И наконец, прежде чем завершить перевод, рассмотрим выражение **яко се** в свете исторической грамматики. Указательное местоимение **се** – Им.п., ед.ч., ср.р. После распада трёхчленной системы древнерусских указательных местоимений, в совр. рус. яз. сложилась двухчленка: это (здесь, сейчас) – то (там, тогда). Поэтому переводим: «Как это (сейчас, здесь) ...» – вполне привычное разговорное выражение.

Вот такой перевод выходит по грамматическим показателям:

Рубеж XI–XII в. (относительно списков конец XIV–XVI вв.). **Как это** (в настоящем времени, на рубеже XI–XII вв.) **другие зовутся Шведами, другие же Норвежцами, Англами, другие Готами, так и эта** (Русь зовётся Русью).

Авторское отступление завершено. Летописец возвращается в событийный 862 условный год – призыв на княжение.

Лаврентьевская летопись: «рѣша Русь Чюдѣ Словѣни и Кривичи Вся земля наша велика и обильна а народа в ней нѣтъ да поидѣте княжить и володѣти нами». Если не придирается к несущественным разночтениям, то Ипатьевская летопись вторит, Новгородская умалчивает, а Радзивилловская противоречит: вместо И.п. *Русь* (сказала Русь, чудь и т.д.) в роли подлежащего, написано *Руси* – Д.п., дополнение: кому сказали? Опустим противоречие, замеченное в Воронцовском списке Новгородской летописи: земля, мол, *ваша*, а порядка в ней нет (у нас?).

Переведём:

862 год (далее). Сказали (Руси) Русь, Чюдь, Словѣни, Кривичи и Весь: «Земля наша (ваша) велика и обильна, а порядка в ней нет, так приходите (к нам или у нас) княжить и владеть нами».

Далее – летописные события условного 862 года по Лаврентьевскому списку: «и избращася гбратья с роды своими пояша по собѣ всю Русь и придоша старѣишии Рюрик а другии Синеоусъ на Бѣлѣзерѣ а третии Изборьстѣ Труворѣ». Лаврентьевская летопись свидетельствует, что, откликнувшись на призыв, избрались три брата со своими родами, объединили всю Русь и пришли. Ипатьевская согласна в общем и целом, но уточняет, куда пришли: «избращася трие брата и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе и срубиша горо^д Ладогу». Радзивилловская вторит Ипатьевской: «избращася г-е братья придоша к словеню первое и срубиша город Ладогу».

Новгородская летопись растолковывает тот скрытый смысл: «пояша со собою дружину многу и предивну», – который скрывается за словами «пояша по собѣ всю Русь» в упомянутых летописях и противоречит же им в другом: «приидоша к Новугороду. И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ». Не к словеням, а непосредственно в Новый Город. Господин Великий Новгород, земля Новгородская, – это впоследствии один из крупнейших центров Ганзейского союза, независимое процветающее государственное образование, ну а стольный город для летописца – вечный город. Но в переводе на совр. рус. яз. это свидетельство опустим по той причине, что на сегодня копало археолога не наткнулось на культурный городской слой середины IX века. Но на ус намотаем на тот случай, если археологи когда-нибудь подтвердят слова новгородского летописца либо отыщут иное место, которое звалось бы Новый город.

Пояша – глагол 3 л., мн. ч., прош. вр., аорист. Грамматическая форма не вызывает сомнений, как и лексическое значение. Это слово было живым ещё с век тому назад, да и сегодня можно встретить в русской глубинке. Ну а производные от корня слова у нас самих на языке и на слуху. Тем не менее, перевод такой, чтобы образ ожил перед глазами, вызывает затруднение – объединил под рукой войско и пошёл?

Открываем «Словарь живого великорусского языка» Даля, Владимира Ивановича (кудесника слова русского, живого), и читаем: «Поять и понять жену, взять, сосватать, жениться... взять, забрать или увести. <...> Поял войско и пошел. <...> Поиманье, новг. обрядный поезд за невестой, к венцу. <...> Поймо, поемок, поимок, рученька, горсть, пясть; сколько колоса жнея забирает в одну руку. <...> ПОЯС м. (от поять, обнять, как понява) ... Тысяча братьев одним поясом подпоясаны, на мать поставлены? сноп на земле» [43, с. 235].

И наконец, **избращася** – все летописи буквально в унисон подтверждают факт выборов: имели место выборы трёх князей, которые, согласно, так сказать, «общественному договору», были призваны на княжение – осуществлять власть за коном обычая и соблюдать установленное право. Несмотря на кровь и усобицу, старейшины племён пришли к мудрому решению, и свидетельством тому – в земле Русской утвердилось наследное право, просуществовавшее более тысячи лет, и традиция призыва князя из Рюриковичей и изгнание князя вечевым решением. Вспомним выборы: и Бориса Годунова, и Михаила Романова. О традиции призвания на княжение в Новгород мы все наслышаны, но не только в Новгороде был такой обычай. Вспомним, как в Чернигове приняли Мстислава Удалого, отказав его брату

Ярославу Мудрому, а в Киеве – наоборот. Вспомним съезды князей. Наверное, и те процессы, которые вошли в историю, как эпоха дворцовых переворотов, также вполне вписываются в это древнее право... с поправкой на время и обстоятельства.

862 год, далее. Откликнувшись на призыв, **избрались три брата со своими родами, объединили под рукой (пояша) всю Русь и пришли сперва к словенам, срубили город Ладогу.**

Далее всё тот же 862 летописный год. Лаврентьевский список: «старѣишии Рюрикъ а другии Синеоусъ на Бѣлѣвзерѣ а третии Изборьстѣ Труворъ». Ипатьевская дополняет свидетельство: «и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ. а другии Синеоусъ на Бѣлѣвзерѣ а третѣи Труворъ въ Изборьсцѣ». Радзивилловская: «и сѣде в ладозѣ». Новгородская: «И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ», – при переводе опустим Новгород по указанной выше причине, и потому ещё, что летописи Радзивилловская и Ипатьевская подробно описывают историю строительства Нового Города, при этом смягчая противоречия с Новгородской летописью... сместив на два года тот факт, что Рюрик сел старейшим князем в земле Русской в Новгороде и один правил землёй Русской. Вот как об этом сказано в Ипатьевской летописи дословно: «по дѣвою же лѣту оумре Синеоусъ и братъ его Труворъ и прия Рюрикъ власть всю ѡдинъ и пришедъкъ Ильмерю и сруби городъ надъ Волховомъ и прозваша и Новѣгородъ и сѣде ту княжа». Радзивилловская: «По двою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и приа всю власть Рюрикъ одинъ, и пришед ко Илмерю, и сруби город(о)къ над Волховом, и прозва Новѣгород, и сѣде ту кн(я)жа...».

Перевод этого отрывка трудностей не вызывает, и дальнейшие замечания были бы излишни:

862 год (окончание). Старейший из князей – Рюрик. Сел (на княжение) в Ладоге. А другой Синеоус – на Белоозере, а третий в Изборске – Трувор.

Через два года умер Синеус и брат его Трувор.

864 год. И принял Рюрик всю власть один. Пришёл к Ильмерю и срубил город над Волховом. И назвал его Новгород. И сел там княжить.

От 862 – по XI–XII вв. И следом опять авторское отступление, в котором летописец толкует имена с высот своего исторического сознания в хронологическом сопряжении и порядке. Лаврентьевская летопись: «ѡ тѣхъ прозваса Руская земля Новугородъци ти суть людѣ Нооугородъци ѡ рода Варажьска преже бо бѣша Словѣни». Новгородская: «и от тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣхъ слово Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска». И наконец Радзивилловский список – синтаксически наиболее прозрачный: «ѡ тѣхъ Варягъ прозваса Руская земля Новугородъ тии суть людѣ новгородци ѡ рода Варажьска преж бо бѣ... (место на листе закончилось)».

Ипатьевская скупа на подробности: «и ѡ тѣхъ Варягъ прозваса Руская земля», – однако чуть ниже поясняет: «словѣнскъ языкъ и Руский ѡдинъ ѡ Варягъ бо прозвашася Русью а пѣрвѣе бѣша Словѣне». Заметим попутно: слово «славяне» с *-а-* в корне летописцам неведомо было.

Наверное, это заключение и должно стать точкой в нашем переводе:

От 862 – по XI–XII вв. От тех варягов прозвалась Русская земля Новгород. Те люди суть новгородцы от рода варяжского, ибо прежде были Словене. Словенский язык и Русский един, от Варягов ибо прозвались Русью, а сначала были словене.

2. Летописное свидетельство о призвании варягов (перевод)

Запишем перевод так, как уж сложился в результате синтаксического, грамматического и лексического разбора списков основных русских летописей, не заботясь о литературных изысках, которые могли бы повредить смысловую ткань свидетельства о призыве варягов, которые некогда Русью звались:

852 год. В начале царствования Михаила (от 842) начали себя прозывать – Русская земля. Узнали об этом из летописания Греческого, потому что при этом царе пришла Русь к Царьграду...

Давным-давно, в середине века этак IX, а также, может быть, и много раньше, Некогда Варяги из заморья имели дань на землях Чуди, и Словен, и Мери, и всех Кривичей, а Хазары – в земле Полян, и Северян, и Вятичей. По беличьей шкурке от дыма некогда имели.

860 год. Изгнали варягов за море и не дали им дани.

860 – 862 годы. Варяги были за морем, и начали (словене, кривичи, чудь, весь да меря) сами собой владеть. И встал род на род. Воевать стали сами с собой. Начали города ставить – город на город встал. Усобица была среди них страшная и рать великая. И не бывало в них правды.

862 год. Сказали: сами в себе поищем-де себе князя, который бы осуществлял власть над нами и судил по ряду, по праву.

862 год, далее. Пошли за море к варягам, к Руси, ибо так себя (бывало, некогда, некоторые, иногда) звали они – варяги суть (Лавр.), или так ибо звали некогда тех варягов Русью (Ипат.), или ибо те когда-то звались Русь (Радз.).

Рубеж XI–XII вв. Как это (лет эдак через 250–500) другие зовутся Шведы, другие же Норвежцы, Англы, другие Готы, так и эта (Русь зовётся Русью).

862 год, далее. Сказали Русь, Чюдь, Словѣни, Кривичи, Меря и Весь (Руси): «Земля наша (ваша) велика и обильна, а порядка в ней нет, так приходите (к нам) княжить и владеть нами».

862 год, окончание. Избрались три брата со своими родами, объединили под одной рукой (попяша) всю Русь и пришли (с дружиной) сперва к словенам, срубили город Ладогу. Старейший из князей – Рюрик. Сел (на княжение) в Ладоге. А другой Синеус – на Белоозере, а третий в Изборске – Трувор.

864 год. Через два года умер Синеус и брат его Трувор, и принял Рюрик всю власть один. Пришёл к Ильмерю и срубил город над Волхвом. И назвал его Новгород. И сел там княжить.

От 864 – по XI–XII вв. От тех варягов прозвалась Русская земля Новгород. Те люди суть новгородцы от рода варяжского, ибо прежде были Словене... Словенский язык и Русский един, от Варягов ибо прозвались Русью, а сначала были Словене.

3. Незатейливые ответы на незаданные вопросы

Ведь всё чёрным по белому писано – ясно, просто и без затей. Хронологически и фактически последовательно изложены исторические события. Совпадает время, место, действие. Сначала летописцы ссылаются на греческий источник, независимый, где поминается Русь под стенами Царьграда. Затем летописцы сами свидетельствуют, отвечая недвусмысленно на главный вопрос русской истории, почему варяги некогда звались Русь. Летописцы освещают отнюдь не историю варягов – отвечают на вопрос, откуда есть пошла земля Русская, ибо современная им земля Русская XII–XV веков есть пошла стала, то есть уже состоялась.

Казалось бы, летописцы прояснили вопрос о государственных начатках в земле Русской. Не надо быть даже учёным человеком, не надо фантазировать – надо просто читать по-русски. Ан нет! Используя известный стилистический приём исторической аналогии, толкователи летописных строк переносят на территорию Ладоги, раздираемую усобицей в 860–862 годах, традицию наёмничества, которая сложится через сотни лет в Державе Ромеев – в форме βάραγγα. Где та Ладога середины IX века – и где та Византия середины века XI? Между ними пропасть в 200 лет и более и тысячи вёрст труднейшего пути. Исследователи русских древностей от школы адептов скандинавокреационизма использовали византийский термин XI–XIV вв. βάραγγα по отношению к середине русского IX века как сосуд, который можно наполнять любым содержимым, какое ни взбрёт в голову, и таки наполнили этническим содержанием – «скандинавы», приписав сие свидетельство Нестору; иные учёные умы, впрочем, ищут на дне сосуда иных этнических корней, любых им.

Таким образом, уже следуя не летописному полотну, а идеологическим установкам, столетиями и переводят на современный русский язык – с тем, надо думать, чтобы всякие там школьники да студенты с ученической скамьи усвоили: Русь есть пошла от шведских гребцов да членов некой норманнской корпорации, связанной круговой порукой... Впрочем, объяснить внятно, как то толковал Нестор, почему одни звались другим именем, а другие – разными именами, так и не удосужились.

Приведём пример художественно безупречного перевода, наиболее мягкий, корректный по отношению к ключевому событию русской истории – общепризнанный образец текста «Повести временных лет», в основу которого положен Радзивилловский список:

«862 г. Те варяги назывались русью, как другие [варяги? – А.М.] называются шведы, а иные [варяги? – А.М.] норманны и англы, а еще иные [варяги? – А.М.] готландцы, – вот так и эти [варяги? – А.М.] прозывались» [20, с. 17].

Сравним с переводом, за которым читатель следил пошагово, с учебником по истории русского языка и оригинальными текстами перед глазами:

«862 год. Пошли за море к варягам, к Руси, ибо некогда те звались Русь. Как это (лет эдак через 250) другие зовутся Шведы, другие же Норвежцы, Англы, другие Готы, так и эта (Русь зовёт себя Русью)».

И что же такого некорректного позволили себе переводчики? Взяли полотно оригинального текста летописи, вырезали из него слова и, по-портняжьки перекроив, сложили в ином порядке, переписали союзы, подменили местоимения, пренебрегли временем грамматическим и реальным, изменили синтаксис и утверждают свысока: ни одного слова не выдумали! Это подлог – вольный или невольный обман доверием.

1). Из сложноподчинённого предложения: «Пошли за море к варягам, к Руси, **ибо** некогда **те** (варяги) **звались Русью** (Идоша за море къ Варягомъ к Роу **сице бо тїи звахуъ Роу)**», – изъято придаточное предложение, которое, по замыслу летописцев, объясняло причину, почему мировое посольство от финских и славянских племён отправилось не к кому-либо иному, а именно к варягам, к Руси, в 862 году.

2). Имперфект *звахуъ* для перевода на совр. рус. яз. переосмыслен в аорист *зваша*, тем самым искажено время историческое и кратность действия.

3). Изъятое придаточное предложение причины преобразовано в начальную часть сравнительной конструкции последующей фразы, и тем самым варяги поставлены в исторический ряд со шведами и иными, а время заретушировано.

4). Из начала сравнительной конструкции **яко се... тако и си** выброшено местоимение *се* – средний род, указывающий на состояние близкое к пишущему и читающему по месту, по времени, по обстоятельствам и т.д.

5). В конец преобразованной сравнительной конструкции добавлена утвердительная частица *вот*, подменено указательное местоимение *си* (ед.ч. ж.р. – *эта*) местоимением муж. р. мн.ч. (*эти*)... то есть изменён субъект действия: вместо Руси, которая Русью зовётся на рубеже XI–XII вв., у норманнистов выходит, будто Варяги зовутся Шведами, Норвежцами, Англами, Готландцами в 862 летописном году... Однако! Варягов монах не называл ни шведами, ни норманнами. Варяги звались – Русь!!!

6). И ещё раз обращаю внимание читателя! В современном русском языке нет перфекта, но его можно выразить лексическими средствами, а во времена летописца перфект грамматической формой указывал на состояние или действие в настоящем времени как результат другого действия в прошлом. Вместо перфекта, летописец употребил простое настоящее время – *зовутся*, и тем самым он подчеркнул отсутствие причинно-следственных связей между прошлым, когда варяги звались Русью, и настоящим, когда Русь сравнивается со шведами, готландцами, норвежцами и англами – через 250 лет.

И тем самым летописная «Русь» подменена «Варягами», а «Варяги» размножены этнически, им приписана принадлежность к некоему скандинавскому племени. События половины века IX объединены с геополитическим состоянием рубежа XI–XII вв., т.е. подобный перевод ключевого для русской истории летописного события съедает временную пропасть минимум глубиной в 250 лет.

Таким образом историческое свидетельство о начатках государственности в форме земли Русской подгоняется под современную политологическую идеологию.

Сколько лет существует Академия наук в России, столько и распространяется миф о призвании то ли шведов, то ли норвежцев в лице варягов, которые на самом деле якобы были викингами... и есть пошла-де земля Русская от рода шведских прибрежных рыбаков, которых понаслышке финны могли ошибочно называть русскими. Вот так история!

Позволю себе, следуя примеру летописца, авторское отступление – политологическое, то есть взгляд из сего дня на историю как политику, обращённую в прошлое.

Десятилетия не прошло после роспуска СССР её бывшими учредителями от рода большевиков, как «Россия вспряла ото сна», и в нынешних политологических кругах стали набирать популярность два высказывания. Первое принадлежит главе МИД Российской империи Александру Михайловичу Горчакову, который вскоре после Крымской войны, в самый пик заморозков в международных отношениях между Россией и Европой, заявил: «Россия не сердится, Россия сосредотачивается». Второе якобы Наполеон изрёк: «Народ, который не желает кормить свою армию, будет кормить армию чужую».

Оба суждения насущны для политики современной России, неразрывно связаны между собой по смыслу и сами в себе содержат назидательные выводы из истории Отечества. Ежели сегодня руки не доходят до родного языка, культуры, образования, науки, то завтра народ перестанет читать русские книги, ну а ежели презреть собственную историю, то доброхоты напишут сознание русское чужой историей и идеологией, чуждой идее русской. Не подпитываешь историческое мировоззрение – охотников подкормить (через А) всегда в избытке сыщется. Последствия известны: вскормленная элита предаст, учёные умы разбредутся по всему миру, русский человек озаботится исключительно хлебом насущным... наступят смутные времена – и Россия неизбежно рассредоточится, как то случалось уже не раз в истории нашей. И никто никогда не узнает, «кому на Руси жить хорошо» было.

Если ты сам озабочен в себе поиском чужих корней, то, несмотря на ум и образованность, не заметишь, как эти корни прорастут в тебе. И вырастет дерево, и созреют плоды, и, вкушая, вместе с соком примешь яд.

Все народы и языки равнодревние и равновеликие, ибо каждый из ныне осознающих в себе своё «я» помнит сам в себе род свой и молвит языком родным, но путь свой земной народы меряют по себе, ну а те, кто сошёл со своего пути, тех давно уж нет – многие даже память о себе не оставили в веках.

4. Почему варяги звались Русь?

Нестор-летописец ответил по-русски, без затей: да потому варяги некогда звались Русь, что «варяг» и «русь» – в не определённом им прошлом одно и то же слово:

- Идаша за море къ Варягомъ к Руси сице бо са звахуть и варази суть;
- Идоша за море к Варягомъ к Руси сице бо звахуть ты Варягы Русь;
- Идоша за море къ Варягомъ к Роу сице бо тїи звахусъ Роу.

Слово одно. Пусть оно совпадает по месту и образу действия, однако используется в различных грамматических формах, присущих отличным друг от друга временным пластам. Это слово можно отыскать в древнерусском языковом пласте до X века. Впоследствии, когда «варяг» и «русь» закрепились в языке в качестве терминов, то есть застыли в своём морфологическом развитии, отражая, как в зеркале, грамматическое время закоснения, об этих двух именах можно говорить уже как об однокоренных лишь. Этимологическое родство очевидно всякому, кто, держа в руках учебник по истории родного языка да полистывая словари, вдумчиво читал летописи не в вольном пересказе, а в оригинале, с лупой в руках. Вот и вся разгадка. И никакой тайны здесь нет, и никогда не было. Проблема в сознании или элементарном незнании – в голове толмача летописных строк: прежде чем приступать к толкованию истории, сначала надо изучить язык того народа, историю которого вознамерились познавать.

Единственный источник, где чётко составлены условия исторической задачи и дан точный ответ на поставленный вопрос, откуда есть пошла земля Русская, – это летописи. Нет-

нет, не *варяги* – отдельно и *Русь* – отдельно, а в системе, взаимообуславливающей имена и социальные функции. С большой долей вероятности подтверждение непосредственной лексической и смысловой связи *варягов* и *Руси*, на которую указывают летописи, мы находим в независимых источниках – в греческой литературе.

Слово Ῥωσ/Ῥωσία (Русь/Русия) относится к литературному словарю писателей средневековья, а βάραγγα или βάραγγος (варяг, варяга, варяги) – профессиональный жаргонизм, поэтому, вместо просторечного βάραγγα, в классической литературе употреблялись иные слова и выражения до тех пор, пока к началу второй трети XI века слово βάραγγα не легло на страницы византийской литературы, пока не «олитературили» его эллинистические хронисты. Об этом всем исследователям известно – всем и давным-давно, сие бо лексическое исследование произвёл ещё современник варягов Иоанн Скилица – сановник Алексея Комнина и известный хронист. Его главный труд «Обозрение истории» охватывал период как раз с 811 по 1057 год. И это отнюдь не новость для современной историографии.

Академик Куник, Арист Аристович (1814–1899), впервые применивший историко-генетический метод языкознания к изучению русской истории, комментирует свидетельство Иоанна Скилицы так: «Прежде нерѣдко удивлялись, что въ византийскихъ лѣтописяхъ и сборникахъ, дошедшихъ до насъ, ...названіе Варангъ въ первый разъ упоминается не ранѣе 1034 года... Эту причину намъ сообщаетъ Иоаннъ Скилицій. Въ продолженіи своего Синописа (напис. подъ конецъ 12-го вѣка), въ которомъ три раза упоминается о Варангахъ, онъ находитъ нужнымъ... въ первый же разъ сообщить въ скобкахъ своимъ **читателямъ, получившимъ эллиническое образование** [выделено – А.М.], что отрядъ, о которомъ онъ говоритъ, на простонародномъ нарѣчій... называется Варангами. Это признаніе служить для насъ вѣрною исходною точкою и дѣлаетъ намъ понятнымъ, почему другіе Византийцы... не употребляютъ имени “Варанговъ”, а замѣняютъ его другими... Употреблялось какъ имя нарицательное рядомъ съ этническимъ названіемъ Ῥωσ...» [21, с. 357–462].

Академик Васильевский, Василий Григорьевич, (1838–1899), цитирует то самое первое упоминание варягов в эллинистической литературе: «Один из Варангов, ...встретив в пустынном месте туземную женщину, сделал покушение на её целомудрие. ...Он прибег к насилию; но женщина, выхватив (из ножен) меч этого человека, поразила варвара в сердце и убила его на месте. Когда её поступок сделался известным в окружности, **Варанги** [выделено – А.М.], собравшись вместе, воздали честь этой женщине (буквально: «увенчали ее»), отдав ей и все имущество насильника, а его бросили без погребения, согласно с законом о самоубийцах» (Cedren. II, 508 sq.: τῶν εἰς παραχρῆμασίαν ἐν τῷ δέματι τῶν Θρακησιῶν διεσπαρμένων Βαράγγων — βίαν ἤδη ἐλήθει, ἡ δὲ τὸν ἀκινάκην σπασαμένη τὰνδρός — ἀναίρει, τοῦ δὲ ἔργου διαδοθέντος ἐν τῇ περιχώρῳ συναθροισθέντες οἱ Βαράγγοι τήν τε γυναῖκα στεφανοῦσι и т. д.) [22, с. 216].

И здесь же, в главе «Византийские Варанги 1034 года», Васильевский констатирует: «Название Варангов появилось там, где русский союзный корпус прославил себя в походах Василия II Болгаробойца, где он провёл не одну зиму на постое, где он, по-видимому, стоял обыкновенно и постоянно, где он ясно и прямо указан именно около зимы 1034 года».

«Прямые доказательства существования Варяго-Руси в XI веке» Васильевский находит непосредственно в греческих текстах. Сомнения в справедливости его выводов может вызвать у читателя разве что полное отсутствие знаний по древнегреческому языку, ибо прямая связь между *варягами* и *Русью* в греческих текстах выражена синтаксическими, а не лексическими средствами, как, кстати заметим, и в русских летописях системная связь выражена грамматически, а лексически дополнена. Предоставим слово непосредственно Васильевскому:

«Мы должны по порядку времени начать с хрисовула, данного в 1060 году императором Константином X Афонской лавре св. Афанасия. ...Константин Дука подтвердил привилегии прежних государей и освободил имения лавры от всех податей и повинностей – государственных, земских, военных и таможенных – и от денежных сборов для Варягов – Руси, или Саракин, или Франков: λογαριακῆς εἰσπράξεως Βαράγγων Ῥωσ, ἢ Σαρακινῶν, ἢ Φραγγῶν (История Афона преосв. Порфирия, III, 1 стр. 186 изд. 1877 г.).

В 1075 году император Михаил VII ... освободил ... дом ... и все ... имения [Михаила Атталиоты, проконсула и верховного судьи – А.М.] ... от всяких податей и повинностей ... и, между прочим, – от постоя военных ... “еще же Руси Варягов, или Колбягов, или Франков или Булгаров, или Сарацин, или каких других: ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μίσθου ἀρχόντων ταγματικῶν ἢ θεματικῶν, ἔτι τε Ῥῶς, Βαράγγων, ἢ Χουλπίγγων, ἢ Φράγγων, ἢ Βουλγάρων, ἢ Σαρακηνῶν, ἢ ἄλλων τινῶν” (Sathas, Bibliotheca graeca t. I, p. 55).

В мае 1079 года ... ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μίσθου ἀρχόντων ταγματικῶν ἢ θεματικῶν, ἔτι τε Ῥῶς, Βαράγγων, ἢ Χουλπίγγων, ἢ Φράγγων, ἢ Βουλγάρων, ἢ Σαρακηνῶν, καὶ ἄλλων τινῶν. (Sathas, *ibid.* p. 64)

Наконец, к 1088 году относится хрисовул Алексея Комнина ... “от постоя ... отрядов греческих и иностранных, а также русских Варягов, Колбягов, Англиян (Англичан), Франков, Немцев, Булгаров, Сарацин, Алан, Обезов (Абхазов), бессмертных и остальных всех Греков и чужеземцев”: ἀπὸ — μίσθου ἀρχόντων ταγματικῶν καὶ θεματικῶν, ῥωμαϊκῶν τε παραταγῶν καὶ ἐθνικῶν ἐτι τε ῥώσων, βαράννων, κουλπίνων, ἰγγλίνων, φράγγων, νεμίτζων – ἀθανάτων καὶ λοιπῶν ἀπάντων ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν. (Zachariae, *Jus Graeco-Latinum* III, 373). В другом издании (Сакеллиона) читалось Ῥώσων, Βαράγγων (см. у Гопфа: *Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters* *«Allgem. Encyklopadie herausg. von Ersch und Gruber, 1. Sect., 85 Th.»*, стр. 149а).

При малочисленности и редкости византийских хрисовулов, каждое слово и каждая буква приведенных нами документов должны быть ценимы исследователем как величайшая драгоценность. Что мы в них замечаем относительно Варягов и Руси? Во-первых, во всех четырех грамотах слова Варяги и Русь стоят рядом, и, во-вторых, ни в одной из грамот между Варягами и Русью не стоит разделительной частицы или (ῆ), которую в трех грамотах отделяются члены предложения. Автор Истории Афона, у которого мы заимствовали отрывок первой грамоты, может, без сомнения, быть почитаем специальным знатоком греко-византийского языка, и он перевел слова Βαράγγων Ῥῶς выражением Варяго-Россы. Мы с удовольствием подкрепляем свое мнение его авторитетом. В самом деле – почему частица или (ῆ) в трех первых хрисовулах не следует тотчас за словом Варяги, а начинает повторяться только вслед за словом Русь? Если бы слово Ῥῶς (Rhos) составляло особенный, отдельный член в разделении, или особую статью в перечислении, то юридическая точность жалованной грамоты и логическая правильность речи требовали бы разделительной частицы уже после первого члена, пред вторым, пред словом Русь. Так оно и бывает в тех случаях, где этому быть следует. ... Удовольствуемся, со своей стороны, напоминанием о другом правиле греческой грамматики, по которому имена народов часто ставятся совершенно как прилагательные при личных существительных (Krüger, *Griechische Sprachlehre* I § 57, 1, 4)... Одним словом, Ῥῶς Βάραγγοι или Βάραγγοι Ῥῶς значит: Русь Варяги или Варяги Русь» [22, с. 348–165].

Грамматические пояснения Васильевского тем более важны для нас, что запятых в те времена, как и пробелов между словами, письмо не знало. Пословное членение и пунктуация везде современная. Пословное деление письменного текста формируется в Европе веке этак в XIII, и к XV веку надо отнести появление пунктуации. В греческом языке были весьма строгие правила сочетания слов, регулирующие свободный порядок слов в речи.

В главе «Шеститысячный русский корпус в Константинополе в 988 году» Васильевский пишет: «Варяжская дружина в Византии состояла первоначально из Русских; название Варангов, прежде всего, принадлежало тому наемному русскому корпусу, который существовал с 988 года; если скандинавские Норманны входили в состав этого корпуса, то они вступали в готовую уже организацию и составляли здесь незаметное меньшинство, так что византийские источники могли совершенно умолчать о них и называть варяжскую дружину по преобладающему национальному составу русскою или тавроскифскою» [22, с. 210]. Трудно не согласиться с Васильевским: сугубо внутренние военные термины русского корпуса, одним из которых и является профессиональный жаргонизм «варяг», греки не переписывали с помощью транслитерации на родной язык в течение длительного периода времени; так что согласимся с выводом Васильевского, но с одной-единственной оговоркой: примерно в это же время, «X–XI вв.», согласно ст. «Варяг» этимологического словаря Фасмера [44, с. 276],

магометанский учёный аль-Бируни зафиксировал фонетическую форму [varank], – и это по времени совпадает с азиатско-кавказскими военными походами 6000 русского наёмного союзного корпуса в составе армии Василия II, что логически объясняет, откуда было магометанскому учёному аль-Бируни узнать о неких Варанках, обитавших на далёком и мало известном краю познаваемой вселенной, на побережье Варяжского моря. Очевидно, что к X–XI векам слово или выражение *Varank* уже морфологически и фонетически застыло, превратившись в профессиональный жаргонизм, сохраняя своё древнерусское архаическое звучание в интернациональном составе наёмных подразделений Державы Ромеев. А стало быть, на всём пути из варяг в греки имя [varank] было употребимо до X века, а согласно русскому летописанию – со середины IX века.

Почётный член Петербургской АН, первый директор Императорского Эрмитажа, историк Гедеонов, Степан Александрович (1816–1878), указывает на ту особенность, которая, вводя в заблуждение, провоцирует исследователей русского вопроса на привязку скандинавского этнического признака к социальному явлению – варяги: «Норманны действительно являются в иных известных случаях под именем руси, но у писателей тех только народов, или имевших дело с теми только народами, к которым они приходили через русь или вместе с русью. Таковы были арабы и греки; таковы, между западными летописцами – Пруденций и Лиудпранд. У себя дома и у тех летописцев, которые знали их не по арабским или по византийским известиям, норманны никогда не именуется русью. Ясно, что этим наименованием они обязаны своим отношениям к славянской руси» [23, с. 529].

И опять дадим слово Кунику: «Прежде нерѣдко удивлялись, что въ византийскихъ лѣтописяхъ и сборникахъ, дошедшихъ до насъ, ...название Варангъ въ первый разъ упоминается не ранѣе 1034 года... Въ настоящее время, когда оказывается, что варангскій легіонъ въ Византіи организовался лишь послѣ смерти Святослава, молчаніе лѣтописцевъ относительно Варанговъ въ Византіи до 972 года становится совершенно понятнымъ. <...> Иначе сложились обстоятельства послѣ смерти Святослава. ...Христіанство, введенное въ Россіи... въ 988-мъ году возведено было въ государственную религію. Національная рознь между христіанскими Руссами и языческими Норманнами, выступавшая все сильнѣе и рѣзче, не могла ускользнуть отъ вниманія Грековъ, которые конечно почувствовали больше довѣрія къ языческимъ Скандинавамъ, жаднымъ лишь на щедрую плату и чуждымъ русско-византийской политикѣ, такъ что императоры образовали изъ нихъ отрядъ своихъ тѣлохранителей» [21, с. 357–462].

Ещё одно объяснение, почему именно со второй трети XI века мы обнаруживаем скандинавский элемент в составе наёмников, можно найти в весьма симптоматичной связи между тем, когда слово *βάρανγα* входит в литературный словарь языка греческого, и политикой Ярослава Мудрого (ок. 978–1054), который после смерти в 1036 году младшего брата Мстислава Удалого (Храброго), князя Черниговского, прибрал к рукам по сути все земли Русские, установив контроль на всём пути из варяг в греки. Ярослав возводит армированные укреплёния вокруг Киева, сам стольный град разрастается, идёт строительство Софийского собора. Согласно летописанию, на этот период приходится укрепление с Золотыми воротами, возведение надвратной Благовещенской церкви, монастырей Святого Георгия и Святой Ирины. А волна градостроительства?! В Скандивании землю Русскую с этого времени именуют не иначе, как «Гардарики», то есть земля городов. Каменное зодчество приходит на Русь – повсеместно. Развиваются ремёсла, на Русь завозятся мастерские из Европы. В земле Русской – три финансовых центра (как бы мы сегодня выразились: центробанк, монетный двор), где отливаются серебряные гривны – Киевская, Черниговская и Новгородская. Как и множество иных преобразований, всё это требует колоссальных средств, которых традиционной для Руси торговлей (пенька, мёд, меха, челядь) явно недостаточно. Очевидно, что наряду с доходами от транзитной торговли и таможни высокоприбыльным бизнесом князя становится поставка наёмников для византийской армии, их снабжение, снаряжение.

Исландская сага «О Харальде Сигурдарсоне»: «[С войском *вэрингов*, латинян и тех греков, которые присоединились к нему, Харальд пошёл на запад в Африку.] Харальд провел много зим в Африке, захватил огромное богатство, золото и всякого рода драгоценности. И

всё то богатство, которое он добывал, но [которое ему] не требовалось, чтобы содержать себя, он посылал со своими верными людьми на север в Хольмгард [Новгород – А.М.] под власть и охрану конунга Ярицлева [Ярослав Мудрый – А.М.]. <...> И когда Харальд прибыл в Хольмгард, конунг Ярицлев превосходно встретил его. Провёл он там зиму, взял тогда в свое распоряжение все то золото, которое он раньше посылал туда из Миклагарда, и всякого рода драгоценности. Это было такое большое богатство, что ни один человек в северных странах не видел такого во владении одного человека. <...> Той зимой выдал конунг Ярицлейв свою дочь за Харальда. Она звалась Элизабет... Ему выпало много золота и дочь конунга» [24, с. 452–453].

Джаксон, Татьяна Николаевна, – доктор исторических наук (ИРИ РАН), историк-скандиевист: «Адам также упоминает “слиток золота, привезённый Харальдом из Греции”, вес которого был таков, “что его едва [могли] поднять на плечи двенадцать юношей”... В “Гнилой коже” и “Красивой коже” говорится о том, что Харальд отправляет Ярославу Мудрому ту часть приобретённого богатства, которая не нужна ему для содержания войска...» [24, с. 475].

Словарь Макса Фасмера: «ВАРЯГ – Ср.-греч. βάραγγος, ср.-лат. varangus "телохранитель, воин из наемной стражи визант. императоров" (впервые в 1034 г. у Кедрена; см. Томсен...), араб. **Varank** (X–XI вв.); см. Томсен, там же...» [44, с. 276].

Носовые монофтонги, которые русский язык не перенял от наречий общеславянских, то есть утратил к X веку, до сего дня сохраняются в польском языке славянской ветви. Носовые гласные есть в языках германской языковой семьи, а также во французском и португальском, где нозализации подверглась латынь под влиянием кельтских диалектов. Древнерусские следы носовых монофтонгов мы находим в летописании: *варагъ*. Сравним: др.-рус. *варагъ*, др.-болг. *варжъ*, но др.-серб. *варугъ*, рус. *варяг*. И отмечаем чередование: *л/ж – я/у*.

В греческом алфавите были предусмотрены дополнительные буквы и сочетания букв для записи иностранных слов, в которых есть звуки, не имеющие аналогов в греческом. Так, поскольку в греческом языке не было носовых звуков, в отличие от германских или славянских наречий, то для передачи носовых в греческом письме использовали задвоенную гамму – γγ.

Естественно, возникает вопрос: какое просторечное звучание IX–X вв. легло в основу греческого слова XI века – βάραγγα? Ответ мы находим в работах Вильгельма Томсена, закреплённого впоследствии в этимологическом словаре Максимилиана Фасмера [44, с. 276]:

Βάραγγα (1034) – это из varank (рубеж X–XI вв.).

Открываем оксфордские лекции Томсена:

«Если мы обратимся к Арабским писателям, там мы тоже найдём слово Varank, но только с географическим определением. Первый Магометанский писатель, который упоминает Варанков, – аль-Бируни (родился в Хорезме примерно в 973 году и умер в 1038 году н.э. [1048/50 – А.М.]), чрезвычайно эрудированный и уважаемый автор, из всех его работ – которые сохранились – лишь небольшая часть на сегодня опубликована. Но мы узнали от некоторых более поздних авторов, которые ссылались на его авторитет, что он упомянул “залив великого океана, который простирается к северу от Славян и зовётся Варяжским Морем (Balt Varank)”; но Варанки – это ведь имя людей, которые “населяют его берега”... Персидский манускрипт Бируни “Руководство по Астрономии” (составленный в 1029 году) был найден позже, и мы узнали, что в трёх отрывках этой работы автор упоминает Варанков» [Перевод – А.М.].

Оригинал: *If we turn to the Arabic writers we find there also the word **Varank**, but only with a geographical signification. The first Mahomedan writer who mentions the **Varank** is al-Biruni (born in Choresmia 973, +c. 1038 A.D.), an extremely learned and important author, of whose works – as far as they still in existence – but a small portion has yet been published. But we learn from several more recent writers who quote him as their authority, that he had mentioned ‘a bay of the great ocean which stretches northwards of the Slavs and is called the Varagian Sea (**Balt Varank**)’; but ‘Varank is the name of a people who ‘dwell on its coasts’... A Persian manuscript of Biruni’s*

'Instruction in Astronomy' (composed in 1029) has lately been discovered, and we are told that in three passages of this work he speaks of the Varank... [27, с. 113–114].

Итак, согласно свидетельству аль-Бируни, изначально слово звучало как [varank].

Просторечное выражение или слово было занесено в Державу Ромеев наёмными воинами, пришедшими из земли Русской, в звуковой оболочке [varank] не позднее конца X века. Иноземное для греков имя Varank – военный жаргонизм, который известен на Руси со середины IX века на всех путях из варяг в греки. Имя Varank стало образцом для образования греческого литературного слова βάρανκα во второй трети XI века. Стало быть, [varank] – исходная звуковая форма. Ну а поскольку другого исходного лексического материала история не знает, то именно фонетическая словоформа [varank] должна быть предметом этимологического препарирования. Подопытное имя – Varank, и никаких иных последышей, тем более – реконструкций а-ля *Varingr, призванных, как тряпка для быка, отвести исследование в сторону от цели. Varank, но никак не Væringr из var.

Но кто такой аль-Бируни, чтобы мы могли доверять его свидетельству?!

Абú Рейхán Мухаммéd ибн Ахмéd аль-БирунÍ (973–1048) – величайший учёный средневековья с энциклопедическим кругозором, мыслитель, один лишь только список трудов которого перевалил за сотню библиографических наименований. Его знаниями и идеями, сами того не подозревая, мы пользуемся по сей день. Ну а что для читателя сего очерка является показательным, так это то, что аль-Бируни был полиглотом, а труды его писаны на двух языках: арабском (язык семитский от афразийской макросемьи языков) и персидском (индоевропейская языковая семья). Его родным языком был хорезмийский – диалект персидского. Среди едва не десятка иностранных языков, которыми он владел, значится греческий и санскрит (оба от индоевропейской языковой семьи). Мы знакомы со многими тюркскими именами городов благодаря аль-Бируни. Он разработал принципы передачи естественнонаучной терминологии с одного языка в другой. Ну а самое знаковое: аль-Бируни – основатель звукописи, то есть переложения речи с одного языка на другой, с основами которой знаком каждый современный нам школьник или студент, изучающий иностранные языки. Разработанная им фонетическая система звукописи предвосхитила систему передачи индийских слов в урду (индоевропейская языковая семья). «Для передачи индийских терминов, названий сочинений и имён собственных ал-Бируни применил особую, созданную им на основе арабской графики систему транскрипции. Многие в этой транскрипции предвосхищают современное воспроизведение индийских слов средствами арабского письма в урду» [41, с. 41–42].

Итак, их звали – **Варанки (Varank)**. В «Книге вразумления начаткам науки о звездах» (или «Руководство по Астрономии») аль-Бируни употребляет имя Varank. Выглядит писаное арабской вязью слово – вот так вот:

ورنك

[40, с. 287].

(В приводимых ниже цитатах в круглые скобки заключена, в соответствии с комментариями к переводу [40, с. 288, 293–295], расшифровка некоторых старинных имён.)

Первое упоминание имени Varank: «Море, которое находится на западе обитаемой части Земли у берегов Танжера и Андалусии (мусульманская Испания), называется Окружающим морем (Атлантический океан) ... В него не углубляются, а плавают только около берега: от Андалусии оно простирается к северу и от этих стран вдоль страны славян. На севере страны славян от него отходит большой залив вблизи страны болгар – мусульман (Волжская Булгария), этот залив известен под названием **Варяжского моря; варяги** – это народ, живущий на его берегу [здесь и далее выделено мною – А.М.]. За страной болгар – мусульман море заворачивает на восток, и между его берегом и краем страны тюрок

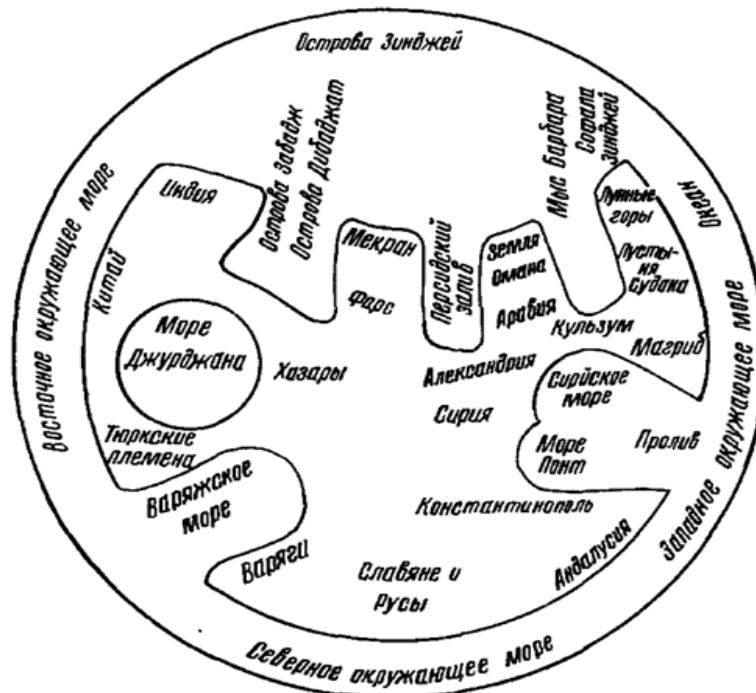
(Туркестан и Сибирь) расположены земли и горы – неизвестные, пустынные, непроходимые. <...> В середине обитаемой части Земли в стране **славян и русов** находится море, известное у греков под названием Понт... Из этого моря выходит пролив, проходящий у стен Константинополя... впадает в Сирийское (Средиземное) море... Это море вливается в Окружающее море у Андалусии через пролив, который в книгах древних упоминается как проход Геркулеса... По нему вода течёт в Окружающее море» [40, с. 100–101].

Второе упоминание: «Что касается границы обитаемой части, то Птоломей считал, что это остров Туле. [Это остров в стране славян, в **Варяжском море**], его широта равна... приблизительно шестидесяти шести градусам. Люди, живущие между концом седьмого климата и этой границей, живут в дикости, в нечеловеческих условиях, в крайней нужде, чем дальше на север, тем условия жизни... ухудшаются... Самый длинный день – двадцать четыре часа, то есть без ночи... и самая длинная ночь – двадцать четыре часа без дня» [40, с. 112].

Третье упоминание имени Varank: «Что касается седьмого климата, то в нём мало обработанных земель. В его восточной части находятся только лесные чащи и горы башкир, область печенегов... и **земли русов, славян, болгар** [и мадьяр] и заканчивается в Окружающем море.

За этим климатом обитают немногие народы – ису (летописная весь – финноязычные племена), **варяги**, юра (обские угры, или по-русски остяки и вогулы земли Югорской: ханты и манси) и подобные им» [40, с. 116–117].

Карта обитаемой части Земли по аль-Бируни, на которую помещены *варяги, русь* и *славяне*:

[40, с. 101].

На представленном аль-Бируни рисунке мы находим местность, где обитали *варяги, русь* и *славяне* – в связке и в окружении иных известных автору народов. Скандинавии на карте нет, как и в описании обитаемой части Земли не упомянуты ни шведы, ни норманны. Можем разве что предположить, что скандинавы обретаются в тех широтах на краю Земли, где, по замечанию аль-Бируни, люди «живут в дикости, в нечеловеческих условиях». Зато в современных комментариях к переводу его «Астрономии» дано безапелляционное толкование: «варяги – скандинавы» [40, с. 287]. Додумал комментатор за аль-Бируни.

Впрочем, чему удивляться?! Открываем оксфордские лекции Вильгельма Томсена – отца-основателя научного норманнизма, и по сей день определяющие политологические взгляды большинства историков Европы и России на истоки государственности русской: «В

этом контексте имя Варанк со всей очевидностью указывает на Скандинавов, конкретнее – на Шведов, и “Варяжское Море” – Балтийское, которое, как мы показали, в Русских хрониках называлось точно так же... На карте, которая приложена к манускрипту, они со всей очевидностью помещены на выступающем побережье Швеции» [27, с. 114].

Обман доверием: побережье Швеции на карту не нанесено вовсе, а в описании – ни намёка на Скандинавию. Побережье Швеции – это выдумка Томсена, так называемый квазиисторический факт, банальный идеологический вброс. Смотрим на карту, сверяемся с описанием: «Большой залив вблизи страны болгар – мусульман... известен под названием Варяжского моря; варяги – это народ, живущий на его (Варяжского моря) берегу»; здесь же, на этом берегу, к западу от варягов (согласно описанию – к юго-западу) помещена Русь и славяне; в море, на краю обитаемой границы, есть остров Туле – и «это остров в стране славян, в Варяжском море». А кто на том берегу залива, напротив варягов? На противоположном берегу – тюрки и к югу далее хазары, Каспий (море Джурджана), но никак не шведы. Не кажется ли моему читателю, более-менее знакомому с историей славяно-арабских отношений VIII–X веков, что «большой залив вблизи страны болгар – мусульман... под названием Варяжского моря» напоминает не столько собственно Балтийское море, сколько водный путь из варяг по Оке и Волге (пределы Симовы) через земли угрофинских племён, тюрок, болгар-мусульман, Хазарского каганата на Каспий и далее на Кавказ, в Персию, Ближний Восток – или же по другому ответвлению восточного маршрута через Азовское в Чёрное (Русское) море... Утверждение аль-Бируни: «В стране славян и русов находится море... Понт», – объясняется многочисленными славянскими поселениями (земледельческими анклавами) в Сирии и на Балканах, славян на воинской службе в арабской армии, торговыми сношениями с арабами и персами, работоторговлей, грабительскими набегами и прочее. Арабский мир был тесно связан с миром славянским, и аль-Бируни вполне осведомлён был.

В другой работе, которую мы знаем под названием «Индия», аль-Бируни даёт топонимику, не оставляющую у читателя ни малейших сомнений в том, что он имел в виду: «Мы должны представить себе, что горы окружают землю индийцев по ее границам... Реки, текущие из них по направлению к северу, проходят через земли тюрок, тибетцев, хазар и славян и впадают либо в Море Джурджана, либо в Озеро Хорезма, либо в Море Понта, либо в Северное Море Славян» [41, с. 241]. Комментарий переводчиков: «Северное море славян, т. е. Балтийское» [41, с. 622].

Предположение, будто под Варяжским морем аль-Бируни подразумевал, прежде всего, Волжский путь из варяг в Персию и альтернативный на Балканы тем более имеет под собой основание, что в магометанском мире этот путь, то есть из Славонии в Закавказье, был хорошо известен задолго до аль-Бируни. Обращаю внимание читателя: Варяжское море на рисунке расположено вдоль северо-восточной, но никак не северо-западной оси по отношению к Сирии.

Открываем «Книгу путей и государств» Абуль-Касима Убайдаллаха ибн-Абдаллаха, известного под прозвищем Ибн-Хордадбе (писал в 60–70-х годах IX века – Рюриковы времена) – за полтора века до «Астрономии» Бируни:

«Царь Славян [называется] Кнадз (Кнад)...

Что же касается купцов-Русских – они же суть племя из Славян, – то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю... А если желают, то ходят на кораблях по реке Славонии [Волге – А.М.], проходят по заливу хазарской столицы, где владетель ее берет с них десятину... Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад...» [38, с. 48–50].

Кроме того, древние карты в нашем понимании совсем не карты – географические. География как точная наука начинает развиваться в новое историческое время, в связи с эпохой великих географических открытий. А во времена аль-Бируни географическое мировоззрение было совершенно иным – отличным от нашего с вами, мой читатель. В те времена картографы обращали пытливым взор к небу, к звёздам, и поэтому, кстати замечу, аль-Бируни в своём труде приводит подробное руководство пользователя астролябии – астрономического инструмента для измерения широт и долгот небесных тел. Географические

карты средневековья (и ранее) напоминали смысловые план-схемы с указанием каких-то ориентиров и векторов, порой весьма подробных и точных, местами – весьма условных. Многие из древних карт можно назвать путеводителями.

А вот научные представления аль-Бируни о геокоординатах вполне соответствуют современным знаниям. Его расчёты: «широта равна... приблизительно шестидесяти шести градусам» – верны, ибо это северная граница Варяжского моря (то есть северная оконечность Ботнического залива), что у полярного круга без нескольких минут. При этом аль-Бируни замечает: «Мы привели широты начал и концов климатов... Но данные о широтах в большинстве случаев далеки от истины: ...можем только примерно установить правильные широты... хотя, конечно, то, что мы сообщаем здесь, ближе к истине, чем то, что обычно пишут в книгах» [40, с. 115].

Мы точно не ответим на вопрос, слышал ли аль-Бируни от кого-либо о племени по имени «шведы», но можем утверждать наверное: варяги в его представлении никак не были связаны ни со шведами, ни с норманнами – ни с викингами. Почему? Ответ прост: во времена аль-Бируни вообще мало кто слышал о шведах, живущих на самом краю обитаемой части Земли «в дикости, в нечеловеческих условиях».

Аль-Бируни потому не помянул шведов ни отдельно, ни в связке с варягами и Русью, что ничего не знал о них, а не знал, потому что в его времена призрак норманнизма ещё не витал в мире науки. Минует век и десятилетия после смерти аль-Бируни, прежде чем Саксон Грамматик, нанявшись на службу к королю Дании Вальдемару II, приступит к сочинению героической истории скандинавов – и ещё пройдут века, прежде чем его «Деяния данов» будут востребованы скандинавокреационистами. (В скобках заметим к нашему рассуждению: король Дании Вальдемар II по отцу был прапраправнуком великого князя Всеволода Ярославича, который первым из киевских князей принял титул «князя всея Руси», а по матери Вальдемар II – сын дочери минского князя Володаря Глебовича.) Во времена аль-Бируни исландцы ещё не сочиняли королевских саг, где вскользь помянуты некие Væringjar, и исландские скальды ещё не преуспели в восхвалении подвигов своих конунгов. Ещё Иван Грозный не научал своего шведского визави Юхана III, кто такие варяги. Ещё не прочили бояре московские королевича Карла Филиппа, сына шведского короля Карла IX, на русский престол в лето 1611 – в самый разгар смутных времён. Призрак норманима ещё не витал в стенах Императорской Академии наук и художеств Санкт-Петербурга, заражая вирусом скандинавокреационизма историческое сознание российских академиков.

Ещё одна неувязка в оксфордских лекциях Томсена, на которую вкратце следует указать читателю, делает постулат о цивилизационной миссии шведов в истории русской вовсе лишённым какого бы то ни было научного смысла – и это хронология. Ошибся Томсен аж на полтора столетия при формулировке основного постулата норманнизма:

«Слово *Varangian, Varank*, в своём происхождении, относится к началу 11 столетия, географически указывает на Скандинавов, в частности – на Шведов, и ни на кого иного (The word *Varangian, Varank*, bore, from the beginning of the eleventh century, its geographical signification of Scandinavians, more particularly Swedes, and no other.)» [27, с. 114].

Начало государственности в земле Русской, согласно с летописанием русским, исчисляется от середины века IX, но никак не начала XI. Ежели норманнисты сомневаются в свидетельстве Нестора, тогда с чего они вообще взяли факт призвания варягов? Норманизм и наука – понятия трудно совместимые, ибо наука опирается на факты, законы и систему доказательств, включающих свидетельства, а норманизм – на веру, предубеждения и домыслы с вкраплением действительно исторического материала. Ты не можешь дать кому-то то, чего нет у тебя самого; нельзя экспортировать начатки государственности, ежели сам живёшь варвар варваром; нельзя построить на чужбине города и назвать ту страну «Гардарики», ежели сам не гражданин, не муромец, не зодчий.

Так обратимся же, мой читатель, к законам – этимологическим, то есть к истории языка русского.

Варяги – этимология

Ну, о корне *war/var/вар*, весьма продуктивном во всём кусте индоевропейских языков, а из соседних – также в тюркских наречиях, нафантазировано на страницах научной литературы столько, что сослаться на работы, в которых фигурирует этот корень, нет никакого смысла. Библиография зашкаливает за всякие разумные пределы.

Вопрос совершенно иной: а с чего это вдруг этимологи по обе стороны стены раздора вдруг решили, будто в слове *Varank-βάρανγκ-Варагъ-Varangus* корень – *war/var/вар*?! В русском языке, дескать, немцы не нашли слова *Varangus*, стало быть – выдумаем скандинавскую этимологию **Waringr* (осторожно, реконструкция!). Я не знаю, как изучают родной язык в Скандинавии или Германии, я не знаю, где учились наши академики, но в русской школе с младших классов принято делать морфологический, грамматический, синтаксический разбор элементов всех уровней родной речи. Ну а студенты ещё и детерминируют по функции значений и смысла, обращаясь при этом к словарям, чтобы увериться в этимологии, прибегая к методике сравнительной лингвистики.

1. Варанк – этимология (носовые: *ɛ/ɔ – eŋ/oŋ/aŋ/iŋ*)

Поскольку в последнюю четверть ушедшего тысячелетия и по сей день колоду русских карт, состоящую из исторических фактов и умозаключений, тасуют и раскладывают преимущественно скандинавокреационисты, то имеет смысл обратиться непосредственно к их версии смыслового наполнения понятия «варяг»: *воин, объединённый присягой* (Куник), *чей статус обеспечен договором с правами социальных привилегий* (Томсен). Иными словами – это собрание не по этническому, а по социальному признаку (военному, торговому, управленческому), функционирующему на основе круговой поруки и верности данному обету.

Выдержка из статьи «Варяг» русского этимологического словаря Макса Фасмера [44, с. 276]:

русск. *Варяжское море* «Балтийское море». || Заимств. из др.-сканд. **váringr, væringr*, от *vár* «верность, порука, обет», т. е. «союзники, члены корпорации»; см. Томсен.

Воспользуемся подсказкой Фасмера и возьмём за основу *поруку*.

Сначала, однако ж, небольшой экскурс в историю русского языка, чтобы освежить в памяти читателя фонетический контекст, известный ему со студенческой скамьи. К X веку древнерусские носовые юсы **Ж** и **А** преобразовались в русские звуки **У** и **А** либо разложились. Безусловно, распад носовых произошёл не в один день и не повсеместно – это процесс длительный, охватывающий не одно поколение русских людей. Вероятно, в городах русских и среди племенных наречий процессы происходили по-разному. В конце концов *варагъ* лёг на письмо как *варяг*, *ржка* – как *рука*. А стало быть, ежели б к X в. русские люди умели бы писать кириллицей, русское слово *порука* до X века должно было бы писаться как *поржка* – и, в зависимости от наречий славянских или говоров городских, звучать как [по-роŋ-ка], или [по-раŋ-ка], или [по-реŋ-ка], или [по-риŋ-ка].

Откроем учебник по истории русского языка: «Восточные славяне утратили носовые звуки не позднее X в., т. е. раньше того времени, когда появились первые памятники письменности. <...> Если посмотреть... на историю носовых гласных в восточнославянском языке-основе, то прежде всего следует учесть, что звуки [ɔ] и [ɛ] имели определенные буквенные обозначения в кириллической азбуке: [ɔ] обозначался буквой **Ж** („юс большой“), а [ɛ] — буквой **А** („юс малый“). <...> Отличия между праславянским языком и языком восточных славян VI–IX вв., с одной стороны, и древнерусским языком X–XI вв. – с другой, в отношении системы гласных были связаны с наличием носовых в древний период» [15, с. 105–110].

«Следовательно, современное русское [У] в словах *ухо*, *сухой* и т. п. восходит к праславянскому [U], а в словах *зуб*, *рука* и т. п. – к праславянскому **Ж**» [14, с. 117–118].

А теперь обратимся к языкам коренного (автохтонного) населения тех мест, куда, согласно с летописями, были призваны варяги, которые некогда звались Русь, – к словнику

туземцев, начиная с III–II тыс. до н.э. Балтская языковая группа – ближайшие родственники славянам (см. статью «Рука» в этимологическом словаре Фамера):

paranka – сбор, собрание.

В скандинавских языках: норвежском, шведском, исландском, датском, а также финском – адепты исторической школы норманнизма не нашли более-менее близких форм из словариков до X века.

И наконец, таки разложим пасьянс из слов, зафиксированных исключительно в письменных текстах. Морфологический разбор – и никаких лингвистических реконструкций и прочих умозаключений, подстановок или перестановок, которые могли бы вызвать у читателя этой статьи сомнения или подозрения в подлоге: аль-Бируни – **Varank**, греч. **Βάραγγα**, лат. **Varangus**, из исландских саг **Væringi**, др.-рус. **Варагъ**, др.-блг. **Варжгъ**, следует обратить внимание на старосербский **Варугъ** [21, с. 414] с У в корне.

Va-rank-(ъ) – транскрипция по аль-Бируни

Vá-ραγγ-α – ср.-греч.;

Va-рлг-ъ – др.-рус.;

Va-ржг-ъ – др.-блг.

Va-руг-ъ – др.-серб.;

Va-rang-us – латынь;

Væ-ring-i – исл. саги.

Слова однокоренные, и никто из исследователей не оспаривает этимологического родства этого семейства, разбросанного по странам и языкам. Вот только корень реконструируют как древнескандинавский *Var-.

Сопоставим в системе это воинско-торговое братство:

Va-rank-(ъ) – *варяг*

По-ржк-а – *порука*

Pa-rank-a – *сбор, собрание*

Va-рлг-ъ – *варяг*

Va-ржг-ъ – *варяг*

Va-руг-ъ – *варяг*

Корень -rank-. Или в зависимости от места и времени словоупотребления корневое чередование. При взгляде на выстроенный ряд корень не должен вызывать сомнений, ибо для русского человека это очевидно. Здесь нет реконструкций, нет умозрительных построений – все слова живые. Так какой корень? Корень **-rank-**... при условии, разумеется, что все морфемы будут объяснены с той же прозрачностью и неоспоримостью.

Открываем словарь Макса Фасмера, статья «Рука» [46, с. 515]:

рука, вин. ед. **ру́ку**, укр., блр. **рукá**, др.-русск. **рука**, ст.-слав. **рѣка** **χεῖρ** (Остром., Мар., Зогр., Супр.), болг. **ръка**, сербо-хорв. **ру́ка**, вин. **ру́ку**, словен. **го́ка**, чеш., слвц. **ruka** польск. **reka**, в.-луж., н.-луж. **ruka**. || Родственно лит. **rankà**, вин. **гай́ка** «рука», лтш. **gūoka**, др.-прусск. **ганско**, вин. **gānkan**, связанным чередованием с лит. **renku**, **rinkai**, **riŋkti** «собрать» **parankà** «сбор, собрание»; см. Лескин, Abl. 340; Мейе,

Префикс ва- Балто-славянские приставки *na-* и *po-* не должны вызывать вопросы у русского читателя, для которого русский язык родной.

Но что же такое «**ва-**»? Обратимся опять-таки к словарю Макса Фасмера, к статье «Ва» [44, с. 262]. **Ва** – это «вы (двое)», только в древнерусском языке, и никаком другом.

ва «**вы (двое)**», только др.-русск., ст.-слав. **ѡа** — им.-вин. п. дв. ч.

«Только древнерусский»!!! И исключительно древнерусское значение – «вы (двое)».

Заслуженный преподаватель московской гимназии, Александр Григорьевич Преображенский в своей русской этимологии [48, с. 61] попросту указывает значения слова «ва» – *вы, оба, ваши*, не делая различий для старославянского и древнерусского, что для него

кажется вполне естественным, ежели, с исторической оговоркой, рассматривать старославянский на русской почве. Хотя и не немецкая, но логика верная.

Учебник по исторической грамматике русского языка предлагает пример из Синодального патерика, где «ва» употребляется в значении «по двум или обоим причинам зараз», – смотрим: «*нынѣ даю вама имѣние еже ва бѣхъ и преже даль*» [15, с. 330].

Откроем грамматику истории русского языка [15, с. 279] и убедимся: «ты» – «ва» – «вы» как единственное – двойственное – множественное число местоимения 2-го лица:

И.-В. дв. ч. – ва

Р.-М. дв. ч. – ваю

Д.-Т. дв. ч. – вама

Напомним: в древнерусском языке вместо цифр использовались буквы, и в древнерусской азбуке как раз буква «В» обозначала цифру «2».

Обратимся к индийской ветви нашей языковой семьи:

«Слово «рука» применялось вместо цифры “2”, так как у человека две руки» [28].

Таким образом, варяг – это: **ВА+РЖК+(Ъ/А)**, то есть **двурук(ий)**, или **обоерук(ий)** из *два, обое* (только др.-рус.) + *рука, сбор, собрание* (балтославянский корень **ranka**) = **обе руки**.

Флексия -ь. Часть речи. Грамматическая форма слова определяется по формальным признакам: флексия и парадигма. Безусловно, перед нами краткое прилагательное – **обоерук**, или **двурук**, или **двоерук**, как иные бывают *однорукими, косорукими, леворукими, праворукими, многорукими* и т. д. *Меч двуручный, обоестрый* или *обоюдоострый*, а футболист – *двуногий* или *одноногий*, змей – *трёхголовый*. Циклоп *одноглазый*. Глядеть в *оба глаза*. Уплетать за *обе щёки*... Краткие прилагательные с древнейших времён и по сей день образуют имена – личные, а также имена по роду деятельности или характеристике, по функции. *Мал, Коловрат, Свят, Слав, Храбр, Мир, Мудр, Люб, Вер*... Ежели в наши дни вы обзовёте *полицейского полицаем*, а *пожарного пожарником*, то вы рискуете оскорбить не только его гордость, но и заденете чувство достоинства всего профессионального сообщества – братства.

Итак, этимологически *варяг* в переводе на совр. рус. яз. – это **двурук(ий)** или **обоерук(ий)**. Попрошу читателя очерка вдуматься и осознать морфологический вывод: краткая форма прилагательного мужского рода единственного числа «**двоерукъ**», «**обоерукъ**» = **VA+RAN-КЪ** («**ва+ра-гъ**»). В этом грамматическом ряду: *добръ – добрый, бодръ – бодрый, малъ – малый, храбръ – храбрый, быстръ – быстрый*... Не от полных – краткие, а наоборот: «Полные прилагательные образовывались ещё в праславянскую эпоху от кратких путём присоединения... указательного местоимения *и, я, е*... Местоимение ставилось при прилагательном, но относилось к существительному как *определённый член* при нём...» [15, с. 291].

«В древнерусском языке, – согласно с древнерусской грамматикой, – было три категории кратких прилагательных – качественные, относительные и притяжательные; все они изменялись по родам и числам и склонялись как существительные муж. и ср. р. с древней

основой на ѓ твёрдой и мягкой разновидностей и как существительные жен. р. с древней основой на ā...» [15, с. 294–297].

«В древнерусском языке при числительном *два* существительное ставилось в И. п. дв. ч., а при *три, четыре* – в И. п. мн. ч.» [15, с. 276]. То есть два или оба *варяга* И.п., (в отличие от совр. Р.п.), но три *варязи*. Ну а один, естественно, *варягъ*.

Чередование к/г. Чередование конечного [к/г], и даже вероятность [х], в слове «варяг» не является принципиальным словоразличительным признаком. Фасмер в статье «Друк», указывая на палатализационные формы, замечает: «Формы на к не представляется возможным отделять от форм на г. И та и другая являются древними. Ср., с одной стороны, водрузить, водружать, с другой стороны, дручить, удручить, польск. *dreczyc* "мучить". Таким образом, к не является продуктом развития отдельных языков...» [44, с. 543-544].

Если перенести на старославянскую языковую почву современное выражение: *ты обоерук, потому что у тебя две руки*, – то это прозвучит примерно так: *ты ѓси варакъ* [varęкъ], *сице бо имаши ва рѣцѣ* [varętsie].

В русскую литературу имя «варяг» (Βάραγγα) вошло не из наречий родных, а в форме, непосредственно заимствованной из византийской литературы, пройдя сквозь фонетическое сито греческого языка и там же будучи преобразованным из словосочетания в социальный термин, – так сказать, лексический реэкспорт. Кроме того, напоминая читателю, во-первых, о чередовании *к/г* и *л/ж* на общеславянской почве, а во-вторых – ударение в древнерусские времена было не ударным, а музыкальным, тональным. Да и сегодня мы поём: [вó-па-ле-бе-р'о-ска-ста-я-ла] или [вá-па-ле-ку-дря-ва-я-ста-я-ла]. Мы говорим: *пáсынок* (от по+сын, то бишь неродной сын). Аще *пáщенок* (щенок), *пáсмурный* (смурной), *пáрусло* (русло), *пáробок* (по+роб), *пáотец* да *пáматерь* (ежели не родные), *пáлистъ* (по+листъ), *пáкость* (по+кость), *пáгрозка* (малая гроза), *пáводъ, пáдуб...*

Ежели читатель было подумал вдруг, будто автор статьи сделал открытие в русском вопросе, то пускай откроет роман Валентина Иванова «Русь изначальная» и прочтает:

Рядом прозвучало незнакомое слово: обоерукий. <...> Всадники парят над седлами, необычайно высокие, и, обоерукие, косят, косят и косят. <...> Обоерукий, как сам Всеслав, Ратибор и отбивал и разил двумя мечами. <...> Кажется, они заняли все поле, от леса до леса. Много обоеруких, им сейчас раздолье. <...> Воевода сидел камнем в седле, прямой, большой, светлые усы концами легли на железную грудь доспеха. Князь-воин обоерукий. <...> Сняв рубахи, оба вышли во двор голые по пояс, каждый с двумя мечами. Обоерукие воины. <...> Не расходясь, не отдыхая, по двору слободы клубом вертелось четверорукое чудовище, сверкало, брэнчало...

Со времён, по меньшей мере, античных, к источникам которых обращался Валентин Ианов, работая над историческим романом, мы имеем достоверные сведения об *обоеруких* воинах – героях своей эпохи. Надеюсь, мой читатель не заподозрит патриарха мировой литературы Гомера в том, будто бы он был предвзят к нашей с вами русской истории. Ни норманистом, ни славянофилом он точно не прослыл, и место у нашей стены раздора, уж конечно, не забивал себе. Ибо ни сном, ни духом не ведал, что такое *Русь*, а вот слово «варяг», пускай и на греческий лад (где-то лет этак за 800 с гаком до Рождества Христова и более чем за полторы тысячи лет до призвания *варягов*) было отнюдь не чуждо его античному тезаурусу. Иных корней, но той же сути – ратной. «Илиада» – это древнейший из сохранившихся памятников греческой литературы, основой для которой послужили многочисленные сказания Древней Греции о подвигах древних героев. Историю рода двоерукого воина Астеропея поведал нам Гомер.

Вот эти бессмертные гомеровские строки «Илиады» в переводе В. Вересаева:

«Пиками сразу ударил Астеропей удалой: копьеборец он был двоерукий. Пикой одной Ахиллесов он щит поразил... Пикой другой он Пелиду на правой руке оцарапал локоть, и черная кровь заструилась [29, с. 450].

У Н. Гнедича читаем: *дротами вдруг обоими сын Пелегонов пустил: копьеборец он был обоеручный* [30, с. 299].

Как читатель, надеюсь, догадывается, ни Гнедич, ни Вересаев не предвзяты в выборе словообразовательной модели, и Валентин Иванов тоже, – они писали по-русски, используя слова русские. *Двоерукий, двурукий, обоерукие или обоеручный* – искони от русского словника.

В оригинале у Гомера:

ὡς φάτ' ἀπειλήσας, ὃ δ' ἀνέσχετο δῖος Ἀχιλλεὺς

Πηλιάδα μελίην· ὃ δ' ἀμαρτῆ δούρασιν ἀμφίς

ἦρως Ἀστεροπαῖος, ἐπεὶ περιδέξιος ἦεν [31, с.418].

Где *ἐπεὶ περιδέξιος ἦεν* – *слыл двуруким копьеметальщиком*.

ἐπεὶ – слыть, называться

περι-δέξιος (*περί* – вокруг, кругом, *δέξιος* – правый, правосторонний, т.е. благоприятный) – обоерукий. Амбидекстри́я – врождённое или выработанное в тренировке равное развитие функций обеих рук, способность человека выполнять двигательные действия правой и левой рукой с одинаковой скоростью и эффективностью.

Речевое сочетание слов «два» + «рука» естественное. Обратимся к нашим временам, указав на продуктивное словообразование *двурукий, двоерукий* или *обоерукий*. Например, словарь Ушакова: «ДВУРУКИЕ, двуруких (зоол. устар.). Высший отряд млекопитающих, единственным представителем которого является человек (в отличие от четвероруких – обезьян)». Двурукие – *Bimana*. Термин *bimana* (*bi* – два и *mana* – рука) ввёл в европейский научный словарь французский естествоиспытатель, натуралист Жорж Леопольд де Кювье (1769—1832); он не слово выдумал, не словосочетание или выражение, Кювье закрепил это словосочетание терминологически. Ну, наверное, все знакомы с *биноклем* и *моноклем* и подобным словообразованием.

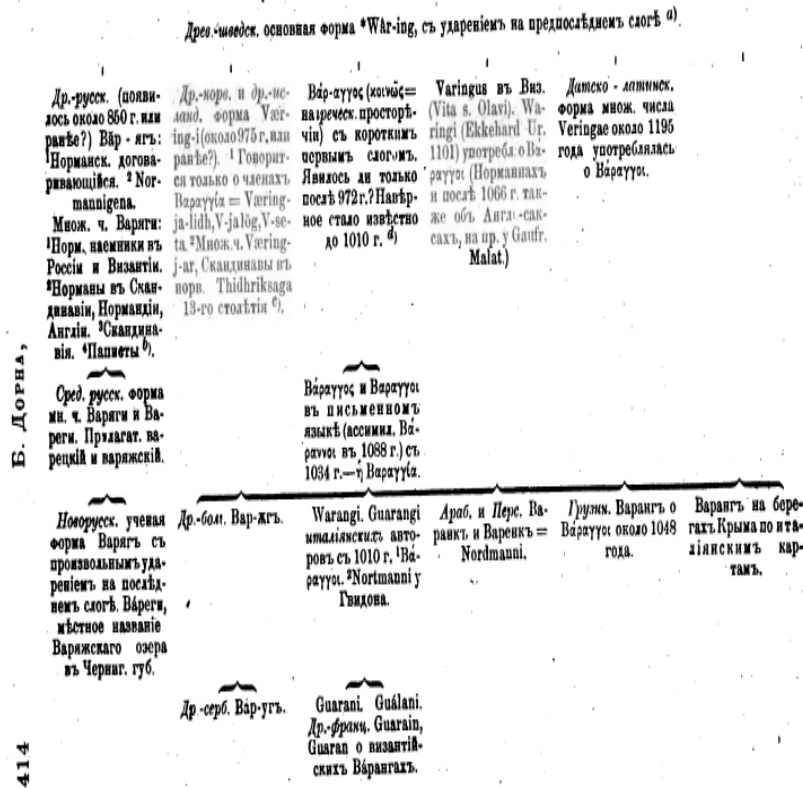
Ну и наконец, углубившись в языковые реалии тысячелетней давности, обратимся к хронологическому пласту, который нас интересует в первую очередь, то есть ко времени, которое непосредственно предшествовало вхождению русского военного жаргонизма *Varank* в элинскую литературу как имя *Βάραγγα*, чтобы убедиться в том, что слово «рука» могло вступать в сочетания с другими словами при образовании имён-характеристик людей.

В одной из греческих хроник упоинается некий родственник князя Владимира Крестителя по имени **Χρυσόχεφ**, который прибыл в Константинополь во главе отряда в количестве 800 воинов якобы с намерением вступить в наёмную службу. Переведём имя *Χρυσό-χεφ* с греческого обратно на русский, ибо Хрисохир – русский человек, из Руси пришел: *Χρυσό* (совр. греч. ΧΡΥΣΟ) – *золото*, *χεφ* (совр. греч. ΧΕΡІ) – *рука*. Выходит имя или прозвище *Золотая рука*, или *Златорукий, Златоручка*, что вполне-вполне соответствует социальному статусу родственника великого князя – Владимира (ок. 960 – 1015). Володимѣрь Святославичъ – по прозвищу Владимир Красно Солнышко, как мы знаем из былин.

Васильевский, «Шеститысячный русский корпус в Константинополе 988 года»: «Время события, о котором должна идти речь, византийским историком определено так, что оно случилось после того, как умерла в России сестра императора Василия Анна и еще прежде нее муж ее Владимир... Греческая компилятивная хроника ставит сейчас приводимый рассказ пред самою смертью Василия II, которая случилась в декабре – после событий 1023 и 1025 годов... Итак: “Когда умерла на Руси сестра императора, а ранее ее муж ее Владимир, то **Хрисохир**, какой-то сородич умершего, привлекая к себе 800 человек и посадив их на суда, пришел в Константинополь, как будто желая вступить в наемную службу...” (Cedren. II, 478–479: **Χρυσόχεφ** – ἄνδρας ὀκτακόσιους προσεταιρισάμενος – ἦλθεν – ὡς τάχα μίσθοφορησων. τοῦ δὲ βασιλέως καταθεῖναι τὰ ὄπλα κελεύοντος καὶ οὕτω ποιήσασθαι τὴν ἐντυχίαν, μὴ θελήσας διῆλθε τὴν Προποντίδα – ἐκεῖσε δὲ-παρασπονδηθέντες ἅπαντες κατεσφάγησαν). – ... У Норманнов прозвища без имени не употребляются, тогда как в русских летописях есть и Волчий хвост, и Положи

шило (Гедеонов, Отрывки, стр. 262), следовательно, возможна была и Золотая рука» [22, с. 207].

Куник собрал и систематизировал все известные ему варианты слова, обозначающего представителя военно-торгового братства *обоеруких*, или *двуруких*, или *двоеруких*.

[21, с. 414].

И на этом можно завершить собственно этимологическое исследование слова «варяг».

2. Похищение Руси

Племена, не ведавшие учения Христа на излучине цивилизационного течения, когда варяги Русью звались, и потому прославившие в устах христианских писателей дикими: славяне, балты, скандинавы, финны, — не имели своей письменности, не знали грамоты ни греческой, ни латинской. По краям Державы Ромеев только-только разгоралась заря европейской цивилизации, которую мы сегодня называем национально-государственным мироустройством. Вместе с верой в Христа приняли письменность некогда дикие народы, а с письменностью — и многие слова, имена, термины, понятия, образ грамматики и литературу. Вспомним высказывание Пушкина: «В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему [русскому языку] свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» [32]. Переиначим слова Пушкина, позволив себе вольное обобщение: классические языки усыновили языки диких, варварских племён, избавив те от столетий мучительного саморазвития, и так родились литературные, образованные языки современной Европы, в основе которых в неразрывной связи лежат родные наречия и классическая традиция; в результате сегодня мы имеем возможность наслаждаться великой европейской литературой, философией, наукой.

Слово «варяг», как мы уже знаем, перешло из греческого языка в латынь, в соответствии с грамматикой греко-латинской, ибо изначально обжилось в эллинской литературе. Споры нет: **Βάραγγα** > **Varangus**. Это факт. Распространилось это имя с

незначительными изменениями во всей европейской литературе, принявшей за основу письменности латинский алфавит. А в русскую литературу слово «варяг» вошло из текстов, писанных в эллинской летописной культуре, поскольку кириллическую азбуку вместе с верой приняли от греков.

Вектор распространения литературной формы «варяг» по смежным языкам и письменным памятникам сомнений не вызывает, но это касается литературного языка, писаного контекста истории. А вот просторечное слово или выражение?

Э-э нет, не от эллинской грамматики. Заимствование: [**varank**] > **Βάρανγα** – очевидно, и свидетельством тому задвоенная гамма γγ, которой греки заменяли носовые монофтонги в заимствованных иноязычных словах, ибо греки не гундосили, не гнусавили, их язык не знал носовых гласных в обозначенный период времени. Древнерусская приставки **ва**, балтославянский корень **rank** и история кратких прилагательных как части русской речи: **варягъ, варяга, варязи** – всё это подкреплёно свидетельствами русского летописца о событиях середины IX в., и транскрипцией магометанского учёного аль-Бируни на рубеже X–XI вв., и византийской литературой от второй трети XI в., где варяги – это наёмники, от Руси пришедшие. Свидетельств о варягах до XI в. мы не находим ни в европейской литературе, ни в скандинавской – в частности. Исключительно – в русской, да и то отсылочно.

В исторической исследовательской науке (какого бы то ни было направления) есть некий знаковый признак, исходя из которого мы имеем веские основания подозревать, что та местность, где мы отмечаем наибольшее внутривидовое разнообразие: языковое и культурное, – и есть культурно-языковой очаг, из которого разветвляется древо или куст всего языкового семейства. Эту местность мы рассматриваем как свою прародину, и там мы пытаемся отыскать свои корни. Это подозрение справедливо не только для больших величин, но и для малых, а именно – для этимологии отдельного слова.

Например, если в Грузии, куда в 989 году добрался 6000 отряд русских наёмников в составе византийской карательной экспедиции, мы находим словоформу **ვარანგი** [варанги] в половине века XI (вот и всё разнообразие), то грузинский язык, в сопоставлении со славянскими языками того же периода, не может претендовать на роль этимологического прародителя. Напомним читателю очерка: устроив родственный союз с князем Владимиром через сестру свою Анну, Василий II получил из Руси вспомогательный военный отряд.

Если мы обратимся к русскому языку, то, в сравнении с иными претендентами, картина настолько пёстрая, что и сопоставлять не с кем и не с чем: *варяг, варяга, варяжа, варяжье, варяжское, vareцкий, vareга, варьга, варенги, vareжка* – и это только фиксация простонародных выражений в словаре Фасмера в половине XX века. Днепр – *Варух...* иранских, предположительно, корней. На берегах Крыма по итальянским картам – *Варанг*, озеро *Váregi* – в Черниговской губернии. А смысловая палитра: *наёмник, наёмный профессиональный воин на Руси и в Византии, телохранитель при императоре Державы Ромеев, vareжка (от варяжская рукавица), торговец, корзижник, коробейник, борец, крепкий рослый человек, силач, находник, бродяга, беспутный пустой человек (várega), пройдоха, босаяк, прощельга, скупщик всячины по деревням, маяк, тархан, орёл, кулак, маклак, прасол, перекупиц, офеня, коробейник, щепетильник, а также прусак, немец, швед, инородец, легионер* и вообще *чужак...* – всех цветов и оттенков конкретные лексические значения. До сего дня *варяг* жив как образ в сознании и языке русском: то крейсер назовём и даже песню сочиним – «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг», то прикупленных футболистов из Бразилии или Аргентины варягами кличем, то губернатора со всей его пришлой шатией-братией варягами обзываем за то только, что не здешние отродясь. Кто такой кризисный менеджер в компании или банке? – варяг, конечно же.

Слово «варяг» родное, живое в языке по сей день, а сам варяг – да, чужак, однако для кого он не свой и кто там свой?! Землю не пашет, народным ремеслом не владеет, но знаем как в городе, так и в деревне. Без роду, без племени. Инородец, где бы он ни обжился. В отличие от общинников, где каждый узнаёт каждого и знает историю до третьего колена, варяг – находник... даже если бы его дед из местных был. Русское слово «варяг» – по-свойски о не своих. Иван Грозный напомнил Шведскому королю Юхану III в приватном письме: «В

прежнихъ кроникахъ и лѣтописцехъ писано, что с великимъ государемъ самодержцемъ Георгиемъ-Ярославомъ на многих битвахъ бывали варяги, а варяги – нѣмцы» [33].

Что же касается выдумки Томсена о варяге как члене корпорации, чей статус якобы обеспечен договором с правами социальных привилегий, то об этом привилегированном статусе красноречиво повествуют наши летописи:

Жил-был один варяг, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришёл тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, красен лицом и душой. И пал на него жребий по зависти дьявольской... Сказали пришедшие (от старейшин) посланники: «Поскольку пал жребий на сына твоего, которого изволил бог взять к себе, так принесём его в жертву богу». И ответил варяг: «Не боги это, а дерево... Бог же один... Не отдам сына своего бесам» ... Они же взяли за оружие... и разгромили двор его... побили их, и не знает никто же, где погребли их. Ибо был тогда человек невеглас (невежд) и поган на радость дьяволу [1, с. 82–83].

Вот и весь статус – привилегированный.

Ну а как греки соблюдают привилегированный статус, обеспеченный договором, свидетельствует дальнейшая судьба помянутого выше Хрисохира (Χρυσόχρηφ) по прозвищу Золотая рука, или Златоручка, – родича великого князя Владимира, Красное Солнышко: «Но когда император требовал, чтоб он сложил оружие и только в таком виде представился на свидание, то он [Златорукий] не захотел этого и ушел через Пропонтиду. Прибыв в Абидос и столкнувшись со стратигом оной (Пропонтиды), наблюдающим за морским берегом, он легко его поборол и спустился к Лемносу. Здесь (он и его спутники) были обмануты притворными обещаниями... и все были перебиты» [22, с. 207].

А каково же словоприменение *варяга* в Скандинавии? Ни норвежскому, ни датскому, ни финскому языку в исконно варяжском хронологическом пласте слово не ведомо вовсе – ни в одной из известных нам грамматических форм не зафиксировано. В настоящее время используется как научный термин. Пускай с изрядной долей сомнения, однако ж похвастаться могут шведы – гаданием на двух рунических записях на камнях: записи высечены не ранее, чем лет этак через 150 после того, как варяги уже жили-были, и примерно в то же время, когда Varank уже был прописан в магометанской литературе, а *Várangar* входил на страницы византийских хроник. Наверное, ввиду строгой поэтической формы, наиболее древнее (опять-таки не ранее второй трети XI столетия) употребление слова *Væringi* можно предположить в поэзии скальдов – придворных поэтов, восхвалявших деяния конунгов. Авторы исландских саг, которыми любят козырять скандинавкреационисты, вставляли, бывало, поэтические строки в свои сказания. Однако ж распространение скальдов в Исландии исчисляется от века XI и позже. Само освоение Исландии норвежцами началось во времена, не предшествовавшие призванию варягов, которые некогда Русью звались, а уже последовавшие за образованием земли Русской: в 874 году норвежец Ингольф Арнарсон поселился на острове в районе современного Рейкьявика – и от этой даты начинается отсчёт освоения Исландии. Иными словами, в триединстве: время, место, действие – время не то. У *Væringiar* из исландских саг – алиби, стало быть. Так скажет вам любой криминалист.

Связи между Русью и Скандинавией, как мы знаем, носили интенсивный и многообразный характер... начиная с конца X века. В сагах нет информации ни о призвании варягов в Приладожье, ни о Рюрике, ни о временах середины века IX. Здесь нет даже намёка на вопрос, почему варяги звались Русь. Джаксон, Татьяна Николаевна: «Королевские саги говорят о двух формах использования скандинавов для охраны Древнерусского государства: с одной стороны, это варяги-наемники, с другой – скандинавы, охраняющие области, отданные им в держание... Сообщений о военных походах непосредственно на Русь в королевских сагах и хрониках всего два: о датируемом 997 г. сожжении Ладоги ярлом Эйриком Хаконарсоном и о походе ярла Свейна Хаконарсона (в 1015 г.) по Восточному пути в Карелию и на Русь» [24, с. 35–36].

Приведём ещё несколько примеров из замечательного труда Джаксон «Исландские королевские саги о Восточной Европе»: «Так, историки сошлись в признании малой

достоверности саг как источников по политической истории Скандинавских стран IX–XI вв. (о чём большей частью ведётся рассказ в сагах), поскольку авторы саг рисовали этот период, исходя из представлений о социальной действительности времени записи саг, т.е. конца XII – начала XIII в., и руководствуясь хотя бы в какой-то мере политическими интересами своего времени <...> Тесные связи Руси и Скандинавии в X–XIII вв. оставили свой след... в частности в исландских сагах... Основная часть соотносится с временем княжения Владимира Святославича (978–1015)... и Ярослава Мудрого (1016–1054)... К более раннему времени относятся сведения саг и скальдических стихов о походах дружин скандинавских викингов по Восточному пути в Восточную Прибалтику и на север в Беломорье <...> Королевские саги содержат большой объем сведений о Русском Севере, под которым принято понимать территории, лежащие в Восточной Европе севернее 57° с. ш. В скандинавских источниках эти земли обозначаются топонимом *Бьярмаланд* (*Vjarmaland*) – «Земля бьярмов». Вопрос о точной локализации этой области, равно как и об этнической принадлежности «бьярмов», остаётся на протяжении двух веков предметом острой научной дискуссии. В сагах содержится указание на связь Бьярмаланда с древнерусскими землями («Сага о Хаконе Хаконарсоне», «Прядь о Хауке Длинные Чулки» и др.). Бьярмаланд предстаёт в сагах как сказочно богатая страна. Очевидно, что основой для создания такого мифа послужили пушные богатства этого края» [24, с. 22, 32, 38–39].

Казалось бы, при рассмотрении этимологии слова «варяг» можно просто не принимать во внимание те самые исландские саги, которые описывают победу над злым гномом короля Тедрика, с помощью соратника Хеймира (тому, 12-летнему отроку, варяги-де коня подарили и имя дали). Те самые саги, которые, при авторском беллетристическом взгляде из XIII–XIV веков находят Смоленск с Полоцком в половине века V во времена Атиллы и гуннов под его рукой?! Удревняют Новгород едва не на полтысячи лет?! Руциланд (земля Русская) в войне с Вилкиналанд (земля велетов, лютичей) во времена существования Римской империи. И в Венеции, и в Греции, Венгрии, Польше, на южном и восточном побережьях Балтики, да ещё и за сотни лет до призвания варягов... едва не во всей варварской Европе – повсюду мерещится авторам исландских саг земля Русская. Там русский дух, как говаривал Пушкин, там Русью пахнет... хотя и со скандинавским душком со страниц исландских саг веет.

Саги – устное народное творчество, положенное на письмо в XIII–XIV веках в художественном переосмыслении, причём неоднократной переработке исходного материала и разными авторами, чья доля сочинительства мало что оставила в литературных текстах от легендарных историй варварской Европы. Смешение времён и сказочных образов как эхо, отражённое с искажением от разных источников, порой весьма сомнительных, – эхо тех мест, где авторы сами никогда не бывали. Наслоение мотивов современному авторам саг бытия. И всё это изрядно приправлено языческой мистикой. Кривое зеркало истории, сага отнюдь не летопись, а сказание, нечто вроде былины или сказки, исторического романа или повести, местами в чистом виде – современный жанр фэнтези. Можем ли мы восстановить биографию Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алёши Поповича по русским былинам в контексте реальной истории той земли, знаменитыми богатырями которой они прослыли?! А кто такой Святогор? Микула Селянинович? Да... как образ сущий, созданный сказочным мышлением. Саги содержат богатейший материал о жизни племён Европы, но материал отнюдь не исторический, ежели мы детерминируем историю по хронологическому принципу, располагая на временной оси ключевые события и имена. Выдёргиваешь хронологическую ось – и из рассыпавшихся камушков собираешь мозаику по своему вкусу, далёкую от реальной действительности, безвозвратно ушедшей в прошлое.

В исландских сагах упоминаются некие *Væringjar* (ед.ч. *Væringi*). Служили-де оные в Византии как *Váragga*. Разве кто оспаривает тот факт, что скандинавы служили по договору в отрядах наёмников? В стремлении доказать, будто варяги – явление исконно норманнское, скандинавокреационисты грешат против элементарной логики. Ежели пришедшие от Руси в Державу Ромеев норманны – варяги (не императоры, не олигархи, не священники, не крестьяне, не челядь и т.д.), то варяги там – не норманны, а разноплемённый сброд, отформатированный по варяжским лекалам. При всём этом национальный вопрос для

христианского писателя не существовал как таковой; в «Послании Колоссянам» апостол Павел наставляет: «По образу Создавшего, нет ни Эллина, ни Иудея, но все и во всём Христос». В русском летописании, как читатель очерка мог убедиться, этническая принадлежность варягов также не рассматривалась – варяги выделены и названы Русью, но при этом Русь не определена этнически как племя, ибо русские – это те, кто признал себя русскими. В самом деле, кто бы только мог вообразить себе в те далёкие, тысячелетней давности времена, что когда-нибудь помянутые в летописях и сагах племена будут рассматриваться политологами как проекции современных наций на плоскости политической карты мира, а Тедрик и Хеймир – как протограждане национальных государств Евросоюза?!

Грамматическими нарядами *Væringjar* исландских саг отюдь не щеголяют, смысловая палитра изрядно скупа. Ни в какое сравнение с русским языком. Чем могут варяги исландских саг похвастаться, так это географией – Русь, Держава Ромеев и её пограничье, Восточная Европа, Ближний Восток, Африка... и только в родных краях замечены изредка. Впрочем, не удивительно, ибо поминаемые в сагах варяги весьма отчуждены от среды обитания коренного населения Скандинавии, а само слово зафиксировано в хронологических пластах, когда слава о варягах уже давным-давно бежала впереди них самих на всём пути из варяг в греки. Каких-либо параллелей с викингками в сагах не обнаружено. Да и однозначно вывести из текста саг этническую принадлежность поминаемых варягов весьма проблематично. Происхождение слова не прояснено.

Можно смело утверждать: несколькими десяткам примеров словоупотребления *Væringi* в исландских сагах соответствует не поддающееся счёту количество научных трудов на многих языках, где *Væringjar* так или иначе поминаются в качестве аргумента.

Нас же интересуют не сами саги, не их богатое на приключения содержание, не сказочная аура, цель – этимология исландского *Væringi*.

Именно с тем, чтобы выяснить, что положено в качестве научного обоснования скандинавской этимологии слова «варяг» от искусственно выведенной словоформы **Varingr* (реконструкция) в русских этимологических словарях, обратимся к Словарю Древненорвежской прозы, размещённого на сайте Копенгагенского университета (Dictionary of Old Norse Prose, University of Copenhagen) – альма-матер Вильгельма Томсена. Статья **væringi** [50].

ONP: Dictionary of Old Norse Prose

Home Words Manuscripts Works Bibliography Citations Info

væringi *sb. m.*
(formanssigt ambíg; exx. redlj. under væringar sb. m.)

væring, nordbo i den byzantiske kejsers tjeneste

Væringi einn i Gavðrem avsur ÓH323V 84*

Form: Væring (1);

Class: Ej; ClV; deV; NO; ABIM (Væringi)

Literature: *Gronvik* 2004 [ANF 119] 13; *Jakob Benediktsson* 1975 [KLN 19] 537

Genre (expected): historical works: 1 (0);

Þorbjörg Hildgottis — Oktober 2016

Other corpora

Translations from the Skaldic Project: Varangians (2); dwellers (1);

Menota / Edda		indefinite		definite	
		sing.	pl.	sing.	pl.
<i>væringja</i> - 36r ⁸	ÓHlg DG 4				
<i>væringjar</i> - 36v ¹⁶	ÓHlg DG 4	nom.	væringar (1)		
Skaldic		acc.	væringja (1)		
<i>væringa</i> "dwellers"	Egill Lr 19B	dat.			
<i>Væringjar</i> "Varangians"	ESK Gólf 53B	gen.			
<i>Væringjar</i> "Varangians"	Nalq Hr 4+6				

Толкование в Словаре Древненорвежской прозы:

Датский: *væring, nordbo i den byzantiske kejsers tjeneste.*

Русский перевод: *Северянин на службе у византийского императора.*

Для справки – из датско-русского словаря:

væring гл. = оставаться;

være гл. = быть, присутствовать, иметь, оказать, стать, являться, заключаться, находиться, нести и т.д. и т.п.;

væren сущ.= бытие, бытийность;

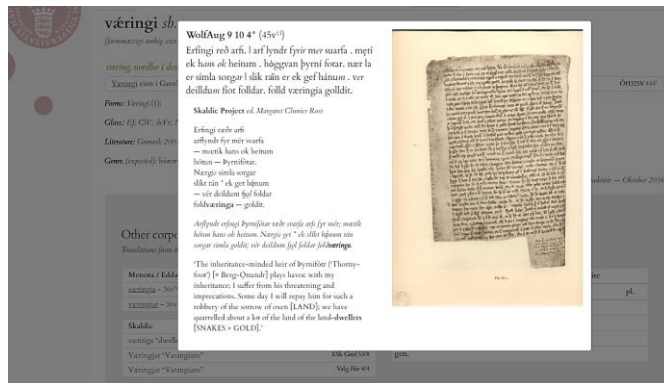
værende гл. = бытие, находящийся.

Обоснование, примеры:

Приведём, без изъятий, все три примера – поэзия скальдов:

1. Skaldic Project ed. Margaret Clunies Ross – Маргарет Ключнис Росс. Почётный профессор английского языка и раннеанглийской литературы, Сиднейский Университет.

Væringa – dwellers (англ.) – *поселяне, жильцы, обитатели.*

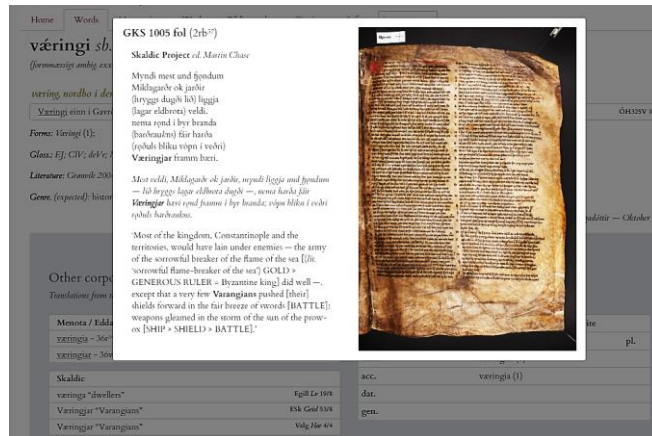
Скальд: *vér deildum fjöl foldar foldværinga.*

Английский вариант: *we have quarrelled about a lot of the land of the land-dwellers.*

Русский перевод: *мы поссорились из-за многих земель – земель обжитых (с поселянами).*

2. Skaldic Project ed. Martin Chase – Мартин Чейз, доцент кафедры английского языка и медиевистики Фордхемского университета, США.

Væringjar – Varangians (англ.) – *Варяги.*

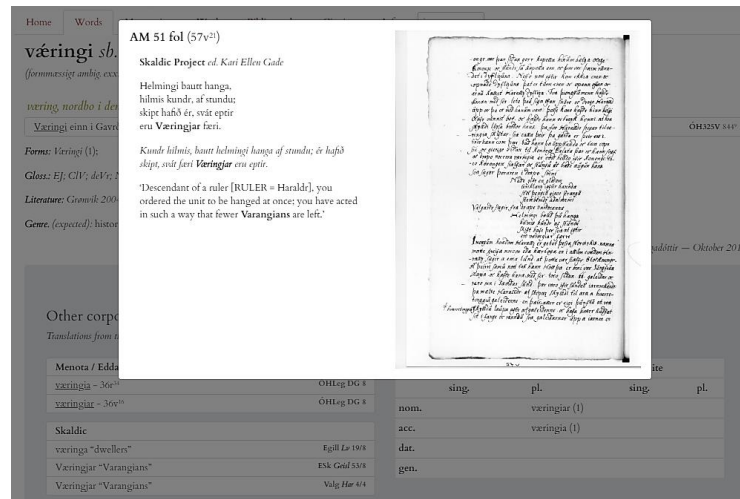
Скальд: *Mesti veldi, Miklagarðr ok jarðir, myndi liggja und fjöndum... nema harða fáir Væringjar bæri rønd fram...*

Английский: *Most of the kingdom, Constantinople and the territories, would have lain under enemies ... a very few Varangians pushed [their] shields...*

Русский: *Большая часть царства, Константинополь и территории, лежали бы под врагами... очень немногие варяги выдвинули [свои] щиты вперёд...*

3. Skaldic Project ed. Kari Ellen Gade – Кари Эллен Гаде, проректор, профессор по германским исследованиям и адъюнкт-профессор английского языка в Университете Индианы, Блумингтон, США.

Væringjar – Varangians (англ.) – *Варяги.*

Скальд: *Kundr hilmis, bautt helmingi hanga af stundu; ér hafið skipt, svát færri Væringjar eru eptir.*

Английский: *Descendant of a ruler [RULER = Haraldr], you ordered the unit to be hanged at once; you have acted in such a way that fewer Varangians are left.*

Русский: *Наследник правителя, ты приказал, чтобы отряд был повешен сразу; ты поступил таким образом, что немногие **варяги** остались после (казни).*

Начнём наш краткий разбор примеров из поэзии скальдов с того, что толкование имени *Væringi* как «Северянин на службе у византийского императора» некорректно уже по той хотя бы причине, что *варяги* изначально замечены на службе у русских князей, а уже потом только (спустя более чем полтора столетия) – в Державе Ромеев в качестве наёмников.

Норманны нанимались на службу к византийскому императору в качестве варягов, всё так, но варяги ведь не скандинавы. Византийские авторы этническими вопросами озабочены не были. Поминалось, впрочем, англоязычие некоторых. Наёмные отряды упоминаются под разными именами, а варяги – из Руси пришедшие. В русском летописании точно указано на славяноязычие варягов.

В Словаре Древненорвежской литературы мы не находим даже намёка на попытку установить этимологическую связь между греч. Βάραγγα и исл. *Væringi*, с вектором заимствования греками у скандинавов. Просто констатация факта, будто *варяги* – это *норманны (северяне)*, и всё. Аксиома.

Ну а теперь конкретно – по каждому из примеров.

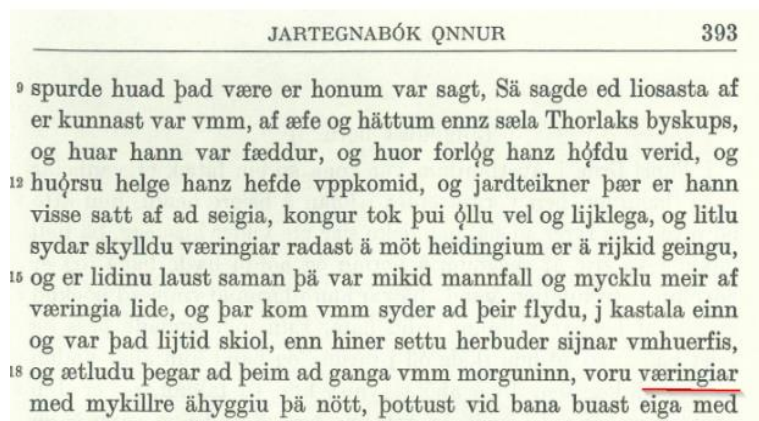
Итак, пример 1. Проф. Маргарет Клюнис Росс полагает возможным связать *foldværinga* (*land-dwellers* – *сухопутные обитатели земли, местные жители, поселяне*) этимологической связью с *Væringjar* (*Varangians* – *варяги*, то есть «Северяне на службе византийского императора»). И составители Словаря Древненорвежской прозы соотносят *foldværinga* с *væringjar*. *Foldværinga* из *fold+væringa* от глагола *væring* (оставаться, находиться и проч.) со значением англ. *land-dwellers* (поселяне, жители, обитатели земли) непозволительно расширяет значение, ибо так в состав *væringjar* мы можем включить вообще всё население Земли на том простом основании, что все мы есть и где-то обитаем.

Доказательств этимологической связи профессор не представила. Созвучие – это чистой воды народноэтимологический приём. Ложная этимология. Мы знаем, как многие отчуждённые исследователи буквально набрасывают созвучные слова в надежде, что количество упоминаний перейдет в качество доказательства: *Рось, Руса, Руза, русло, русый, русалка* якобы Русь, а *вар, варить* и прочее да ещё *Варух* с его *веруцими* (врьжши) порогами якобы Варяг.

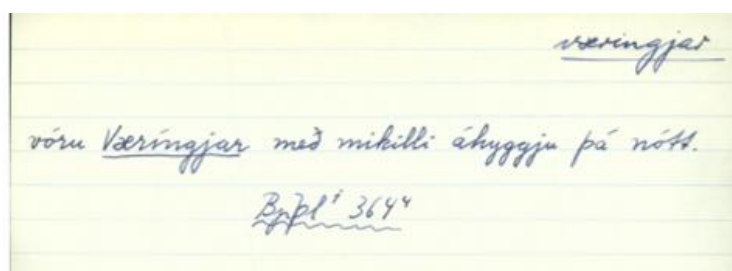
Примеры 2 и 3. *Væringjar* со щитами к бою или отряд повешенных *væringjar* – это воины, место действия – Византия. Всё так, кроме времени, ежели мы держим в уме этимологию. Чтобы сложилось классическое триединство: места, времени и действия, – надо

бы действие опустить вглубь времён минимум лет этак на 150–200. Это во-первых. А во-вторых, разве определено у скальдов, что упомянутые *væringjar* – норманны? Нет. Мы можем лишь о чём-то таком догадываться из контекста, поскольку воспеваемый герой – скандинав.

Тем не менее, оба примера, в отличие от сомнительного первого, могут свидетельствовать в пользу того факта, что северяне из Скандинавии действительно нанимались на службу к византийским императорам в XI веке и позднее в отряды варягов, и этот вывод справедлив, поскольку мы находим прямые подтверждения в текстах исландских саг.

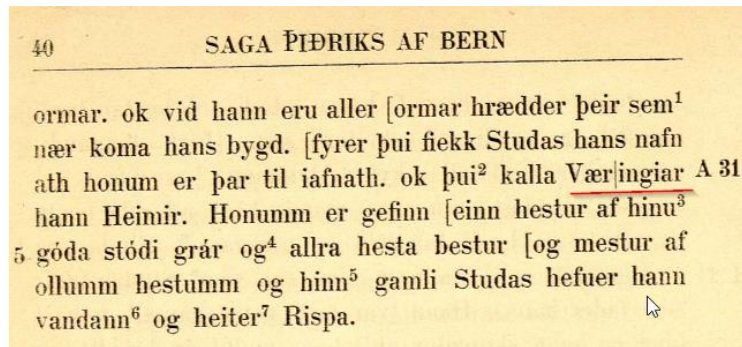
Jón Helgason (1899–1986) – исландский филолог и поэт; вот его дешифровка словоупотребления из текста Исландских королевских саг о Восточной Европе (JARTEGNABOK QNNUR): voru Væringjar með mikilli áhyggju þá nött – *были Варяги в великой печали той ночью*.

Разве так толкуют родные слова? Слово *Væringi* чуждо как исландскому, так и норвежскому языку, и шведскому тоже, – ни синонимов, ни родственных слов, ни палитры значений, ни сложенного смысла... ну вообще ничего. Без сноски на толковый словарь, будучи даже скандинавом, не разберёшься, не поймёшь. Как *babushka* (чёрный платок, старая женщина) в английском языке или *гаджет* – в русском. Скажи «гаджет» не к месту, не ко времени, и тебе в ответку прилетит: сам *гад-же-т*-акой, а *гадом же*, мол, других ещё обзывает. Ежели из земли какой, где живут победнее, люди едут на заработки в Германию, то это не значит, что слово *гастарбайтер* надо искать в одном из этих языков: турецком, греческом, итальянском, испанском, португальском, русском, польском, литовском или прочем, – немецкое слово *Gastarbeiter* (гость+работник) пришло на смену немецкому же *Fremdarbeiter* (иноземный+работник), а обозначает отчуждённого наёмного работника.

Родные слова или слова, давным-давно обжившиеся в языке, обычно принадлежат к своим родственным словарным гнёздам и, вместе с однокоренными родственниками, да в многообразии собственных грамматических форм, занимают в словарях много места, а палитра конкретных значений и примеры словоупотребления не ограничены ничем, кроме экономии места на странице. Напротив, *Væringi* – однозначное слово, как все термины, а стало быть, заимствование; терминологическое заимствование происходит оттуда, где термин изначально является рабочим. И это не Скандинавия.

Ещё пример – помянутая под XIII веком Куником [21, с. 414] «Сага о Тидреке из Берна» (Þiðreks saga af Bern), «Молодость конунга Тидрека» (Æska Þiðreks konungs).

Вот вкратце пересказ главы 18 «О Хеймире сыне Студаса» (Frá Heimi Studassyni), где мы встречаем слово Væringjar (варяги):

В некотором, дескать, городе Сэгард правила прекрасная и гордая женщина, знаменитая на всём севере и на юге подвигами, которые свершались во славу её. Неподальку в лесу был хутор. Управлял им Студас – старик умный и удалой. Студас – это имя самого злобного из всех злобных змеев, потому змеи обходили их дом стороной. У него был сын двенадцати лет, и звали его так же, как и отца его. Студас-младший с детства был ловок и силен. Никому не служил. Мало друзей имел, но тем немногим, с кем подружился, он не отказывал ни в чём – ни в деньгах, ни в помощи. За что прозвали его Хеймиром (Hei – это эй, а mir – это мир). Так, каков он был по натуре, варяги (Væringjar) и звали его – Хеймиром. И дали ему лучшего коня из табуна...

Дословно по-исландски: Studas (Студас) hans nafn (его имя), at honum er þar til jafnat (подходящее по натуре), ok þvi kalla Væringjar hann Heimir (потому варяги кличут его: Эй, Мир).

Ежели в саге о Тедрике [25], предположим, действительно отразились реальные события конца X века (Thidhriksaga записана в XIII веке), то не о тех ли варягах идёт речь, которым князь Владимир не заплатил за службу по договору, да и отослал из Киева в Державу Ромеев, вперёд отправив послов с предостережением: царь, держи, мол, подальше их, а то бед натворят, как здесь? Русские летописи: время действия – 980 год, место – Киев, обстоятельство – наём на службу по договору:

Посему сказали варяги Владимиру: «Сей град наш, мы его захватили. Так хотелось бы уже выкуп получить с них. По две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите. Вам куны соберут за месяц». Ждали большие месяца. И не даёт им. И сказали варяги: «Обманул нас. Так покажи нам путь в Греки». Он же сказал им: «Идите». И выбрал из них мужей добрых, смышлёных и храбрых. И раздал им города. Прочие же пошли к Царьграду, в Греки. И послал вперёд них послов, глаголя так: «Царю! Вот идут к тебе Варяги. Не вздумай держать их в граде, али натворят тебе такого же зла, как и здесь, но рассредоточь их порознь, а сюда не пускай ни одного».

Нет свидетельств о более раннем присутствии варягов в Державе Ромеев в каком бы то ни было качестве – ну, нет в мировой литературе, ни слова не сказано, и всё. В том числе и в пресловутых исландских сагах. Эпизод с отправкой варягов в землю Греческую, путь в которую им неведом, да ещё и помянут посол, который должен был предупредить царя Византии об испорченных нравах этих самых варягов, – начальная, по сути, страница того самого братства, объединённого порукой и призванного служить в качестве наёмников при царе Византийском. Ну а в русской истории варяги известны со времён Рюрика – прадеда князя Владимира, причём не только как легионеры, но и во многих иных государственных функциях, в которых были задействованы по соизволению князя... ежели они *мужьи добрые, смышлёные и храбрые*. Летописец прослеживает историю варягов от того исторического момента, когда они Русью звались, и до полного функционального разделения некогда единого понятия на две независимые друг от друга ветви: *варяги* и *Русь*.

«Информации о варягах-“находниках” на Русь в источниках почти нет, – пишет Джаксон. – На конец VIII – начало XI в. приходится по преимуществу повествования саг о поездках скандинавских викингов в Восточную Прибалтику и о сезонных нападениях их разрозненных дружин с целью грабежа на земли эстов и куршей (“Сага о Ньяле”)...» [24, с. 35–36].

Обратимся к «Саге о Ньяле». Сага популярна в Скандинавии, поэтому списков множество – не менее 60. Треть из них относится к XIV–XVI векам. Эта сага возникла в конце XIII века, т. е. позднее других родовых саг. Старейший список не древнее 1300 г. Автор нам не известен. За литературными персонажами и действием XII–XIII веков якобы проглядываются прототипы и сюжет X–XI веков – к такому выводу приходят исследователи при сравнении образной системы «Саги о Ньяле» с другими сагами, а также при синхронных расчётах, сопоставляя с деяниями исторических героев. Как бы там ни было, а один из действующих лиц по имени Кольскегге отправился на восток, в Гардарики, где провёл всю зиму, а к весне перебрался в Царьград (Миклагард), поступил на службу, дослужился до должности командира варяжского отряда и там, на чужбине, закончился его жизненный путь.

Это и есть типичное продолжение истории с переправкой в Державу Ромеев через землю Русскую человеческого материала для службы в отряде варягов.

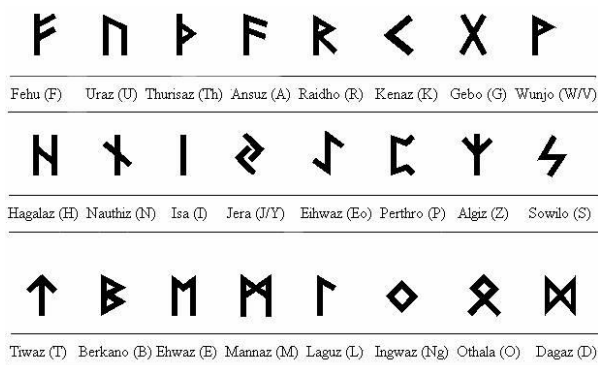
Почему мы вспомнили эту популярную сагу? С персонажем «Саги о Ньяле», исландцем Кольскегге, исследователи гадательно связывают и обе обнаруженные надписи на камнях. Образцы Ög 68 и Ög 111 [57].

Датировка камней с руническими надписями определяется по стилю рун. Являясь самым древним, стиль RAK (нет головы дракона, прямые линии) относится к периоду 980–1015 гг. См. образец Ög 68, где, по мнению специалистов, зафиксировано слово «варяг» – [UEREKS]. Образец Ög 111 (видимые сверху головы животных) относится к стилю Fr (с 1010/1015 до 1040/1050 гг.), где также, хотя и с долей сомнения, зафиксировано слово «варяг» в др.-сканд. словоформе [UIRIKR]. По мнению исследователя скандинавских рун Эрика Брэйта (Erik Brate), упомянутый в образце Ög 111 варяг – тот же самый человек, что помянут на камне с рунами образца Ög 68. Да, но если это так, то упомянуты варяги (и если это вообще варяги) во временном пласте не ранее 1010–1015 годов... И какое же, пускай сам читатель озадачится вопросом, эти подозреваемые рунические варяги имеют отношение к тем самым варягам, которые в 862 году были призваны старейшинами славянских и финских племён для установления русского миропорядка, – призваны, ибо их некогда Русью звали?!

Тем не менее, разберём подробно эти два единственных свидетельства, на которые как на доказательство кивают скандинавокреационисты: UEREKS и UIRIKR.

Руны:

Камень. Образец Ög 68. Найден в церкви Экебю. В 1961 году был перенесён на церковное крыльцо. Являясь самым древним, стиль RAK относится к периоду 980–1015 годов.

Эрик Брэйт предлагает древнескандинавскую транскрипцию, где uereks почему-то записан как Væringis. Звучат по-разному, об этимологии ни слова не сказано.

Вот расшифровка записи: Svæina gærði bro þessi æftiR Øyvind, broður sinn. Hann vas vestr dauðr i Væringis <kai-i>.

То же латинскими буквами: Suina karþi bru þesi eftiR Ouint, brufur sin. Han uas uesteR tauþeR i uereks (k)ai-i.

Перевод на современный русский язык: Свейна сделал этот мост в память об Эйвиндре, его брате. Он умер на Западе, у **Уэрекс** (= uereks, притяжательный падеж).

Др.-сканд. транскрипция	Латинская транскрипция	Перевод на совр. рус. яз
Svæina	Suina	Свейн
gærði	karþi	построил
bro	bru	этот
þessi	þesi	мост
æftiR	æftiR	в память
Øyvind,	Ouint	об Эйвиндре,
broður sinn.	brufur sin	его брате.
Hann	Han	Он
vas	uas	был
vestr	uesteR	на западе
dauðr	tauþeR	умер
i Væringis <kai-i> (uereks)	i uereks (k)ai-i	у варягов

Рунами слово, подозреваемое в том, что это «варяг», выбито так:

Транскрипция: [UEREKS].

Прочитаем, используя руны:

U т.е. [U] – URUZ. Название руны происходит от слова «первобытный бык» – ТУР, ТАВРУС. Поздне-скандинавское – ут (зубр). Британское – уг – зубр. Готский – uzuz (бык).

M т.е. [E] – EHWAZ. Означает «конь». На санскрите: hék+wos (лошадь, конь). Готский – aihos (лошадь). В санскрите конь – воплощение бога Агни (бога огня), посредник между двумя мирами, перевозящий души умерших в поднебесье.

R т.е. [R] – RAID(H)O. Означает «езда». На санскрите: gatha (быстрая боевая колесница, повозка). Ср. рус. яз.: ратник, ратовать, соратник. Поздне-скандинавское – reio (дорога), Англ. – road.

M т.е. [E]. См. руны выше.

< т.е. [K] – KANO (KENAZ). Др.-герм. kauna (факел), гот. kanu (пламя), позднескандинавское kann (факел).

> т.е. [S] – SOWELU (SIGEL). Означает слово «солнце». Санскрит: surya (солнце, заря). Поздне-скандинавское sol (солнце), англ. sun, гот. sauil.

Итак, вывод, будто UEREKS = Væring = Варяг. Как одни звуки превращаются со временем в другие да как в языке греческом [uereks] превратилось в Βάραγγα с носовым монофтонгом? Неведомо! Поэтому оставим на суд читателя – без комментариев.

Камень. Образец Ög 111. Руны в стиле Fr (1010/1015–1040/1050 гг.). Находится камень в стене церкви Ландерид.

Рунами слово «варяг» выбито так:

ᚱ | ᚱ | < | ᚱ

В сравнении с именем [UEREKS] камня Ög 68 для прочтения имени на камне Ög 111 нам не хватает одной руны:

I [i] – ISA. Название руны означает лёд (поздне-скандинавское – iss).

Транскрипция – звук: [UIRIKR].

Эрик Брэйт записывает [UIRIKR] как Væring.

Древнескандинавская транскрипция: Væring ræisti stæin æfti R þialfa, broður sinn, dræng þann, e r va R með Knuti.

Латинская транслитерация: uirik R resti stan efti R þialfa bruður sin trak þan A R ua R mi R knuti

Перевод на современный русский язык: Уирик (= uirik R) поднял камень в память о Ялфи, своём брате, доблестном человеке, который был с Кнудом (Канут Великий).

И опять нет ответа, каким образом звук [UIRIK R] перевоплотился в Βάραγγα, с носовым монофтонгическим гласным, на месте которого греки поставили γγ – задвоенную гамму. Не сходятся концы с концами.

Разумеется, можно притянуть буквально за уши: искажение *va* как *ue* или *ui*, а *rank* (*рука*) – как *rek* или *rik*, причём отсутствие носового монофтонга можно объяснить тем, что слово было заимствовано не ранее X века, уже после исчезновения (распада) юсов... к тому же сделать скидку на фонетические искажения при заимствовании из русского языка в язык шведский... Впрочем, лучше оставить подобные попытки реконструкций тем исследователям, которые на самом деле увлечены историей скандинавских слов, а нас впереди ждут совершенно иные открытия.

Ежели читателю случится побывать в Швеции, и он постучится в чью-либо дверь, представившись шутки ради *варягом*, то наверняка произойдёт от той шутки подобный диалог:

– Vem är det? (Кто там?)

– Варяг!

– Var var jag? Jag vet inte! Vem är jag?! Vad bryr du dig om mig?! (Где был я? Я не знаю! Кто такой я?! Какое вам до меня дело?)

Да-да, вот так всё плохо с варяжской этимологией в Швеции.

По-шведски русский Варяг [var jag] звучит: «Был ли я?». Ирония судьбы – иначе не скажешь даже.

На конец поисков в Скандинавских источниках норманнской этимологии варягов, которые некогда звались Русь, откроем Шведский этимологический словарь:

varäg, se var jag.

varjag el. **varäg**, hist., skandinav i Ryssland, särsk. under vikingatiden, av fornry. *varęg*, av samnord. **wāring-* = isl. *vǫring*, ackus. av *vǫringr* (se närmare *vǫring*).

[51, с. 1096, 1100].

С первого взгляда очевидно, что шведский *varäg* или (eller) *varjag* – фонетическая калька с русского *варяга*. Заимствовано из русского языка, причём заимствование весьма позднее и вероятнее всего – из словарей и научных работ. Русский звук [ä] принадлежит времени до XI века, позднее исчезает из восточнославянских наречий по мере вторичного смягчения согласных. Именно потому в шведском этимологическом словаре не приведено ни единого оригинального исторического примера из шведского языка, что нечего предъявить, ибо в шведском языке вообще не зафиксировано слово *varjag*. Научный термин в расчёт не берём. Вместо примеров указание: *varjag* – исторически скандинав в земле Русской (skandinav i Ryssland). Вроде бы как верно, но на вопросы: когда, как и почему? – ответа нет. Вместо ответа – постулат, который нельзя ни доказать, ни опровергнуть: *особый подотряд викингов* (särskilt under vikingatiden). Это чистейшей воды идеологема, ибо ни в одном историческом источнике во всей Скандинавии ничего подобного не зафиксировано, и словарь опять-таки не содержит ни свидетельств, ни ссылок на источники достоверных знаний. Дальше опять ссылка на древнюю (fornry) фонетическую форму, но почему-то – из древнерусского языка времён до X века, с юсом: *варагъ* [varęg]. И ни пометки! При этом утверждается, что *varęg* происходит из (av samnord) формы **wāring-*, искусственно выведенной историками-норманнистами XIX века, и ставится знак равенства с исландским *vǫring*... А что (в отличие от датского *vǫring* – *оставаться*) слово *vǫring* значит в исландском языке? Оказывается, чтоб сами исландцы понимали, – винительный падеж от *vǫringr*... Разве и такое слово есть в исландском языке? В скобочках пояснение: смотри подробно (se närmare) – *vǫring*. Ну да, в конце концов, побегав по кругу, понимаешь, что речь идёт не об исландском языке, а о древнеисландском, и в самом начале статьи, действительно, есть пометка – ист. (hist.), хотя стоит при русской форме слова *varäg*.

Круг замкнулся: что такое *vǫring* в древнеисландском языке? И вообще, было ли там такое живое слово?! Об этом история умалчивает.

Квазиэтимологическая, наукообразная статья: *varäg* или *varjag* – здесь нет ни намёка на историю, ибо нет датировок, не исследована этимология, ибо не указана ни одна лингвистическая закономерность, в соответствии с которой одни звуки превращались бы в другие. По-исландски *var* (англ. гл. *to be* – *was*) – по-русски значит *было*. Датский *var* – *были* по-русски. Норвежский *var* – *был, бывший*, а также артикль *наш, свой*. И наконец шведский *var* – *был, бывший*... С таким набором доказательств, как глагол *быть* и артикль *свой/наш*, которые, в силу высочайшей степени валентности, увязываются в речи едва не с любыми словами и уместны в любом высказывании, можно с помощью временных донатяжек и буйной фантазии доказать всё, что угодно... да хоть то, что Рюрик и Христос – одно лицо в различных земных воплощениях, а доказательством, мол, служит христианизация Руси через Рюриковичей. Были бы желающие верить, а доказательства найдутся.

Автор сего очерка столь подробно остановился на этой совершенно пустой, никчёмной статье из Шведского этимологического словаря с тем только, чтобы читатель мог наглядно убедиться, как скандинавокреационисты искусно водят за нос «всякого мудреца, которому довольно простоты».

Как известно со времён аль-Бируни, истина проверяется практикой. Увы, не все знания возможно проверить опытным путём, и в этом случае одним из важнейших критериев истинности знаний выступает авторитетность источника знаний.

Человеку сказали: Бог сущ – и человек верит. Человеку сказали: бога нет – и человек верит, что знает, что нет. Человек верит, что знает, а знает, потому что верит в источники

знаний, которые ссылаются на авторитетное мнение как критерий научности. Таким образом количественный показатель авторитетных мнений переходит в качество наших знаний и представлений об окружающей нас действительности, пусть даже вступающих в противоречие с собственным опытом. А как доказать то, чего ты не знаешь, но во что веришь или хочешь верить, в чём убеждён? Учёный муж не священник, чтобы ссылаться на глубину и искренность веры, его юдоль – наука о знаниях, одним из неотъемлемых принципов которой является закон «отрицания отрицания». И вот тут вступает в действие «критерий согласия», а собственно наука, то есть её исследовательская составляющая, переполненная сомнениями в истинности тех или иных источников знаний, подменяется статистикой: количество мнений переходит в качество знания.

Ломоносов об отношении отца-основателя методологии норманнистов к историческим данным и аргументам *за* и *против*: «Где они противны его мнениям, засвидетельствует их недостоверными, а где на его сторону склонятся, тут употребляет их за достоверных», – вот так выразился, просто, по-русски. Ломоносов описал одну из методологий научного познания, которая через полтора столетия будет сформулирована учёными мужами как «критерий согласия» и математически обоснована в виде формул.

В результате на роль праотцов земли Русской были назначены норманны – по совокупности авторитетных мнений как источника знаний.

3. Варяги – тени забытых предков

Так откуда же, чтобы положить конец усобице и установить русский миропорядок в Приладжье, пришли варяги, которые некогда Русью звались или которых звали Русь? Искать *обоеруких* среди племён, населявших Европу в раннем средневековье, сродни поиску народа по имени «воевода», или «воин», или «купец», или «мытарь» ... Варяги повсюду *сѣдмь* согласно русским летописям, и упомянутые выше исландские саги не противоречат, ежели подразумевать под варягами Русь. Вспомним, к слову, «Сагу о Тидреке из Берна», в которой описываются события войны Руциланда, т.е. земли Русской, с Вилкиналандом, т.е. землёй Велетов (лютичей), во времена гуннов и Атилы, а также события, разворачивающиеся в саге на территории современных нам Беларуси, Украины, европейской России, Восточной Германии, Польши, Чехии, Венгрии, Венеции, на Балканах, на границах Греции и на южном побережье Балтики в половине V века. Сочинителю исландских саг и в голову не приходило, будто Руциланд сродни сухопутным морякам – шведским гребцам прибрежных балтийских вод.

Представим географическую карту средневековой Европы. Варяги замечены на юге – к северу от Державы Ромеев. На западе – к востоку от Ютландии, то есть от порубежья с землями, где обретались германские племена. На севере – по всему юго-юго-восточному побережью Балтики (Варяжский залив) и далее к востоку по линии соприкосновения с финноязычными племенами – и так до самых верховий Оки и Волги, *аеже идет на востокъ в часть Симову*, то есть на пограничье с землями, населёнными тюркскими племенами. Внутри означенной многоосевой геометрической фигуры – на необъятных просторах Центральной и Восточной Европы летописцы как раз и обнаруживают ретроспективным взглядом варягов. Что же полагает варягов в один ряд со шведами, так это то, что те и те – от Иафетова племени, и только-то.

Для своего времени географические познания русских летописцев поражают своей точностью. Возьмём для примера один из лучших художественных переводов «Повести временных лет» в исполнении Д. С. Лихачёва:

«По потопе трое сыновей Ноя разделили землю – Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу <...> Хаму же достался юг <...> Иафету же достались северные страны и западные <...> В Иафетовой же части сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку – до пределов Симовых [до Волги – А.М.], сидят по тому же морю и к западу – до земли Английской и Волошской [до полуострова Ютландия – А.М.]. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англъ, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи,

венетианцы, фряги и прочие, – они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым <...> Поэтому из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы [Каспий – А.М.], и на восток пройти в удел Сима, а по Двине – в землю варягов, от варягов до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, – по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра. <...> [Андрей] сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей... И отправился в страну варягов, и пришел в Рим...» [20, с. 9–12].

Как путешественник прокладывает свой маршрут по современной географической карте из Новгорода через страну варягов до Рима? Что, Нестор опять соврал?!

Летописец русский не выдумывает – он описывает тот же самый маршрут, что и аль-Бируни в «Астрономии», но с привязкой к Днепровскому пути из варяг в греки. Однако здесь же указывает и на второй путь – Волжский: *ис того же лѣса [Окского леса, из которого Днѣпръ бо потече... Двина ис тогоже лѣса потече] потече Волга на вѣстокъ и вѣтечетъ семьюдесѣтъ жерель в море Хвалисьское тѣмже и из Руси можетъ ити в Болгары и въ Хвалисы... въ жребии Симовъ.*

Так где же на пути Андрея Первозванного располагалась та земля, где варяги обитали? Уж точно не в теперешних Швеции, Норвегии, Исландии. Лаврентьевская летопись: «и поиде по Днѣпру горѣ и приде въ Словѣни идеже нынѣ Новѣгородъ... иде въ Вариги и приде в Римъ». Путеводная петля не захватывает Скандинавию – облизывает дугой южное побережье Варяжского моря. Святой Андрей прошёл дорогой, известной издревле народам Восточной и Центральной Европы, где обитали варяги. Вероятнее всего, хождение Андрея – летописная притча, но нас ведь интересует не легенда христианская, а знание летописцем географии, его толкование – геокоординаты, точнее – этнокоординаты, указывающие на то, где варяги сѣдѣтъ.

Когда современный читатель, чьё мировоззрение весьма и весьма далеко от того цельного образа мироустройства, присущего сознанию православного летописца, начинает вчитываться в «Повесть временных лет», то по-настоящему его внимание привлекают имена и этнокоординаты племён, непосредственно связанные с отечественной историей. Мы читаем так, как будто перед нами учебное пособие или энциклопедия, и мы считываем информацию, заужая круг восприятия – не чуя дыхания далёкой от нас эпохи. И часто можно услышать: Нестор-де помещал славян там-то, русь там, варягов там и там... Всё верно вроде бы. Но на самом деле, как видится автору сего очерка, у летописца вселенский взгляд: он вводит русскую историю в пределы глобального мироздания – от потопа, от катастрофы, разделившей человечество. Летописное начало от потопа – это не введение, не предисловие к повременному повествованию. Это начало начал цивилизации, и поэтому начинает летописец свою повесть с мажорного аккорда, патетического настроения.

Лаврентьевский список: «Се начнемъ повѣсть сию. По потопѣ... снве Ноеви раздѣлиша землю Симъ Хамъ Афетъ». Начинается «Повесть временных лет» с библейского образа: от какого корня (*се родъ единъ и азыкъ единъ*) пошли расы на земле: чёрная, смуглая и белая – да кто родоначальник каждой из рас человеческих. И только затем озадачивается: *ѡкуда есть пошла Руская земля и кто въ Киевѣ, матери земли Русской, нача первѣе княжи*, где и каково место Руси среди народов мира, каким путём народ, разделённый на дикие, варварские племена, пришёл через православную веру к идее русской – *ѡкуда Руская земля стала есть.*

Аль-Бируни: «Ную, мир над ним, приписывают... разделение между сыновьями – по широте. Южную часть, где живут чёрные, получил его сын Хам, северную часть, где живут белые, получил его сын Иафет, а среднюю часть, где живут смуглые, получил его сын Сим» [40, с. 114].

И прилагает рисунок – для закрепления в сознании образа:

	Юг		
Восток	Черные	Хаму	Запад
	Смуглые	Симу	
	Белые	Иафету	
	Север		

Сим считается родоначальником упоминаемых в Библии семитских народов, Хам – хамидских, ну а Иафет – белых европейцев.

Не авторскую отсебятину несёт Нестор – нет, он определяет почву, в которой сокрыты корни русского мира. От Иафета, сына Ноя, который спасся со своими сыновьями, пережив потоп, ведут свой род люди русские. Все перечисляемые племена в части Иафетовой – наши с вами, мой читатель, кровные братья по Иафету, сыну Ноя – прямого потомка Адама и Евы.

У Иафета было семь сыновей, одному из которых имя – Магог:

Сын человеческий! обрати лице твое к Гогу в земле Магог, князю Роша (Откр. 20:7); И скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я — на тебя, Гог, князь Роша... И поверну тебя, и поведу тебя, и выведу тебя от краев севера, и приведу тебя на горы Израилевы (Иез. 38:3).

По-древнееврейски князь Рош – רֹשׁ [rosh], то есть «главный», «начальник». В греческом переводе библейский ῥως [rhos] – «князь рос от краёв северных». Не в наказание ли за грехи земные в половине века IX пришла с севера Русь (ῥως) к стенам Царьграда?! – и сотвориша много зла русские грекам.

Якоже пишется в летописаньи Гречьстѣмь, в начале царствования Михаила III (840–867) нача сѧ прозывати Руская земля.

Стало быть, по-гречески князь ῥως и Русь по-русски – этимологически никак не связаны, а соединены оба имени мистическими переживаниями бедных греков, которым русские много зла сотворили. Близость имён ассоциативная, историческая, но никак не этимологическая, не языковая, а это значит, что к упоминаю в хрониках имени ῥως следует относиться с большой осторожностью.

Ежели обратиться к данным археологии, этногеномики и сравнительной лингвистики да сопоставить ареал формирования протобалтославянской культуры с указанными в русском летописании ориентирами, где постоянно обитали варяги, то начиная с III–II тыс. лет до н.э. просматривается преемственность в культуре шнуровой керамики и боевых топоров. Какие имена звучали 5–4 тысяч лет тому назад? Мы не знаем, и вряд ли когда-либо узнаем с высокой степенью точности.

Впрочем, читатель очерка может сам в себе судить: санскр. वारङ्ग [vAraGga] – *ручка, рукоятка*, वरण [varaNa] – *бастион, оплот, вал* или वारण [vAraNa] – *панцирь, доспехи, латы, броня, вооружение, отражение, охрана, опасный, противоборствующий, сопротивляющийся* и т.д. и т.п.

Особо обратим внимание на слово с носовым гласным रङ्क [raGka]. В трактате «Индия» аль-Бируни приводит рассказ, в котором это же слово употребляется в просторечном озвучании как [ranka]: «Некий крестьянин отрезал у него палец [золотой] и принес его зеленцику, который был прозван “Ранка”, то есть “бежняк”, потому что среди них он был самым бедным и с явно расстроенными делами. Крестьянин купил у него все, что ему было нужно, и, вернувшись к золотому человеку, обнаружил, что его палец снова вырос и стал как прежде. И он стал отрезать его и покупать на него у того зеленцика все, что хотел. Но зеленщик выведал у него... Ранка отправился к телу сиддхи и доставил его на повозке в свой дом... Постепенно завладел имуществом всего города. Царь Валлабха возымел корыстное желание по отношению к Ранке и потребовал с него денег, а он отказал царю... и бежал...» [41, с. 192]. Комментарий переводков: «10. Ранка (Raṅka, p a n k a) – “несчастный, бедный, ничтожный”» [41, с. 603]. Словарь санскрита даёт набор значений к слову रङ्क [raGka]: *бедняк, нищий, скупой, голодный, несчастный*. Очень близко целому ряду значений слова «варяг», которые мы приводили из словаря Даля. Безусловно, понятие скупого или щедрого человека

связано с образом руки, крепкий хозяин – это кулак, хозяйственная рука и т.д. По поводу чрезвычайной полисемии и связанных с ней трудностей аль-Бируни замечает: «Язык индийцев чрезвычайно богат именами, как коренными, так и производными, так что всякая называемая вещь получает в нем много наименований. Я слышал, как индийцы утверждали, что число имён Солнца у них – тысяча... им без этого не обойтись» [41, с. 208].

Для нас, однако ж, важно здесь иное: маршрут Андрея Первозванного из Крыма в Рим через Ладогу проходил именно там, где за пару тысяч лет до жития апостола формировалась балтославянская языковая общность и где во время его хождения формировались ветви славянства в результате процессов этногенеза и культурно-языковой конвергенции местных племён.

Так обратимся же и мы с вами, мой читатель, к истории расселения народов индоевропейской языковой семьи в наших краях – пунктирно, ибо эта тема бесконечна для познания. Подобно летописцам русским, начнём от Потопа.

К концу последнего ледникового максимума, то есть примерно 12 тысяч лет тому назад (человечество как раз переходило к земледелию, и это было время полураспада ностратической языковой макросемьи, в недрах которой, наряду с чертами других семей, мы обнаруживаем протоиндоевропейские языковые корни), север Европейского континента был покрыт сплошным слоем ледников, которые доходили вплоть до 50-й широты, то есть примерно до нынешней оси Прага – Воронеж. А стало быть, эти земли, выше 50-й широты, были непригодны для жизни.

Ледник таял, помалу отступал. Пригодное для жизни людей пространство расширялось, и люди мигрировали вслед за отступающим ледником и животными, вдогонку за привычным образом жизни у подножия ледника. Человек не бежит от хорошей жизни, он ищет лучших для себя условий, и отступающий ледник манил за собой, тем самым расширяя жизненное пространство.

А где же примерно располагалась прародина союза родов и племён индоевропейской языковой семьи во времена, когда таял ледник?! Учёные до сих пор спорят и не могут прийти к единому мнению: в Прикаспийских степях, а если шире, то в междуречье Днепра и Волги, куда примерно 9 тыс. лет тому назад мигрировали с Алтая некие племена, чтобы развиться в праиндоевропейскую общность, и откуда уже расселялись в Европу, Среднюю Азию, Иран, Индию и другие земли? Или же на несколько тысяч лет ранее – в западной Анатолии? Или чуть позднее – на Балканах?

Не уверен, что противоположные научные точки зрения так уж взаимоисключающи, ибо речь должна идти о волнах, а не о волне. О длительном процессе, растянутом на тысячелетия, вероятно – как сеть взаимосвязанных очагов и на разнородной основе культурно близких семей, родов, племён. Логично предположить, что индоевропейская общность не существовала в ограниченном месте и в конкретно обозначенное время, а представляла собой параллельные процессы синтеза и полураспада в поступательном волнообразном русле этногенеза, который напоминал квантовое фазовое превращение. Иными словами, переход из одной фазы существования в другую происходил при внешнем давлении, не связанном с внутренним разогревом складывающейся системы. Согласно с особенностями этногенеза, которые современная наука научается отслеживать, преобразовывались все частицы культурно-языковой системы, пришедшей в движение.

В современном взгляде на развитие человечества, и, в частности, на Иафетово племя, сложилось наукообразное представление древа или куста – в зависимости от хронологической глубины погружения в историю. Однако ж, если мы присмотримся к любой отдельно взятой ветви, то непременно увидим, что эта ветвь опять-таки напоминает дерево или куст, но только кроной вниз, к стволам и их ветвям – корнями вверх. Образуются таким образом узлы, одновременно представляющие собой конец и начало.

Чем разнообразнее потомки, тем раньше должен был жить общий предок, – и это так же справедливо для культурно-языковых семей. А с другой стороны, именно в движении мы

находим следы, по которым можем судить, кто, куда и как расселялся, с кем сталкивался на своём пути, соседствовал, объединялся и расходился.

В современной науке, складывавшейся под влиянием расистских идей периода формирования наций и национальных государств, по-прежнему господствует метод стволовой ветви, когда исследователь детерминирует всё дерево по основанию зелёного листочка или отростка, на котором сам восседает. Мы оцениваем историю в перфектном грамматическом времени (есть было), иногда можем снизить до плюсквамперфекта (давнопрошедший результат). Однако ж, ежели мы, излечиваясь от вируса современного национализма, начинаем мыслить категориями этногенеза, то непременно осознаём: все народы и языки равнодревние, ибо каждый из нас, живущих, есть плод непрерывного развития человечества, где бы это «я» ни родилось и на каком бы языке это «я» ни говорило в настоящем времени. У двух разных народов вы непременно найдёте общих предков, как и в одном народе обнаружите разнородных предков, – таковы особенности процесса этногенеза, результатом которого является разнородность народа.

Как бы там ни было, а примерно 7500 лет тому назад, когда не было ещё ни Чёрного, ни Азовского морей, берега пресноводного озера и долины впадавших в него многочисленных полноводных рек располагали условиями близкими к райским, и там расцветала человеческая культура, весьма и весьма свободная от плодов цивилизации. И языковые следы индоевропейской семьи мы находим и там, в Анатолии, и здесь, в междуречье Волги и Днепра, в Прикаспийских степях... – страна, где расцвела индоевропейская культура, ещё не была, как в наши дни, разделена на части ни морем, ни горами. Дальнейшие судьбы и миграционные пути индоевропейских народов предрешила природная катастрофа, разрушившая сложившийся уклад жизни наших далёких предков.

Потоп. Пресноводное озеро наполнилось солёными водами Средиземного моря. Так образовалось Чёрное море, воды которого поглотили низовья рек с их заливными лугами, а с ними – следы прародины... точнее, खण्ड [khaṇḍa] – часть от целого. Безусловно, эта природная катастрофа изменила привычный уклад жизни, возвела препятствия, разорвала связи и привела народы в движение.

Именно от Потопа и берёт начало летописное повествование о том, откуда и куда (в ряду прочих) рассеялись те именно древнейшие племена, среди потомков которых летописец числит торгово-воинскую традицию варягов, прежде Русью называвшихся... на месте распространения культуры шнуровой керамики и боевых топоров – на той стороне временной пропасти, через тысячи лет.

Потомки донесли до нас имена хозяев этих земель... в изменённом во времени и пространстве звуке.

Русь – этимология

Спрашивает постовой у человека, который кругами бродит по Красной площади, что-то под ногами высматривает: «Что ищем, товарищ?» – «Грибы». – «А почему здесь, на площади, а не в лесу?» – «Там комары, грязно, мокро». – «Но грибы не растут на площади!» – «Зато народу много. Может, обронил кто – я и подберу».

Вот так и слово «русь» середины IX века на авось ищут «под фонарём» – в словарях XVIII–XX вв. Летописи, однако ж, недвусмысленно указывают: *тех варягов звали Русь* и сами *варяги звались Русью*. Когда? В половине века IX и ранее, но никак не позже! Стало быть, искать надо там, тогда и в тех речевых закономерностях, а не здесь, не сейчас и отнюдь не в соответствии с правилами и нормами современного русского литературного языка.

А с какого времени? Ответ находим в «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» профессора Бернштейна: «Переход закрытых слогов в открытые... составляет содержание истории праславянского языка последних веков дохристианской эры и первой половины I тысячелетия н.э. Непосредственно или опосредованно с ним связаны почти все фонетические процессы праславянского языка данной эпохи» [17, с. 183].

А по какое время? Ответ находим в «Исторической грамматике русского языка» Иванова: «Между древнейшим состоянием звуковой системы русского языка и ее современным состоянием лежит падение редуцированных... В древнерусском языке этот процесс проходил приблизительно во второй половине XII в.» [15, с. 159].

Стало быть, слово «русь» надо начинать искать в словниках праславянской эпохи, то есть в период между последними веками дохристианской эры, когда заработал закон открытого слога, и по время, когда жил и творил Нестор-летописец, но не позднее половины века XII, когда пали редуцированные гласные Ъ и Ь, положившие конец закону открытого слога.

Образование русской буквы У/А на месте носовых гласных помогает сфокусировать точку зрения, уточняя – до X века, что подтверждается процессами 2-й палатализации, более поздней, нежели 1-я палатализация, то есть не позднее IX века.

Земля Русская не знала письменности, и не знакомым с христианской грамотой варягам не ведомы были кириллические буквы. Однако ж сие отнюдь не значит, что речь не звучала, что слов не было, – не было письма, чтобы закрепить эти слова в тексте на веки вечные.

В 862 году были призваны варяги – в 863 году на основе греческого письма брата Кирилл и Мефодий создали славянскую азбуку для перевода религиозной литературы. В четвёртом колене князь Владимир крестил Русь.

Кириллическая азбука (как и глаголица) отражала фонетические законы славянских наречий середины IX века – летописные списки от конца XIV века, ссылаясь на протограф рубежа XI–XII, у которого были свои более древние источники, свидетельствуют, что *варязи звахуь русь (ржсь?)* в половине века IX и ранее, а академики ищут и никак не сыщут первослово наше в словарях XVIII–XX веков.

Что должен был бы первым делом сделать исследователь? Разумеется, шаг за шагом преодолеть обратный путь по реке времени – против хронологического течения, слой за слоем соскабливая позднейшие историко-языковые наросты со слова «русь». Так работают реставраторы, восстанавливая предметы исторического наследия. Не устаю повторять: прежде, чем изучать историю народа, надо изучить язык этого народа. Формула: я верю, что знаю, – хороша для образованного человека с большим кругозором, для учёного ума, для энциклопедиста, но совершенно непригодна для исследователя, который, ни во что не веря, должен во всём сомневаться на пути к исторической истине.

Вот те обязательные для исследования повороты в историческом русле русской речи, не исследовав которые – невозможно выудить слово «русь» из временных глубин языка родного:

– XII в. – падение редуцированных Ъ и Ь и связанная с онемением кратких гласных фонетическая и интонационная перестройка всей языковой системы, в результате которой двусловное слово [ru-sĭ] преобразовалось в односложное с закрытым слогом – *русь*;

– к X в. – утрата носовых гласных (юсов большого и малого) и образование русской буквы У/А, которая формирует корневой слог в словах *ржсь* [ʁ] и *варязь* [ʁ], в их современном звучании – *русь* и *варязь*;

– к IX в. – завершение второй палатализации заднеязычных согласных, в закономерностях которой сокрыта история образования второго слога *-сь* [sĭ] в двусложном на то время слове *ру(ж)-сь*.

Эти три протых действия позволяют нам озвучить слово «русь» в соответствии с фонетическими законами русского языка середины IX века. Озвучить и записать кириллическими буквами, которые отражали бы фонетическую систему на момент создания азбуки и призыва варягов. И тогда уж отвечать на вопрос: есть в русском языке слово «русь» – или же нет, как то постулируют академики от норманнской научной школы? И никаких при этом искусственных реконструкций. Нет подмене терминов. Нет умозрительным заключениям. Только живые слова в свете современных им языковых закономерностей!

Мы выяснили этимологию слова «варяг» и грамматическую форму – краткое прилагательное: *обоерук*, или *двурук*, или *двоерук*. А «русь» – слово, которым называли себя

образованный. Разве у нас есть примеры подобных ошибок, позволяющие обвинить его в небрежении и отсутствии мастерства?

Невозможное упрощение и смешение – ни тогда, ни теперь не допускается в скорописи. Даже студенты на собственном отрицательном опыте познают это правило, конспектируя лекции на слух. Из истории письма мы точно знаем, что в традиции было исключать гласные, ну а согласные в том лишь случае, если не искажался смысл написанного.

Пункты международного соглашения между Русью и Державой Ромеев, которые имели место быть лет этак за 500 до составления Радзивилоской летописи, не могут быть авторской отсебятиной. Наверное, перед летописцем лежали некие документы, которые до наших дней не сохранились, – сомнений в том нет. Править юридический текст? Вряд ли. А вот усомниться и привнести своё собственное толкование, надписав титло над словом «рука», – да, вполне вероятно. Да и вообще – откуда мы знаем, кто и когда эти титла расставлял?! Если мы открываем Лаврентьевский список, то пальцев на одной руке хватит, чтобы пересчитать надстрочные знаки на странице, а в Радзивилоском списке – не хватит пальцев, чтобы пересчитать все титла над одной строкой. Разве проводилась экспертиза?

Вопросов здесь больше, нежели ответов. Очевидно одно: *от рода рука – от рода русского, князь рука – князь русский*. Стало быть, *рука* – это *русь*, ибо свидетельствует летописец: *под рукою его сущи руси*.

Ну а титло... разве читатель сам не читал книг с карандашом в руке?!

Человеческая психика устроена таким образом, что соперником познания, в том числе научного, является вера, а стимулом – неверие. Очень часто мы знаем, но не доверяем своим знаниям, пока не перепроверили на практике – и только опыт убеждает человека в истинности тех или иных теоретических построений. До тех пор, пока не пощупали руками, не попробовали на зубок, мы не склонны доверять разуму. Поэтому наиведительнейшим доказательством может стать простейшее действие – ткнуть пальцем в слово, как оно написано в тексте. Так мы поступили – и ещё раз ткнём пальцем в другой текст:

Приде из Киева въ Володимерь сынъ Мономашъ Юрьи Долгая Рука [10, с. 465].

Во времена летописцев значение «рука» в слове «Русь» всё ещё, по-видимому, сохранялось. «Родословие тѣх же князей» – так записал летописец:

Сынове Юрьевы Долгие Руки.

[11, с. 465]

А затем – «Кто колико княжилъ» – даёт своё толкование, княжил-де:

Сынъ Мономашъ Юрьи Долгоруги 3 лѣта.

[12, с. 466]

Впоследствии, толкуя толкование летописца, толмачи иных времён и народов уже воспринимали определение *Долгорукий* не в прямом смысле, а как имя собственное. Фамилия? Ничего подобного! Прозвище – характеристика, свойство, смысловой отличительный признак. Мы ведь знаем, что фамилии в русской культуре образовались много позже. Быть может, князю Юрию кличку *Долгорукий* дал его портной, удивившись несоразмерности его рук к прочим пропорциям частей его же тела? Очень любопытная историческая метафора могла бы в таком случае возникнуть. В известном высказывании XIX столетия: «под рукою государя лежат страны и народы» – заложен изначально русский смысл: власть, сила, порядок, закон, покровительство.

Образ *руки*, запечатлённый летописцами на месте *Руси*, убеждает нас в том, что исследование продвигается в правильном направлении. С пути не сбились. Так что начнём слой за слоем соскабливать историческую патину с имени «Русь», следуя историческим закономерностям развития русского языка.

2. Закон Фортунатова–Соссюра

Общеславянские (в рамках индоевропейских закономерностей звукового строя) интонационные нормы, которые историческая наука о языке обнаруживает на пороге перестройки из древнерусской в современную речь, на самом деле не могут доказывать этимологическое родство слов «русь» и «рука», а лишь указывают на хронологический

языковой пласт, когда оба слова, во-первых, уже жили-были в наречиях восточных славян, и, во-вторых, на принадлежность обоих слов одному речевому классу. Но главное, из-за чего мы обращаемся к закону Фортунатова–Соссюра, заключается в том, что этот закон отсекает, по двум выше названным причинам, те лексические единицы, которые не могут претендовать на родство, и тем самым мы сужаем круг поиска.

«Индоевропейские языки в их древнейшем состоянии имели разноместное и подвижное ударение, то есть такое, которое могло находиться на любом слоге слова и передвигаться в одной парадигме с одного слога на другой. <...> Ударение в древних славянских языках было иным, чем теперь: оно было музыкальным. <...> Факты современного русского языка указывают в ряде случаев на перемену места ударения и на изменение характера интонации в древнюю эпоху истории славянских языков. <...> Что касается места ударения, то... первоначально интонация характеризовала как ударные, так и безударные слоги. В том случае, если ударный слог имел нисходящую интонацию на кратком или долгом гласном, а следующий безударный слог имел акутовую интонацию на долгом слоге, ударение перетягивалось на акут...

в праславянском [rǫkǫ́] ударным был гласный [ǫ], находившийся под циркумфлексной интонацией, безударный же гласный [a] был под акутовой интонацией. В силу закона Фортунатова — Соссюра ударение перетянулось на акут: совр. русск. *рука́*; в вин. пад. [rǫkǫ́] и ударный, и безударный слоги были равно с циркумфлексной интонацией, и поэтому место ударения не изменилось: совр. русск. *ру́ку*. То же самое обнаруживается в *гора́ — го́ру, вода́ — во́ду, хочú — хóчешь, жила́ — жи́ли* и под.

Изменения в акцентной системе предположительно относятся к эпохе падения редуцированных (XII–XIII вв.), т. е. предполагается, что древние интонационные отношения удерживались в древнерусском языке достаточно длительное время и что экспираторный характер русского ударения – это явление уже письменного периода истории» [15, с. 136–141].

Склоняем: *русь, руси́, русью...* и *рука́, ру́к, ру́ки, ру́кою...* Очевидно, что слова «рука» и «русь» ведут себя в русской речи по-хозяйски со времён праславянской языковой общности, о чём свидетельствует перенос ударения на акут.

Склоняем: *русь – руси́* или *рука́ – ру́ку*, но *ру́х, ру́ха, ру́ху, ру́хом...* Очевидно, что слова «русь» и «рука» интонационно отличаются от слова «рух», несмотря на то, что в современных нам славянских языках мы можем найти полное графическое совпадение при написании: *русь – на руси́* и *рух – у руси́* («на півсфері з розведеними руками в благославляючому русі» [37, с. 22]). Подтвердить тот факт, что слово «рух» в современном русском языке живёт не по исконным законам, а легло под современные закономерности в результате переразложения древнерусской системы склонений, можно, обратившись к грамматике склонений имён: см. *ру́хъ – ру́хове...* Утратив суффикс -ов-, ударный, слово «рух» стало вести себя как новообразование в современном русском языке. Эта судьба ожидала и некоторые другие исконно русские слова, и заимствования вели себя так же не по-русски.

Поэтому, окажись норманнисты правыми – односложному слову «русь» (из скандинавского *roh/rub*) в парадигме вряд ли было бы присуще разноместное ударение.

А вот звуковое сближение: *русь – на руси́* и *рука – у руци́* (в руцѣ) – наводит, благодаря интонации, на необходимость дальнейшего фонетико-морфологического исследования.

3. Падение редуцированных (от XII в.)

Ко времени, когда составлялись списки: Лаврентьевский, Ипатьевский, Радзивилловский, Новгородские, – музыкальная тональность речи уже давным-давно сменилась на экспираторную ударность. Причина – падение редуцированных гласных Ъ и Ы, случившаяся в русском языке за несколько столетий до составления этих самых списков. Последовали кардинальные перемены в закономерностях русской речи, появились односложные слова с закрытым слогом: *русь, чудь, сумь, весь, водь, вять, кривь...* или, скажем, *Псковь*, где Ъ и Ы уже не краткие, никакие не редуцированные гласные, а графические знаки – твёрдый и мягкий, за которыми звук не стоит в современном речевом строе.

«В древнерусском языке этот процесс проходил приблизительно во второй половине XII в. <...> Однако возможно, что падение редуцированных, начавшись с утраты слабых, было известно и раньше... на Тьмутараканском камне 1068 г. встречается написание *князь* без *ь* после *к...* [исторически трёхсложный звукоряд *къ-на-зь* [кь-пѣ҃-зї] обратился в односложное слово *князь*. – А. М.] <...> Падение редуцированных... прекратило действие основных закономерностей более древнего периода истории.

В результате падения редуцированных утратил свою актуальность закон открытого слога: в русском языке стали возможны и получили широкое распространение закрытые слоги. <...> В результате падения редуцированных потерял актуальность и слоговой сингармонизм: в пределах одного слога стали возможны звуки неоднородной артикуляции; например, в слове [л'ѣс] в одном слоге оказались мягкий согласный, передний гласный и твердый согласный, что не было свойственно древнерусскому языку до падения редуцированных. Все эти обстоятельства привели к тому, что в русском языке широко распространились односложные слова» [15, с. 159–162].

В итоге двусложное слово «русь» [ru-sĩ] превратилось в односложное слово «русь» [rus'].

4. Образование русской буквы У (до X в.)

Первый слог – *ру(ж)*. Современная графика, безусловно, не может не вводить в заблуждение исследователя, чьи научные интересы весьма далеки от истории русского языка, не говоря уж об иноязычном учёном муже, о котором Михайло Ломоносов сказал: «Он не такой великий знаток российского языка, чтобы он мог поправлять за природными россиянами».

«Задача состоит в том, чтобы установить, какие звуки скрываются под той или иной буквой. <...> Уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности буквы Ж и А смешиваются с буквами ОУ, Ю и А, обозначающими чистые гласные (У, Я, А). <...> Подобного смешения букв не могло бы наблюдаться, если бы для писца Ж и У (ОУ)... ассоциировались с разными звуками <...> Наличие подобного смешения букв в памятнике XI века могло возникнуть лишь в том случае, если раньше этого времени в языке уже были утрачены носовые. <...> Можно найти доказательства тому, что носовых звуков у восточных славян не было уже в X в. ... в сочинении византийского императора Константина Багрянородного “О народах”. <...> Изменение Ж в [У] и А в [А] ... обусловило то, что в языке восточных славян развились гласные [У] и [А] уже не праславянского, а восточнославянского происхождения. Следовательно, современное русское [У] в словах *ухо*, *сухой* и т.п. восходит к праславянскому [U], а в словах *зуб*, *рука* и т.п. – к праславянскому Ж» [14, с. 117–118].

Таким образом, только на основании того, что к X веку образовалась русская буква У (сводный звук, разумеется), мы имеем право утверждать, что в 862 году имя *Русь* произносилось с носовым гласным: первый слог – **рж** ([rɔ] в кириллической транскрипции или [roŋ] – в латинской), как и в слове **ржка**. Написание **ржка** (транскрипция латинская [roŋka], рус. кириллическая [rɔka]) зафиксировано многожды как в старославянских текстах, так и в древнерусских – вопросов тут нет и быть не может, ибо это неоспоримый факт. Если читатель откроет статью «Рука» в этимологическом словаре Макса Фасмера [46, с. 515], то сам сможет воочию убедиться: ст.-слав. ржка, польск. ręka, лит. rankà, лтш. rùoka, др.-прусс. ranko, лит. rankù, rankaĩ, rĩnkti «собирать», rankà «сбор, собрание».

Исторический вектор эволюции слогаобразующей гласной Ж таков:

> И.-е. *en/in/on/an//em/im/om/am* от VI–IV тыс. лет до н. э.

> праслав. **ǫ* (ж) до исхода I тыс. н. э.

> русская буква У (<ж [ɔ]) от рубежа IX–X вв.

Чтобы избежать в дальнейшем пояснений, почему автор местами вольно обращается с юсами: то [oŋ], то [aŋ], то [eŋ], – отошлю читателя к замечательной работе Берштейна: «Возникновение носовых гласных... Монофтонгизации предшествовало сокращение долготы слоговой части. Вот почему сочетания [ǫŋ] и [āŋ] монофтонгизировались одинаково: сочетание [āŋ] изменилось в [ǫŋ]» [17, с. 204]. И напомним, что звуки, скрывавшиеся за

графикой юсов, исчезли в дописьменный период русской культуры, но существовали на заре церковнославянской письменности.

В соответствии с фонетическими законами, действовавшими до X в. и нашедшими своё письменное отражение в азбуке Кирилла и Мефодия середины IX в., мы можем, применив метод исключения к имени Русь по слогу **рж-**, записать кириллическими буквами слово «русь» как **Ржсь** [roʃsĭ] от **ржка**, ежели второму слогу **-сь** (в соответствии с законом открытого слога) будет дано исчерпывающее объяснение на основании законов развития русского языка до X века.

5. Вторая палатализация k+[ĭ] > ц [tsʹ] > сь

Палатализация – это исторические изменения качества согласных звуков под влиянием гласных переднего ряда и полугласного j. Наиболее полно палатализация реализовала себя в славянских наречиях, хотя эти процессы охватывали все европейские языки индоевропейской семьи в разной степени. Славянские языки знают три палатализации, иногда вторую и третью объединяют в одно целое по результату, при этом отмечая нюансы – влияние гласного переднего образования, так сказать мягкого, на согласный предыдущий (2-я) или последующий (3-я).

2-я палатализация происходила в языковой среде восточных славян до IX века (или, в зависимости от особенностей местных наречий, даже раньше завершилась). Имеются в виду регулярные изменения, а не послед.

Суть фонетического процесса палатализации, то есть смягчения и передвижения вперёд заднеязычных согласных, изменявшихся в свистящие в положении перед гласными переднего ряда, которые произошли из дифтонга oĭ или aĭ, исторически такова:

$$г > з', х > с', к > ц'.$$

Хотя в современном русском языке этот закон уже давным-давно не работает, но следы таки остались. Например, *зеница, друзья, седой, цена* и др.

В летописях мы можем прочесть: ржка – **ржцѣ** (совр. укр. и беларус. рука – руці), **варагъ – варазѣ**.

Откроем учебник древнерусского языка:

«Вторая палатализация... осуществлялась в праславянскую эпоху... В результате действия второй палатализации [k], [g], [ch] изменялись в *мягкие свистящие*, соответственно в [cʹ], [zʹ] (через ступень dʹzʹ), [sʹ].

Подобное изменение [k], [g], [ch] происходило, во-первых, в том случае, когда они попадали в положение *перед гласными* [i] и [ĕ], возникшими из дифтонгов [oĭ], [aĭ]. Ср.: ...о.-слав. *vьlkoĭ > *vьlc'ĭ, др.-русск. *вълци*; о.-слав. *rьkoĭ > *rьc'ĭ, др.-русск. *ръци*; о.-слав. *rankāi > *rqc'ĕ, др.-русск. *роуцѣ* ...» [15, с. 113–114].

Просклоняем слово «рука» по падежам и числам древнерусского языка:

	<i>Единственное</i>	<i>Множественное</i>	<i>Двойственное число</i>
И.	роука	роуки	роуцѣ
Р.	роуки	роукъ	роукоу
Д.	роуцѣ	роукамъ	роукама
В.	роукоу	роуки	роуцѣ
Т.	роукою	роуками	роукама
М.	роуцѣ	роукахъ	роукоу
Зв.	роуко	-	?

где в дат. и местн. падежах ед. ч. и им. и вин. падежах дв. ч. в результате K + Ъ ([ĕ], т. е. [иe]) = Цѣ [т'с'иe].

В соответствии с фонетическими условиями палатализации мы имеем словоформу, которая с рубежа IX–X вв. звучит как [rutsie], а прежде, до образования русской буквы У, звучала так: [roʃtsie]. Возможны незначительные вариации, в зависимости от местных наречий. Ну а ситуаций, когда русскоязычный человек, сызмальства привыкший склонять

родные слова по всем падежам, со всеми предлогами и во всех мыслимых и порой даже немислимых словосочетаниях и при этом на слух воспринимать, когда они слетают с чужих уст, употребляет в качестве номинатива эти палатализационные формы, попросту не счесть, ибо речевые ситуации сами подсказывают: когда вам нужен мастер на обе руки, чтобы, например, проконопатить и просмолить ладью, вы кричите: «Русие!». И меч за рукоять или ручник (пращу) как воин вы держите в своей *рутси*. Но порой вы вынуждены вручать свою собственную жизнь в чьи-либо обе надёжные – *ва рутсие*. И власть на местах князь долгорукый передоверяет верной *рутсие*. И даже наследного княжича, а с ним и дело, которому Рюрик отдал всю свою жизнь, он вручает Олегу в *ва рутсие* (в обе руки) ...

В украинском и в белорусском современных языках, как и в южнорусских наречиях, до сих пор звучит это слово в его палатализационной форме – *руці* [rutsi], точно так же, как и финское *Ruotsi* [rutsi]. Как принято говорить на Руси – точь-в-точь.

В связи с финским *RUOTSI*, где за сочетанием букв *TSI* (сложный мягкий звук [tsʹ]) скрывается русская буква Ц, заметим для определённости: «Шипящие... а также аффриката [ц] были исконно мягкими звуками, и их отверждение относится к позднему времени... Отвердел же [ц] только к XVI веку» [14, с. 198–199].

Кстати, ежели суффикс *-ич* прибавить к слову-основе *кривь* или *вятъ*, то мы получим *кривичи* и *вятичи*. А ежели слог заканчивается на *г, к, х*?

Смотрим аналогичные образования имён как послед палатализации в «Слове о полку Игореве»: *рука+ич+и=русичи* [ру-тʹсʹи-тʹшʹи] или *рука+иц+и=русици* [ру-тʹсʹи-тʹсʹи]. Смешение ц/ч – это характерное явление: русский язык – симбиоз наречий, где каждое обладало своими врождёнными особенностями. Ну а *рука+ин+ы=русины* – народ, хорошо всем известный в Карпатах. Напоминаю читателю очерка: за буквой Ц стоял мягкий сложный звук [тʹсʹ] – современное отверждение относится примерно к XVI веку и до сего дня не повсеместно.

К > Ц [tʹsʹ] > Tʹ/Cʹ – *Русь, Русия, Рустия, Рутения, Ruotsi*. Взглянем на переплёт одного из первых научно-исторических трудов – времён Ивана Грозного: «Книга степенная царского родословия, иже в *Русстей* земли в благочестии...».

Процессы палатализации были свойственны не только праславянскому языку-основе, но и в европейских языках находим послед: *Цезарь (царь) – Кесарь – Кайзер – Сезар*. Кстати заметим: *грек – Греция*, англ. *greek – Greece* (от лат. *Graecia*, согласно Фасмеру, «лат. *graecus* из греч. *ᾱρακός: ᾱραίος* – первонач. название греч. племени в Эпире»).

Именно явлению палатализации французы обязаны названием своего государства от имени одного из германских племён: *Frank – France (франки – Франция)*, как и *рука (< ржка/ranka) – Русь и Русия*.

6. Матрица

Итак, вопреки мнению скандинавокреационистов, которые утверждали и продолжают упрямо твердить, будто в русском языке нет родного слова «русь», якобы оно не могло образоваться естественным путём, мы нашли живое слово и показали, без каких-либо реконструкций и схоластики, что такое слово есть и было. Наше первослово – «рука», разумеется, не в анатомическом смысле. Этого, однако ж, недостаточно для построения исчерпывающей системы доказательств. Помимо грамматической потенции родить палатализационную форму «русь», помимо парадигмы имени существительного «рука», вбрасывающей при возникновении речевой ситуации подходящее словечко *руцѣ* [rutsi], помимо примеров суффиксального образования имени *русич/русици/русин*, – ещё должна быть продуктивная словообразовательная модель (с присущим ей грамматическим значением) в языке древнерусского периода времени, которая регулярно производила бы грамматические формы такого же типа: *рука – русь*. Как сейчас выразились бы – генератор грамматической формы. Или матрица.

Словообразовательная модель, в свете исторической грамматики русского языка, выглядит вот так вот:

«...зъл**о**-а – зъл**о**-и**е** – зъл**о**-ь... Каждое из этих и подобных слов относилось к определённой части речи, обладало присущими ей грамматическими категориями и системой форм словоизменения, т. е. имело свою собственную морфологическую характеристику» [15, с. 234].

«Собирательные существительные, обозначающие совокупность животных, растений, предметов, образовались с помощью суффикса -j-: *лист* – *листе*, *стул* – *стулие*. Собирательные существительные грамматически отличались от современных собирательных существительных, т. к. могли изменяться по числам: *листе* “совокупность листьев одного растения”, а *листя* “о нескольких листах”. Таким образом, форма *листя* – закономерная форма собирательных существительных мн. ч. ср. рода (ср. у конкретных существительных м. р. им. пад. мн. ч.: *листы* < *листи*)» [16, с. 48].

При рассмотрении пар собирательных существительных: *поветрие* и *поветрия*, *направление* и *направления*, *гонение* и *гонения* и т. д. – даже с современной точки зрения мы отмечаем не столько различие числовое (ед. или мн. число), сколько однородное собирательное значение (однаправленность в конкретном случае) или разнородное собирательное значение (разнонаправленность).

Если построить полную словообразовательную модель, то она будет выглядеть примерно так:

*зъл**о*** / *зъл**о**ы* – *зъл**о**и**е*** / *зъл**о**и**я*** – *зъл**о**ь*
*ли**с**т* / *ли**с**т**ы*** – *ли**с**т**и**е* / *ли**с**т**и**я* – (*на*)*ли**с**т*
брат / *брат**ы*** – *брат**и**е* / *брат**и**я* – *брат**ь***
*ски**ф*** / *ски**ф**ы* – *ски**ф**и**е*** / *Ски**ф**и**я*** – *Ски**ф**ь Великая*

Согласно с представленной словообразовательной моделью грамматической форме «*русь*» мы находим соответствующее место в этом ряду:

*ру**к**а* / *ру**к**ы* – *ру**ч**и**е*** / *Рус**(т)**и**я*** – *Русь*,

где слово «*Русия*» грамматически означает собрание разнородных составляющих, а «*Русь*» – её краткая собирательная форма.

Притяжательные суффиксы были характерны для словообразования ещё в исторический период ностратического языкового семейства. Смотрим морфологический послед в финском: *käsi* – «рука», *kätēni* – «моя рука». Индоевропейские языки также наследовали этот морфологический приём внутрисловного формирования значения притяжательности и передали по наследству славянским языкам. В период перехода праславянского языка в его древнерусскую стадию развития был продуктивен древний суффикс *-jь-*. Морфологически выражал значение притяжательности, то есть принадлежности предмета или явления кому-либо или чему-либо, в том числе отнесение к грамматическому классу.

Наглядно мы можем наблюдать эту закономерность на примере топонимов. Смотрим: город Ярослава – Ярослав + *jь* = *Ярославль* ([л] протеза, обозначающая позиционную полумягкость исконно твёрдого [в], как древляне или киевляне). *Рославль* (Ростиславль) – княжий город Ростислава Мстиславича. *Володимъръ* – город Владимира, современное имя Владимир с отвердевшим [р] – результат более поздних процессов отвердения, ср. *северь* (и даже северо) из северян, *козарь*, *людь*.

Суф. *-jь-* может указывать не только на принадлежность топонима лицу, но и дорожной карте, например. *Путивль* – город на распутье дорог, подорожная веха, развилка путей.

Соответственно, суф. *-jь-*, ввиду грамматического значения притяжательности, указывал на принадлежность слова определённому грамматическому классу – в конечном итоге типу склонения. Сравним собрание по общему признаку в некое одушевлённое единство: *чудь*, *корсь*, *либь*, *сумь*, *ямь*, *пермь*, *весь*, *мерь*, *водь*, *скуфь*, *голядь*. Перенос некоего качества на человека с обобщающим признаком, чаще негативным, или пренебрежительным: *ворон/вороны* – *воронь* > *воронь*. Сюда же отнесём *погань*, *дрань*, *дрянь*, *рвань*, *срань*, *голь*, *мразь* и т. д. Суть не в негативном оттенке как таковом, его может и не быть, а именно в лаконичности формы выражения. Удобно выразиться в характерном смысле, обобщённо.

Обратим внимание на группы кратких собирательных имён. Обобщение признака: *дань, рать, брань, высь, новь, рябь, рань, вязь, слизь, грязь* и т. д.

Очевидно, суффикс *-jь-* в древние времена мог собирать в грамматический класс по принадлежности, например, к диким животным.

«В склонении с основой на *i* обнаруживается группа слов, обозначающих диких животных и птиц: *медвѣдь, рысь, лось, звѣрь, гоусь, голоубь, лебдь* и т. п. Но всё это, очень слабые следы старых отношений, их пережитки. Старые отношения [когда грамматический тип и его суффикс, т.е. детерминатив, определялся лексическим значением родственной группы слов, например «зверьё», и не был связан с грам. родом, – А.М.] были разрушены, затемнены, и это произошло ещё в праславянскую эпоху, когда возникло перераспределение основ и отсюда – преобразование грамматической системы» [14, с. 263].

В случае отглагольного словообразования вливается причастный суффикс *-ен-*. Например, *Рус(т)ия – Рутения*, как и *солие/солия – соление/соления* и др. Речь идёт не о единичных явлениях, а о продуктивной словообразовательной модели. О матрице. Языку принадлежат потенции, а речи – живые слова, которые занимают свою грамматическую нишу в системе, как только слово становится востребованным. Так, *студе-н* (*-ъ, -а, -о*, мн. ч. *и/ы*) – *студе-н-ие – студе-н-ь*. Это общеславянское слово означает любой зимний месяц, по сути *студень* – зима, то есть студёная пора. *Снежение* (имя процесса) – *снежень* (краткое собирательное имя). *Снежень* – это по-русски месяц снега, то есть декабрь, как *цветень* – апрель, а *овсень* – ноябрь. Приведём примеры из современного украинского языка – помесячного счёта: *березень, квітень, травень, червень, липень, серпень* и т. д., где *січень*, заметим, означает время зимней рубки (*січеніє*) леса, а *жовтень* – октябрь, желтение, то есть золотую осень. На древность аналогичной словообразовательной модели, из хронологических пластов балтославянской общности, то есть на 4–5-тысячелетнюю давность, указывают примеры из литовского языка: *birželis* – июнь (ср. укр. *березень* и чеш. *březen* – март, блгр. *брызок* – апрель), *rugpjūtis* – август, то есть *серпень* (*rugis* «рожь» + *pjūtis* «жатва»), *gruodis* – декабрь (*gruodas* «застывшая комьями земля») и др.

Подведём итог грамматического разбора: *Русь* – земля Русская, то есть то, что под рукой собрано. А полная форма, со значением собирания под рукой, – *Русия*.

7. От грамматического значения собирательности к лексическому смыслу собирания под рукой

От грамматического значения, выраженного категорией собирательных существительных, которые в русском языке на протяжении всего периода развития призваны обозначать некую совокупность (*рука/руки – Русия – Русь*), перейдём к лексическому значению – к смысловому наполнению. Памятуя 4–5 тысячелетней давности балтославянскую языковую общность, выделим балтские конкретные лексические значения как исторически мотивированные, намекающие на исконный смысл: лит. *genkù, rinkai, giñkti* – со значением "собирать".

Удивительное, надо признать, согласование грамматического значения и исторического смыслового наполнения. Полная гармония семантики и грамматики.

Литовская *parankà* со значением «сбор, собирание» буквально перекликается с русской *порукой* – значением, которым так любят козырять норманнисты, выводя этимологический смысл «варягов» из скандинавских корней.

А что такое Русь, как ни собрание, ни собирание, ни сбор, ни собор?! До сих пор жива идея державности – собирания земель Русских «под рукой». Вспомним князей: Олега с малолетним Игорем на руках, Владимира Крестителя, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха; вспомним три царских колена от деда Ивана III (Грозного) до внука Ивана IV (Грозного), которые положили конец удельности на Руси и собрали под рукой как земли русские, так и многие ордынские; вспомним 300 лет Романовых... Идея соборности русской православной церкви как философии русской во многом объясняется преемственностью, культурой и традициями русскими, перенесёнными на христианскую почву. Открывая

русские летописи, основным толкованием слова «Русь» будет словосочетание «под рукой». Те, кто собрался под рукой, кто занимает место у престола в стольном городе, – это власть, это сила, это порядок за коном племенным. В конце концов, это идея державности. Каждый великий князь, претендовавший на главенство над удельными князьями, непременно добавлял себе титул «русский» или «всея Руси». Например, Ольгерд – князь литовский и русский. В период Московского царства, когда начался процесс собирания земель русских на исходе времён ордынских, титул прирос определением «Господарь Всея Руси», с перечислением земель под рукой.

8. Сумь соотносится с Suomi, как Ruoka – с Ruotsi, а Ржка – с Ржсь (< [pʁɔtɕi])

Все мы помним: норманская историческая школа в русском вопросе как доминирующее направление скандинавокреационизма возводит Русь к прибрежным шведским рыбакам (гребцам) и, пренебрегая исторической грамматикой и фонетикой, прибегает к весьма сомнительной, с точки зрения этимологической науки, словесной эквилибристике.

Вильгельм Томсен:

Имя Ruotsi никоим образом не может быть объяснено исходя из финского языка, равным образом как и Русь – славянского языка. Следовательно, это должно быть иностранное слово, что со всей вероятностью указывает на скандинавское происхождение... Мы можем легко вообразить, что Шведы, которые жили вблизи побережья и регулярно пересекали Балтику с одного берега на другой берег, могли очень рано называть себя – не в качестве национальной принадлежности, но по роду занятий или образу жизни – robs-menn или robs-karlar или что-то в этом роде, то есть, в соответствии с первоначальным значением слова, «гребцы», «моряки».

Сноска Вильгельма Томсена: «В Северной Норвегии Rossfalk (Rors или Rods-falk) по-прежнему значит “рыбаки, что промышляют в прибрежных водах во время ловли”. Ед. ч. Rosskar или -man...».

Непосредственно в шведском это слово постепенно стало употребляться в качестве имени собственного. Тогда не покажется и нам странным, что финны понимали это имя как титульное имя нации, и заимствовали в этом значении, и таким образом совместили в сложное слово – Ruotsi и Ruotsalainen. Могут последовать возражения... Но если мы предположим, что не Шведы называли себя Rors, или Ruotsi, или Russ, но что финны перенесли на них эту аббревиатуру, то противоречия исчезают. Ибо это вполне естественно для финнов: в сложном слове, где обе составные заимствованы из другого языка, они произносят его лишь первые ударные части... Это только гипотеза, но она представляется мне убедительной и заслуживающей внимания...

...Это имя перешло от финнов к славянам в форме «Русь», где звук UO, незнакомый славянам, преобразовался в звук U, точно так же, как SUOMI... в СУМЬ... [27, p. 96. – Перевод с англ. А.М.]

Выходит по Томсену, что имя Русь – языковая ошибка, ну а Россия – недоразумение истории, так что ли? В самом деле, Томсен не находит слово «русь» ни в одной из трёх групп рассматриваемых им языков: славянской, финской или скандинавской – при этом почему-то исключает из рассмотрения наречия автохтонного населения этих мест, то есть балтов. Ну, не нашёл, так не нашёл – не каждому, в конце концов, дано. Стало быть, «он не такой великий знаток русского языка, чтобы он мог поправлять за природными россиянами», – предупреждал Михайло Ломоносов ещё его предшественника по научно-изыскательной деятельности основ русской государственности. Томсен, однако ж, не растерялся и предлагает новаторский подход: *мы можем, дескать, легко вообразить... что-то в этом роде...*

Наверное, подобные изыскания иностранца в России могли бы быть восприняты со снисходительной ухмылкой, как юмореска, если бы не одно – но!!! Доверившись «воображению» Томсена, Макс Фасмер формулирует в своём «Этимологическом словаре русского языка» статью «Русь», ссылаясь на авторитет Томсена: «Этот этноним возводится к др.-исл. Róþsmenn или Róþskarlar "гребцы, мореходы", которое сближается со шв. Roslagen – названием побережья Упланда; см. Томсен...» [46, с. 522], – и все этимологические словари

Европы, в том числе отечественные, толкуют статью «Русь» в унисон, даже не задумываясь над тем фактом, что собственно Исландия заселялась норманнами позже образования Руси. Зато любой школьник или студент, историк или политолог ссылается на словарную статью как на источник достоверных знаний, подкреплённый авторитетом Вильгельма Томсена – Президента Датского Королевского научного общества, академика российского, автора основополагающего труда о происхождении государства Российского.

В 1982 году собирается едва не высший свет исторической науки: учёные из ГДР, СССР, Польши, Дании и Восточной Германии – и этот интернациональный консилиум пытается подвести политкорректную черту под историей изучения этимологии имени *Русь*:

«Название “Русь” возникло в Новгородской земле. Оно зафиксировано здесь богатой топонимией, отсутствующей на юге: Руса, Порусье, Околорусье в южном Приильменье, Руса на Волхове, Русыня на Луге, Руська на Воложке в Приладожье. <...> Первичное значение термина, по-видимому, “войско, дружина”, возможна детализация – “команда боевого корабля, гребцы” или “пешее войско, ополчение”. В этом спектре значений летописному “Русь” ближе всего финское *ruotsi* и древнеисландское *robs*, руническое *rub...*» [34, с. 58–61].

Древнеисландское *robs*, руническое *rub* и *Русь* – ни единого научно обоснованного предположения, как одни звуки переходят в другие да как при этом ведёт себя грамматика, не было сделано.

Все мы помним со студенческой скамьи высказывание Шахматова: «Форма Русь... так относится к *Ruotsi*, как древнерусское Сумь... к финскому *Suomi*. Мне кажется, что элементарные методологические соображения не позволяют отделить современное финское *Ruotsi* от имени Русь» [35, с. 56–57]. Шахматов перефразировал Томсена близко к тексту, а доказательства правоты Томсена не привёл, якобы за ненадобностью, в связи, так сказать, с «элементарными методологическими соображениями».

Так была постулирована современная норманнская аксиома – утверждение, не требующее доказательств.

Открываем финско-русский словарь – любой на выбор читателя и убеждаемся:

Ruoka – еда, время еды, пищевые продукты, пища;

Ruokalaji – кушанье;

Ruokakomero – кладовая.

Читатель, безусловно, может *вообразить* сам в себе, как в половине века IX мировое посольство старейшин от словен, кривичей, мери, чуди да веси, заключив наконец общественный договор, собираются за трапезой отметить это событие. Русь собирает стол. Пир горой. На белой скатерти – серебро: тарелки, вилки, ложки, ножи, а также хрустальные бокалы... Да-да, всё верно: руками пищу добывали, руками пищу складировали, руками стряпали, руками ели. Поэтому *Ruoka* – заимствование в финский язык балтославянского слова, со значением процесса еды. А как иначе может быть, ежели принято кормиться с руки да долгой рукой места на кормление раздавать?!

Ruoka – *Ruotsi* зафиксировало в финском языке регулярное палатализационное изменение, происходившее в языке русском начального периода развития: *рѣка* – *рѣцѣ* [rɔtsi] – *Рѣсь*.

Почему на конце не краткий [ь], а полногласный [i], ответ таков: «звуков [ь] и [ѣ] в финских языках не было, а наиболее близкими были именно звуки [i] и [u]. Вот почему финские *akkuna* (< псл. *окъно*)» [17, с. 177].

Была ли *Ruoka* (еда, кладовая) заимствована фино-прибалтийскими языками непосредственно из словенского, с незначительной фонетической адаптацией *ж* [ɔ] > *У* > *UO*, или же из балтских наречий? – мы вряд ли узнаем с высокой степенью достоверности. Но мы можем привести в пример – латышский язык балтской ветви индоевропейской языковой семьи:

Ruoka – рука.

Чтобы избежать голословных толкований, обратимся к этимологическому словарю Фасмера – к статье «рука» [46, с. 515]:

рукá вин. ед. рúку, укр., блр. рука́, др.-русск. рука, ст.-слав. ржака хѣир (Остром., Мар., Зогр., Супр.), болг. рѣка́, сербохорв. рúка, вин. руку, словен. góka, чеш., слвц. ruка, польск. ręka, в.-луж., н.-луж. ruка Родственно лит. rankà, вин. raĩka «рука», лтш. **ruoka** [выделено – А.М.], др.-прусск. ranko, вин. rankan, связанным чередованием с лит. renkù, rinkai, rinkti «собирать», rankà «сбор, соби́рание»; см. Лескин, Abl. 340; Мейе, ét. 255; Улашин, WuS 2, 200 и сл. (с параллелями из арго); Траутман, BSW 237; Apr. Sprd. 413; М.-Э. 3, 580. Иначе, но менее удачно, объясняет происхождение слова Миккола (IF 23, 120 и сл.), который сближает это слово с др.-исл. vǫg ж. «угол», vtangr «кривой, косо́й», ср.-нж.-нем. vtange «дуга» [См. еще Махек, Etym. slovn., 428. Мысль о том, что слав. слово заимств. из балт., высказал Бернштейн (см. его «Очерк сравнительной грамматики слав. языков, Введение». — Т.)]

Надо заметить, что финны весьма презрительно обзывают русских словом *ryssä*, как русские финнов – *чухна, чухонь, чухонцы*. *Ryssä* по-русски значит *рюжа, рюза, рюзя, рюси* – всё это местные словечки, связанные с рыбной ловлей, точнее, с рыболовными снастями. Целый пласт лексики, связанной с морским рыболовством, вошёл в язык русский – так называемые чухонизмы, что, разумеется, не должно удивлять: *бухта, камбала, нерпа, тундра, шуга*... Большинство чухонизмов русский человек даже и не слышал в бытовой речи, за исключением названия рыб, которые искони торгуются на рынках. Также мы можем отметить некоторые гидронимы и топонимы: *Онега, Карелия, Ильмень*, возможно *Псков*, как и наоборот – *Турку* от *Торжка*. Многие географические имена до сего дня этимологически не прозрачны, их относят то к досаамской, то к финской, то к балтской, то к славянской этимологии.

Однако ж в общерусской лексике – надо ещё поискать заимствования из прибалтийскофинских языков! Течение языкового влияния было обратное, из русского языка – в финские: *akkuna* (окно, батарея), *kanava* (канава), *kasku* (анекдот, сказка), *kiisseli* (кисель), *kaakki* (кляча), *koni* (конь), *maanitella* (манить), *musikka* (музик), *piirakka* (пирог), *rohatta* (богатый), *raja* (край), *remmi* (ремень), *rusakko* (русак, то есть заяц), *sääli* (жалость), *saapas* (сапог), *saruska* (закуска), *siisti* (чистить), *tavara* (товар), *tolkkua* (толковать, обретать смысл), *tyrmä* (тюрьма), *ukaasi* (указ), *urakka* (урок), *viesti* (вести), *vossikka* (извозчик)... И обозримого предела ряду заимствований из русского в финский не видно конца.

«В финских языках... целый ряд заимствованных слов из древнерусского языка в далёкую дописьменную эпоху. Ср., например, в эстонском языке такие слова, как *raamat* – “книга” (ср. русск. *грамота*), *papp* – “поп”, *aken* – “окно”, *puud* – “пуд”, *sool* – “соль”, *voli* – “воля”, *redis* – “редис” и др. Эти заимствования объясняются тем, что восточные славяне, расселяясь по территории Руси в глубокой древности, сталкивались с многочисленными финскими племенами, жившими в то время на этой территории» [14, с. 118, прим. 1].

Что же касается административных и торговых терминов, так здесь строго одностороннее движение с древнейших времён. «Очень ранние заимствования из древнерусского в финские языки тех слов, где когда-то были носовые, сохранили в финских языках сочетания гласного с носовым согласным, тогда как в русском языке на их месте звучат чистые неносовые гласные. Ср.: др.-рус. *коудель*, ст.-слав. *кждель* – финск. *kuontalo* – “пакля”; др.-рус. *соудъ*, ст.-слав. *сждъ* – финск. *suntja* – “церковный служащий”, эст. *sundima* “принуждать”, *sundimine* – “принуждение»» [14, с. 118].

Неужели всё выше сказанное даёт хоть малейшее основание полагать, будто русские люди, вопреки историческому течению и характеру заимствований, в качестве самоназвания позаимствовали одно-единственное слово из административного пласта лексики прибалтийских финнов в то время, как обслуживающие властный аппарат термины, наоборот, сумь да эсты позаимствовали у русских? *Ruotsi* – это исключение из общего правила? А как же *ukaasi* (указ), *sundima* (принуждать), *viesti* (вести), *tyrmä* (тюрьма), *voli* (воля)?!

Ruoka финны позаимствовали у словен или кривичей, а русские заимствовали обратно – *Ruotsi*?! Нет-нет, не в элементарной логике дело, вопрос иной: как это «обратно» объяснить с точки зрения научной этимологии? Норманнисты ни единого варианта не предложили, кроме *мы можем, дескать, легко вообразить... что-то в этом роде...*

Утверждение Вильгельма Томсена: «Это имя перешло от финнов к славянам в форме “Русь”, где звук УО, незнакомый славянам, преобразовался в звук У», – ложно, потому что, во-первых, идеологическая отсебятина, далёкая от лингвистики, и, во-вторых, разбивается о пример заимствования в финский язык слова «рука» во времена, следовавшие за образованием русской буквы У, ибо в финский язык слово «рука» перешло без следов носового гласного: *рука* – *ruoka*, *ruokalaji*, *ruokakomero*.

Вильгельм Томсен, как и все его предшественники и последователи по лагерю скандинавокреационистов, пришёл к умозрительному заключению о направленности заимствования без какого бы то ни было научного обоснования. Суть ведь не в том, есть или нет аналог звука, – отличные фонетические системы языков никогда не были препятствием для заимствования слов и понятий на стыке культур; суть в закономерностях преобразования одних звуков в другие при переходе из языка в язык, – это называется транслитерация, и для каждого периода времени и языка транслитерация своя особая. Это известно в научных кругах более тысячи лет – со времён средневекового магометанского учёного аль-Бируни.

Как бы там ни было, а норманнская аксиома в формулировке Шахматова: *Русь так относится к Ruotsi, как Сумь к Suomi*, – ввиду его же «элементарных методологических соображений», приобретает вектор обратного направления. Не от финнов к русским, а от земли Русской – в прибалтийско-финские языки: *Ржка* соотносится с *Ruoka* так, как *Ржсь* (<[рѣтси]) – с *Ruotsi*.

Финские лингвисты до сего дня не могут определиться с этимологией имени своего государства по той, вероятно, причине, что *Suomi* вошло в родную финскую литературу, сначала пройдя сквозь фонетико-морфологическое сито балтославянских наречий, олитературившись в русских летописях. Подобные этимологические проблемы испытали русские *варяги* и *славяне*, вошедшие в отечественную литературу из языка греческого вместе с письменностью, но будучи первоначально заимствованы в греческий язык из наречий славянских. Откуда же в русском языке образовалось имя племени *сумь*, никто не знает. Предполагается то ли финская, то ли саамская этимология.

На этом поставим точку в системе наших собственно лингвистических исследований этимологии имени *Русь*. Система доказательств научно обоснованная и исчерпывающе полна. Имя «Русь» по всем языковым показателям: тональность, фонетика, грамматика и морфология, модель словообразования, семантика – древнерусского происхождения, уходит корнями в глубокую древность, просматриваемую ретроспективным взглядом вплоть до балтославянской языковой общности.

В дополнение подчеркнём: слово «русь» наделено женским грамматическим родом от первослова «рука», и факт грамматического рода сыграет немаловажную роль, когда мы отправимся на поиски родственных связей в языковой семье индоевропейских народов.

Почему по-фински *Ruotsi* – это Швеция, а Россия – *Venäjä*

Шведы страну своих восточнскандинавских соседей называют *Finland*, то есть земля Финнов, а финнами издревле германские племена предположительно называли саамов – охотников, дескать от шведского *finne* – *находить* [47, с. 195–196]. Финны называют землю своих западных соседей, то есть Швецию, именем *Ruotsi* (*Ruotsalaiset* да *Ruotsalainen* по отношению ко всему шведскому и шведам) – именем, которым современные русские люди сами себя называют. Сами себя и свою страну финны называют этимологически затемнённым именем *Suomi* – *сумь*, как их издревле называли русские, согласно летописям. Россию финны (*сумь*) называют *Venäjä* (*Venäläinen* да *Venäjäntielinen* ко всему русскому) – именем *венеты* или *венды*, которым германские племена называли своих соседей от племён то ли славян, то ли балтов, то ли некоего культурно-языкового симбиоза. При всём при этом финны русских окликают *ryssä* (по-русски *рюжа*, *рюза*, *рюзя*, *рюси*), а русские обзывают их *чухна*, *чухонь*, *чухонцы*, причём презрительно-насмешливый оттенок *ryssä* и *чухна* приобрели исторически

недавно, ближе к концу XIX века, когда в Европе расцветали ранние цветочки нацизма как квинтэссенции национально-государственной идеологии. *Ryssänmaa* (земля Русская) – Манифест 1809 года об устройстве Финляндии.

Иными словами, всё смешалось в земле прибалтийской – и времена, и слова, и народы, и нравы, и история.

1. Ruotsi

Всё прибалтийско-финское ответвление: сумь, карела, весь, ижора, водь, эсты, ливы – их языки и диалекты свидетельствуют в пользу того неоспоримого факта, что именем *Русь* финны называют Швецию. И это не единственный казус.

Показательный пример: в результате культурного господства шведов на протяжении как минимум семи столетий кряду финны (*Suomalaiset*, сумь) называют Балтийское море – Восточным (*Itämeri*, *Itä* – восток), хотя их «Восточное море» омывает Финляндию с запада и юго-запада, но никак не с востока. Тот же казус приключился с именем *Ruotsi* – соседей восточных и юго-восточных, но никак не западных.

Обратим, однако ж, взгляд таки восточнее – к тем народам угрофинской языковой семьи, которые, оказавшись соседями Руси, не испытали шведского влияния на свою культуру.

На ижемском наречии языка коми (финно-пермская ветвь): *роч* – русский.

Далее финноволжская ветвь. Эрзя-мордовский: *руз* – русский (человек), *рузонь* – русский (прил.). Мокшанский-мордовский: *Рузмастор* – Русь, Россия и *Рузонь* – русский, а *Швеция* – *Шведмастор* и *шведский* – *шведонь*.

Меря... увы, мерянский язык не сохранился в разговорном формате, близком к наречию, то есть язык, омертвевший к сему дню, однако ж, при исследовании диалектных выражений, восстанавливаются те или иные словечки. По-мерянски *русский* значит *руш*, а по-мерянски *кида* – это по-русски *рука* (от *кидать* рукой).

Если перевести взгляд на юго-запад от земли Русской, то мадьяры (угорская ветвь) так говорят: *Oroszország* – Русь, Россия, *orosz* – русский, *rossz* – плохой, дурной, злой.

Очевидна закономерность: там, где языки финской семьи развивались в лоне шведской политической и языковой культуры, там *Русью* Швецию зовут, а где под влиянием русским – там *Русью* Русь называют. Вполне естественное явление. А как иначе должно быть, если значение слова: *власть, закон, сила, дань имеющие, под рукой* и т.п.? Да не оскудеет рука (*гуока*) дающего – не сожмётся от жадности в кулак рука (*ржка*) берущего... дань. Как говаривали веке в X, так и говорят в XXI веке, значение слова не изменив. А вот этнический смысл искони заложен не был, это приобретённое качество – перенос социально-сословно-классового на этническое.

Показательный пример – саамы. Саамский язык как сумма наречий относится к отдельной ветви финноугорской языковой семьи. Предположительно именно саамы были первопроходцами в Скандинавии, где встретились с весьма малочисленным коренным населением (так называемый досаамовский языковой субстрат в саамских наречиях). Расселялись и осваивали земли по мере таяния ледника. Так, шведские саамы (северносаамский) *Швецию* называют *Ruotta* и *Sveerje*, а *Россию* – *Ruošša*. Лопари (русские саамы) *русского* назовут *руши* (*rušš*). Саамам не случилось создать собственную государственность, разделённый народ древних саамов оказался под сильным влиянием инородной, иноязычной культуры: финской, русской, шведской, норвежской – и это влияние находит отражение в их наречиях (на сегодня – уже языках).

Казус, приключившийся с именем *Ruotsi*, вызван, очевидно, тем незамысловатым обстоятельством, что изначально *Русь* сама в себе несла отличительный признак отнюдь не этнический (то есть не племенной), и даже не языковой, не культовый, не сословный – всё это побочные характеристики, приобретённые. Да, язык и верования, безусловно, влияли на особенности процесса становления государственных начатков земли Русской, на социальное перераспределение, формы хозяйствования и системы управления, впоследствии письменность и грамотность населения. Да, влияли, однако глубина разрыва между двумя мирами, русским и разноплеменным, определялась противоположными друг другу укладами

общественной жизни, абсолютно разными психотипами человеческого материала. Новый уклад развивался не столько внутри старого, сколько за счёт него, на его ресурсах. Связанные между собой военно-торговыми путями города, за крепостными стенами которых обретались люди раннегородской формации, чуждые даже бывшим соплеменникам, возводились на племенных землях, населённых соседско-родовыми общинами, которые жили по заветам предков. Да, в каждом из миров происходили процессы сословного полураспада, но это были принципиально разные процессы – сословно различные полураспады. Были ли варяги, которые некогда звались Русь, славянами, или балтами, или норманнами, или финнами? Нет, не были, ибо Русь – другая формация, не племенная. А язык? В городах русских говорили на языке, который понимали словене или кривичи, а вот для финноязычных племён русская административная и хозяйственная лексика была сплошь иноязычное заимствование, новые слова приходили вместе с новыми понятиями как термины. Так и славяне извне восприняли финскую рыболовецкую терминологию, североморскую.

Современная наука рассматривает прошлое, бросая вглубь времён перфектный взгляд: как *есть стало быть* в результате того, что было прежде. Детерминантой является причинно-следственная цепь, связывающая прошедшее с итоговым будущим; ежели фактов недостаёт, их наличие постулируется. При этом реальная историческая действительность (имперфектная в своём ретроспективном взгляде) по большей части пребывает за горизонтом научных интересов. Да и инструментарий для вертикально безотносительных к современным понятиям «государство», «нация» и «национальность» исторических исследований, надо с сожалением признать, по сей день весьма груб и примитивен. Прилагать одни и те же научные мерки для исследования чуждых друг другу формаций как в килограммах измерять время или в минутах воздух.

Сошлёмся на Данилевского, Игоря Николаевича, доктора исторических наук, профессора, который, на мой взгляд, произвёл вполне объективный анализ социальной функции понятия «Русь» на основании обзора бытующих научных взглядов, и приведём несколько выдержек из его работы.

Данилевский приводит мнение Г. Ф. Ковалёва: «Если вспомнить термин “полюдье” – сбор дани, то можно предположить, что люди – те, кто вынужден был платить дань, а русь – те, кто эту дань собирал. Среди сборщиков дани было много варягов-дружинников, поэтому социальный термин, видимо, был перенесен и на этническое название скандинавов-германцев» [34, с. 57–60].

Вполне справедливо, на мой взгляд, предположение, основанное на термине «полюдье»: Русь – это те, кто дань имел, а люди – те, кто дань платил, по шкурке бельчичей от дыма, как мы знаем из летописания русского. Более того, согласно с исландскими сагами, с XI века известны на Руси «скандинавы, охраняющие, – по словам Джексона, – области, отданные им в держание», а вот с правом ли самим собирать дань или нет – не известно. Свидетельств о том, будто варяги собирали дань в земле Русской после заключения мирового соглашения от 862 года, у нас нет. Да и кто бы позволил такой беспредел?! Кто бы им на местах собирал и отдавал?! Дань – это плата за «крышу», а крыша, по определению, одна-единственная. Дань имел князь русский, и дружина его, под рукой его. Аскольд и Дир дерзнули – Олег с малолетним наследным княжичем на руках (Игорем Рюриковичем) убил их, ибо не княжеского рода были, а бояре лишь – самозванцы. Вспоминаем поход за данью князя Игоря к древлянам. Удумал Игорь лишку хватить – расплатился жизнью за алчность. Привязали к двум берёзам, пригнув верхушки к земле, и, отпустив, живьём на части разорвали, чтоб неповадно было: повадится-де волк к овцам, то вынесёт всё стадо, пока не убьют его. Вспомним, как, согласно летописям, Олег Вещий договаривался с племенами, беря те под свою руку: не платите, мол, хазарам по щеляге – мне платите. Что касается варягов, якобы сборщиков дани, у нас есть красноречивое летописное свидетельство от противного – под 980 годом. Пришли с Владимиром в Киев. Владимир велел ждать, пока им куны ни соберут в оплату за службу – полудню с киевлян. Варяги сидели и ждали, а когда, наконец, смекнули, что князь Владимир водит их за нос, то взмолились: обманул, так отпусти в землю Греческую, – князь, отобрав среди них себе мужей добрых и смыслёных, остальных отпустил,

не расплатившись с ними за работу ратную. Куда определил князь отсеянных мужей добрых, не известно. Предполагать можно всякое... впрочем, ответы мы находим в «Русской правде» Ярослава Мудрого, ибо коль *мужи добрые и смышлёные*, то они уже не варяги-наёмники.

Весьма сомнительной, таким образом, представляется вторая часть предположения Ковалёва, будто «среди сборщиков дани было много варягов-дружинников», – здесь очевидна, вольная или невольная, подмена терминов и понятий, вызванная господствующим в академических кругах убеждением, якобы варяги – это скандинавы, читай – шведы. Нет, и выше мы это показали. *Варяги* точно так же, как и *Русь*, не этнос. Даже заядлые норманисты не посмели определить форму и способ реализации профессиональных навыков воевать и торговать через этническое врождённое свойство. Раз напрямую – нет, так слукавили – перенесли наёмных воинов и торговцев как понятие социальное на скандинавскую этническую почву, используя аналогию с *викингами* – пиратами и разбойниками, терзавшими всю прибрежную Европу. *Варягов* назначили быть восточноскандинавской разновидностью *викингов*, используя универсальную модальность глагола *var* – «быть». Читатель может открыть любой шведский словарь и самостоятельно перепроверить за автором: глагол *var* – *быть*, а также *бывший, место, местоположение*, артикль *vår* – *наш, мы, свой*.

А вот могли ли скандинавы служить в дружине князя, то есть в его ближайшем окружении? Да, наверное, ежели *мужи добрые и смышлёные*. Дружина не наёмники. Ближайшее окружение князя и его опора. Как многожды подчёркивал Данилевский, князь относится к своей дружине – как первый среди равных, дополним – первый по праву рождения и воспитания. А в качестве варягов-скандинавов, собирающих дань для себя и для князя? Даже в Орде осознавали пагубность использования иноязычных сборщиков дани в покорённых землях – это кратчайший путь к бунту, потому главным сборщиком дани и усмирителем непокорных являлся Александр Ярославич (Невский).

Варяги могли выступать в поход под рукой князя в составе сборного войска для усиления боевой мощи – да, безусловно. Вспомним, как Вещий Олег в поход собирался:

907 год, идёт Олег на Греков... собрал воинство многое: варяг, и словен [славян?], и чудь, и словене, и кривичи, и мерю, и древляне, и радимичи, и поляне, и северяне, и вяти, и хорваты, и дулебы, и тиверцы... – всё это некогда звалось от греков Великая Скифь, и с этими всеми пошёл Олег на конях и на кораблях... и пришёл к Царьграду.

А вот когда Олег возвращается в Киев с дарами, то варяги уже не упоминаются, что наводит на многие предположения, в том числе напрашивается вывод, что варяги на дань права не имели – они получали оплату за работу по найму, из собранной, разумеется, дани. Вместо варягов речь идёт об Олеге с мужами своими (та самая, видать, малая дружина), но никто из них не клянётся Одином, богом скандинавским, наоборот:

Олега водили присягать с мужами его по русскому закону. Клялись оружием своим – и Перуном, богом своим, и Волосом, богом скота.

Олег велел *дать воинам на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину*. Варяги растворились в массе, не упоминает их летописец, нет, – в договоре речь идёт о купцах русских, которым предоставляется право беспошлинной торговли. Варягам нет упоминания, зато упоминаются *уклады русским городам: первому Киеву, также Чернигову, Переяславлю, Полоцку, Ростову, Любечу и прочим городам, по тем ибо городам сидели великие князья под Олегом....*

Таким образом, вывод, будто «социальный термин, видимо, был перенесен и на этническое название скандинавов-германцев» с «варягов-дружинников», представляется более чем сомнительным. Сомнителен во временных рамках IX–X веков, ну а ежели с XII века – то да, перенос социального на этническое действительно произошёл (как и сего дня адепты норманской исторической школы по-прежнему переносят), но не потому, что скандинавские «варяги-дружинники» от имени князя дань собирали, а потому, что финны подпали под власть Швеции на семь столетий кряду.

Данилевский: «Действительно, финно-угорские народы еще долгое время названия, восходящие к корню русь-, использовали для обозначения разных народов, бравших с них

дань, а также местной финнской знати, тогда как слово «люди» стало даже самоназванием одной из финно-угорских народностей (Ljudi)».

Замечу, было бы по меньшей мере странно, ежели б финское племя заимствовало своё имя *Ljudi* в чистейшей славянской огласовке не от языка словен, а от шведов или иных скандинавов-дружинников, вместо их *folk* или *Människor*. Ежели открыть Русско-Чудский словарь, то на чудских наречиях *по-русски* будет *веняксь*, а *по-чудски* – *людикшъ* (от люди), *люди* же – *рагвасъ* [52]. То есть чуть – это люди.

Обращаю внимание читателя сего очерка: индоевропейского происхождения, слово «людь-люди» вошло в финские языки в славянской огласовке, что может означать одно: те русские, кто собирал дань, были от наречий славянских. См. статью «люди» словаря Фасмера: «цслав. людъ, словен. lǫd, др.-чеш. l'ud, чеш. lid, польск. lud, отсюда лю́ди мн., укр. лю́ди, др.-русск., ст.-слав. людиѣ... лит. liaudis “народ” ... лтш. ļaudis “люди”, лит. Liaudžia... д.-в.-н. liut “народ”, ср.-в.-н. liute, бургунд. leudis... гот. Liudan...» [45, с. 545].

«Предлагаемая трактовка “термина” русь как социального обозначения, – приходит к заключению Данилевский, – действительно, довольно привлекательна. Она позволяет согласовать по ч т и все разночтения в ранних источниках, в которых оно встречается. Тогда русь может в одних текстах связываться с варягами (если они входят в состав социальной верхушки, собирающей дань), а в других отличаться от них (если речь идет о наемных отрядах скандинавов, приглашенных на время). <...> До определенного времени употребление слова “русь” в социальном, а не этническом значении не вызывало сомнений... “Русь” как название широкого, надплеменного дружинно-торгового общественного слоя, консолидирующегося вокруг князя... – это понятие, несомненно, восточноевропейское» [34, с. 57–60].

Подчеркнём вывод – восточноевропейское. Да, варяги (не путать со скандинавами!) служили князьям русским, они и есть во многих случаях та самая долгая рука, то есть Русь во всех её проявлениях – то самое, что мы сегодня называем – власть, на языке наших предков – волость. Для прибалтийско-финских наречий понятие, которое скрывалось за словом *Ruotsi*, оставалось неизменным, дотягивалась ли до *суми* рука русского князя либо впоследствии шведского конунга. Значило слово «русъ» одно и то же, до того и после того: *власть* (как система и как правящая верхушка), *сила*, *порядок*, *закон*, *налогообложение* и тому подобное.

Не удивительно, что исследователи разных времён и народов, пытаясь соотнести русских то с норманнами, то с балтами, то со скифами, то со славянами, путали понятия этнические и сословные при попытках описать первые главы русской истории. Обратимся за примером к свидетельствам магометанских авторов – современников зари русского мира.

Открываем «Книгу путей и государств» Абуль-Касима Убайдаллаха ибн-Абдаллаха, известного под прозвищем Ибн-Хордадбе (писал в 60–70-х годах IX века – Рюриковы времена):

Царь Славян [называется] Кнадз (Кнад)...

Что же касается купцов-Русских – они же суть племя из Славян, – то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю... А если желают, то ходят на кораблях по реке Славонии [Волга – А.М.], проходят по заливу хазарской столицы, где владетель ее берет с них десятину... Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад... [38, с. 48–50].

Из сочинений Абуль-Хасана Али ибн-Хуссейна, известного под прозвищем Аль-Масуди (писал от 20-х или 30-х до 50-х годов X века):

...Есть Русское море [Чёрное море – А.М.]; никто кроме них (Русов) не плавает по нем, и они живут на одном из его берегов... Русы составляют многие народы, разделяющиеся на разрозненные племена... [38, с. 131–134].

Из «Книги драгоценных сокровищ» Абу-Али Ахмеда Ибн-Омар Ибн-Даства (писал около 30-х годов X столетия):

Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером... Они имеют царя, который зовется хакан-Рус. Они производят набеги на Славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их (Славян) в плен, отвозят в Хазран и Булгар и

продают там. Пашен они не имеют, а питаются лишь тем, что привозят из земли Славян... Городов у них большое число, и живут на просторе... [38, с. 263–270].

Из «Книги лучшего разделения в познании климатов» Шемсаддина Абу-Абдаллаха Мухаммеда ибн-Ахмед, известного под прозвищем Аль-Мукаддеси (писал в 985/6 году):

Русы живут на нездоровом острове, окруженном озером и служащем укреплением для них против врагов. Количество их – около ста тысяч человек; не имеют ни пашен, ни стад.

Славяне нападают на них и забирают их имущество.

Если у кого из них родится сын, то он бросит ему (новорожденному) меч, говоря: будешь иметь только то, что приобретешь твоим мечом! [38, с. 283].

Из «Книги драгоценных сокровищ» Абу-Али Ахмеда Ибн-Омар Ибн-Даста (писал около 30-х годов X столетия):

В самом начале границы страны Славян находится город, по имени Куяб. Путь в их страну идет по степям, по землям бездорожным, через ручьи и дремучие леса. Страна Славян – страна ровная и лесистая; в лесах они и живут... Глава их коронуется; ему они повинуются и от приказаний его не отступают. Жилище его находится в середине страны Славян. Помянутое выше лицо, которого титулуют они «главою глав», зовется у них свят-царь... [38, с. 264–266].

Несмотря на очевидную путаницу, противоречий в свидетельствах разных магометанских писателей не так много, как можно представить на первый взгляд. На какую особенность описываемого ими явления пал беглый взгляд магометанского писателя, той гранью русский мир к нему повернулся. Когда люди верят в одних богов и говорят на понятном друг другу языке, то русские – это славянские народы, но если присмотреться к образу жизни и ведению хозяйства, то сразу же бросаются в глаза отличия, и тогда русские – это русские, а не славяне или кто бы то ни был ещё, какой бы этнический элемент в конкретном случае: место, время, действие – ни присутствовал в составе единства.

Прежде, чем снять знак вопроса в загадке, отчего же финноязычные прибалты так называют Швецию *Ruotsi*, и наконец поставить точку, предлагаю читателю сего очерка вспомнить, как в 969-м летописном году ответил князь Святослав Игоревич матери своей, княгине Ольге, на её упреки в нежелании сына сидеть в Киеве и оттуда править рукой долгой в земле Русской: «Не любо мне в Киеве быть. Хочу жить в Переяславце на Дунае, ибо там середина земли моей – туда все блага сходятся. От Греков – золото, паволоки, вина, овощи различные. Из Чехии же и из Венгрии – серебро и кони. Из Руси же меха, и воск, мёд, и челядь». Стало быть, где князь всея Руси, там и стол, а где престол – там середина земли Русской, центр силы и власти: *Великий князь Рука и князья великие, светлые под рукою его суици Руси*.

Прояснив окончательно исконное значение имени «Русь», обратим взгляд к земле Шведской.

Племени, созвучного имени [*rusi*], в Скандинавии не обнаружено, а вот социальная группа... есть была. Да. Всё верно. В Швеции, вплоть до 1809 года, действительно обнаруживается некое сословно-классовое явление, которое на финском языке звучит как *Ruotsi*. Вот только образовался этот социальный феномен не до, а гораздо позже призвания варягов, которые некогда звались Русью. Сумь заимствовала слово-понятие *Ruotsi* в земле Русской не ранее того времени, когда образовалась русская буква У и варяги, которые звались Русь, были уже призваны, с лексическим значением как политический термин: *центр власти, центр силы, миропорядок*. Русь – это власть в Приильменье и в восточной Балтике с 862 года, и властью над финскими племенами была *Ruotsi* со середины IX в. Финны не были крещены в русскую веру, не были православными, не знали духовной власти Русской церкви, кириллическая письменность и греческие религиозные тексты в финские пределы не вторгались.

В период развитой межусобицы в земле Русской и заката эпохи викингов в Скандинавии шведские короли (конунги) распростёрли свою долгую руку едва ли не на всё Восточнобалтийское Поморье. Начало шведского владычества обычно определяют с 1104 г.,

а длилось господство шведов над финнами семь веков кряду. Это касалось власти, налогов, торговли, межэтнических отношений, социальной иерархии, языка, культуры в целом и в частности – религии: сначала замена языческих верований католицизмом, затем в герцогстве Финляндском утвердилась протестантская церковь. Шведы заняли положение титульной нации. Всё это уже имело название – *Ruotsi*. Имя *Ruotsi* приобрело со временем этнический оттенок, ибо Швеция как власть (*Ruotsi*) определяла в земле Финской законный порядок, шведский.

В 1809 году Россия отняла у Швеции Финляндию. Лишь только в 1835 году был опубликован на их родном языке (латиницей) карело-финский эпос «Калевала». Шведский язык доминировал в качестве официального вплоть до половины века XIX, ну а финский законодательно уравнивали со шведским в 1863 году... ровнёхонько через тысячу лет после приобретения славянами письменности от греков.

В 1918 году Финляндия обрела государственный статус. Финский и шведский языки являются государственными в Suomen Tasavalta (Republiken Finland).

Вполне естественно, что термин *Ruotsi* (*Русь* как центр власти) за 700 лет шведского владычества перерос в национальное определение. Аналогично в России имя *русский* стало обозначать этническую принадлежность по мере течения исторического времени, и все: словене, кривичи, вятичи, мурома, голядь и т.д. – к нашему времени, вне зависимости от племенной принадлежности, уже превратились в русских людей, и процесс естественной русификации и этногенеза продолжается прямо на наших глазах.

Приведём исторически ближайший образец этнических переименований, причём неоднократных. Вскоре после того, как Орда сожгла Чернигов, и пришла Литва, чтобы владеть землёй Северян, *северяне* стали зваться *литвинами*, после вхождения в Московское царство *литвины* стали называть себя *малорусскими*, а теперь они – *украинцы*... хотя помнят своё историческое имя *северяне*.

Вернёмся к обзору Данилевского и приведём выдержку, где он ссылается на чрезвычайно любопытное наблюдение выдающегося слависта П. Шафарика: «У эстонцев сакс, т. е. саксонец, значит господин, а у чухонцев – купец, у итальянцев и французов – «francusingenuus», а у древних французов прилагательное «nogois», образовавшееся от слова «норманн», значило «superbe» [гордо, надменно]. У древян полабских прежде их истребления слово *pentjemka* (т. е. немка) означало госпожу высокого рода, а *nemes* (т. е. немец) молодого господина».

Лексическая пара *ruoka–ruotsi* была заимствована прибалтийскими финнами у своих славяноязычных соседей *Venäjä* в зеркальном отражении палатализационной древнерусской словоформы *рука–русь* во время, последовавшее непосредственно за преобразованием носовых монофтонгов (юсов Ж/А) в гласные У/А – на исходе IX века, когда уже была установлена в Приильменье русская власть и упрочивался русский миропорядок.

Но почему же тогда *Ruotsi* – это *Швеция* по-фински? Ответ: потому, что имя *Ruotsi* (*Русь*) было заимствовано прибалтийскими финнами в земле Русской в значении *центр власти, сила, порядок, закон, дань имеющие* и т. д. и т. п. – и этой властью для прибалтийских финнов, начиная с XII века и на протяжении семи столетий, была Швеция, социально господствующим этносом были шведы. В тех языковых ветвях угрофинской языковой семьи, где шведы не господствовали, там производные имена от слова «русь» соотносятся с *Россией*, русскими людьми и всем русским.

2. Venäjä

Гораздо сложнее ответить на вторую часть вопроса, вынесенного в заглавие: почему по-фински *Россия* – *Venäjä*? По-эстонски *Vene* – *Россия, русский*. По-карельски – *Veneä*.

Как и прибалтийские финны, в средние века немцы называли своих ближайших восточных соседей *вендами*, и это имя сохранилось в современном немецком языке: *Wende* (*Wenden* мн.ч.) – лужичанин, лужицкий серб, сорб, из чего мы делаем логический вывод, что исторически *Wenden* – это *славяне*, или, точнее сказать, некоторые славяне... или те, кого ассоциировали немцы со славянами. У нас нет свидетельств, что чехов или поляков немцы

причисляли к вендам. Ясность может внести свидетельство Иордана, которое находим в его «Деяниях готов» (последняя четверть VI века), где он поминает уходящих в историческое прошлое венетов:

В... Скифии (Scythia)... от... истоков реки Вислы (Vistulae) на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя Венетов (Venetbarum natio). Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, всё же преимущественно они называются Склавенами и Антами (Sclaveni et Antes nominantur) [39, с. 71].

Для Иордана как историка важен исторический принцип хронологической или фактической последовательности: *венеты* как имя собирательное уходит со страниц исторической литературы к концу VI века и ему на смену приходит собирательное имя *Sclaveni et Antes*. При этом помним выражения Иордана – *преимущественно*.

Ещё через столетие, как мы знаем, собирательное имя *Antes* будет вытеснено именами различных родов и племён, на которых будет также распространено общее имя – *Sclaveni*.

С VII века и по сей день под термином «славяне» (*Sclaveni*) подразумевается языковая семья народов индоевропейской ветви, исторически и культурно близких между собой, этнически более-менее родственных. Ближайшими родственниками славянам являются балты. Сам термин «славяне», вошедший в научный обиход в исторически новое время, сам по себе вызывает много вопросов.

Стало быть, имя *Venäjä* надо искать в хронологических пластах VI века и ранее... если, конечно, прибалтийские финноязычные племена не позаимствовали экзоним *Wende* у немцев, как подобным образом случилось у них с именем *Ruotsi*, которое позаимствовали в земле Русской для названия Швеции по прямому лексическому значению (или как на шведский манер по-фински Балтийское море – *Itämeri*, то есть Восточное море, вместо Западного).

При взгляде на историческую карту очевидно, что соседями прибалтийских финнов, согласно с русскими летописями, были *те люди суть новгородцы от рода варяжского, ибо прежде были словене*. Века этак с VI–VII прослеживаются славянские следы в южном Приильменье. Очевидно, что за именем «словене» кроется языковой подтекст: словене в разноязыкой местности – все те, кто понимает на слово друг друга. Какое у словен было родовое и племенное деление? Как каждый называл себя в частности и в целом? Называли ли себя словене вендами? Мы не знаем. Гадать не станем. Но известно, что до миграции словен в южное Приильменье и верховья бассейна Волги эти земли на протяжении нескольких тысячелетий населяли племена индоевропейской языковой семьи – балты, так называемые. Называли те себя вендами или нет, мы тоже не знаем, и гадать не будем.

Латыши о русских говорят как о кривичах: *krievs, krieva, Krievijas, krievisks, krievu*. Примечательно, однако, что верховный жрец союза балтских племён, именуемый экзонимом «прусы», носил звание Криве-Кивайто (лит. *Krivių Krivaitis*) и, будучи издревле хранителем вечного огня, осуществлял функции высшего судьи языческого мира. О кривичах как о союзе восточнославянских племён мы можем говорить, начиная века с VIII.

Также, вне всяких сомнений, мы можем утверждать происхождение в результате балтославянского этногенеза таких племенных союзов, как вятичи от VIII века и от IX века – радимичи, дреговичи.

Издревле соседями так называемых финнов были и племена восточных балтов: литва, жмудь, надрувы, скальвы, курши, земгалы, селы, латгалы, – населявшие восточное побережье Балтики.

Напрашивается вывод: если имя *Venäjä* искать в хронологических пластах от VI века и ранее, то искать его следует среди имён не собственно славянских, а главным образом – балтских, ибо во времена хождения в Европе имени *венеты* соседями финнов были балты, но никак не славяне... согласно с современной терминологией. Либо *венеты* – имя надплеменное и из древнего прошлого.

В середине XIX века профессор Кёнигсбергского университета Георг Нессельман ввёл в научный оборот неисторический экзоним – «балты». Вернее сказать – термин. Придумал, и тем самым внёс немалую сумятицу в и без того далёкую от совершенства систему

исторических имён. Термин «балты», характеризовавший языки и наречия прибалтийских индоевропейцев, исключая кельтов, германцев и славян, был этнически и культурно углублён в дославянский хронологический период и территориально распространён на земли, которые издревле населяли индоевропейские племена от среднего течения Днепра и Десны до собственно юго-восточного и восточного побережья Балтики, на восток – до верховий Волги и Оки, на запад – за бассейн Вислы. Используя метод стволовой ветви, он поставил почти всё население центральной и восточной Европы перед выбором: а тебе в самом себе какая кровь любя – батюшки родного либо матушки родимой?

Мы уже отмечали, причём не раз в этом очерке, недостатки метода стволовой ветки, когда этно-культурно-языковое прошлое детерминируется по признаку современных национально-государственных представлений, которые свойственны убеждениям того или иного исследователя, когда игнорируются непрерывные процессы этногенеза и языковой конвергенции и дивергенции. Под одной рукой могут лежать разные страны, населённые многими народами отдельно и в смеси, а на одну страну могут быть наложены многие руки. Разные народы могут иметь общих предков, а предки одного народа могут быть разнородными, и это касается в том числе и языка, и материальной культуры, и веры. Если вы третий сын в семье, то возможно, что у вас есть кровный брат по матери и кровный брат по отцу, но ваши старшие братья не братья друг другу.

«Еней був парубок моторний і хлопець хоть куди козак», – так начинается «Енеида» Ивана Котляревского, но в каждой великой шутке, как известно, вы всегда найдёте частичку своей правды. Прибалтийские финны свидетельствуют: да, русские – *венеты*, и это не в шутку, ибо сумь Россию называет – *Venäjä*, как и эстонцы и карелла: *Vene, Veneä*.

Со времён Трои (три с гаком тысячи лет тому назад) и по сей день мы находим следы венетов по всей Европе – с незначительными звуковыми колебаниями внутри лексического ядра, в зависимости от времени, места и обстоятельств фиксации в классической литературе. Ареал словоупотребления имени *венеты* в классической литературе совпадает с распространением в Европе русского летописного имени *варяги*, но предшествует во времени и гораздо шире к западу. Мой читатель, надеюсь, помнит, что целью очерка является не этническое, не культурное и даже не собственно историческое исследование явления венетов, а этимология слов «русь» и «варяг», в связке с которыми вдруг обнаружилось слово «венеты».

Выстроим ряд из исторически известных вариаций слова и выделим то морфологическое общее – ядро, что объединяет все эти экзонимы:

Греческий – *ἔνετοί*;

Латынь – *Venedi, Veneti, Venethae, Venethi, Wendi, Vindelici, Vindolici, Vindalici*;

Немецкий – *Wende*;

Староанглийский – *Winedas*;

Старонорвежский – *Vindr*;

Датский – *Vendere*;

Шведский – *Vender*;

Польский – *Wendowie*;

Финский – *Venäjä*;

Кареллы – *Veneä*;

Эстонский – *Vene*.

Науке известен такой физико-химический метод маркировки материальных объектов, включая предметы и людей, как изотопная метка. Помеченный изотопом атома объект подлежит безошибочной идентификации. Подобной меткой в языке являются древние корни, которые, развиваясь во времени и пространстве, изменяются в соответствии с фонетическими и морфологическими закономерностями тех языков, где мы их обнаруживаем. Метка – это устойчивый признак лексического ядра.

Русский	Праславянский	Литовский	Др.-германский	Латынь	Др.-греческий	Санскрит	Др.-индийский	Индоевропейский
У	Ж	am	am	am	αμ [am]	अम् [am]	am	*am
У	Ж	an	an	an	αν [an]	अन् [an]	an	*an
У	Ж	am	am	om	ομ [om]	अम् [am]	am	*om
У	Ж	an	an	on	ον [on]	अन् [an]	an	*on
Я	А	em	im	em	εμ [em]	अम् [am]	am	*em
Я	А	en	in	en	εν [en]	अन् [an]	an	*en

Давайте рассмотрим сводную таблицу историко-фонетического соответствия русским звукам [у] и [я], которые наследовали носовым монофтонгизированным древним индоевропейским дифтонгам.

Выделив общую корневую морфему: лексическое ядро (v/w)*en*(t/d), – запишем немецкое имя *Wende* кириллицей по-древнерусски: *вадь* или *вадь*, где немецкий корень *en* – это славянский *А*, а *А* – это русское *я* перед согласным звуком на стыке морфем в слове, согласно с законом открытого слога.

При сравнении греч. *ἐνετοί*, лат. *veneti* и нем. *wende* мы выделяем протезу v/w – это, без сомнений, фонетический элемент.

Протеза – это проявление на письме буквы (звука в речи) перед гласным в начале слова. Чтобы впредь не возвращаться к этому вопросу, автор вынужден чуть попридержать ход исследования, переключив внимание читателя на несколько отвлечённых строк.

Праславянский язык выделяется в особую, отдельную речевую ветвь с того самого времени, когда в нём заработал закон открытого слога.

Бернштейн: «В связи с утратой конечных [t], [s], [d], [r], частично [n] в языке возникали многочисленные з и я н и я. Они могли быть известны и прежде, так как и раньше встречались слова на гласные звуки (например, многочисленная группа слов с основой на -а). Однако теперь все имена в им. ед. стали оканчиваться на гласный звук. Это значительно увеличило возможности встречи двух гласных звуков на стыке слов.

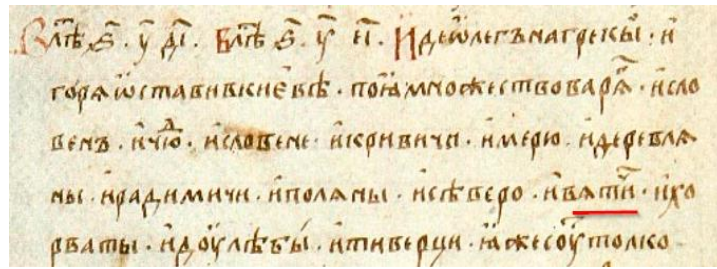
В славянских языках мы встречаем сравнительно много слов, перед *начальными* гласным которых (с этимологической точки зрения) находим [j], реже [v]: ср. русск. *ягода*, *выдра*... Данные этимологии свидетельствуют, что в ряде слов начальных согласных первоначально не было... лит. *úoga*... др.-инд. *údrah*... лит. *údra*).

...Указанные начальные согласные являются протезами, возникшими после утраты конечных согласных в положении зияния... Ясно только одно – в какой-то период истории язык пытался избежать зияния: между двумя гласными появился согласный» [17, с. 185].

Селищев: «...Все слова с давним *φ* – в начале слова представляют v: *vφ* – в старопольском долгом слоге, *vφ* – в старопольском кратком слоге: *vφsy*... *vęda*... и др.» [18, с. 140–141]. Напоминаю читателю: в польском сохранились носовые до сего дня.

Таким образом, по поводу протезы v/w вопросов у читателя возникать впредь не должно. Ну а t/d в слове *Wende* – это суффикс. Ср. *venäjä*, *veneä*, *vene* с *wenden* или *veneti*. Откроем для примера этимологические словари – статью «гость»: «Некоторые ученые считают суф. производным (суф. -t-) от индоевроп. **hos* «поедать» (ср. др.-инд. *ghasati*)» – у Шанского [49, с. 61], или у Фасмера [44, с. 447]: «Дальнейшие связи с греч. *ξένος* "чужой, гость", коринф. *ξένος*, ион. *ξείνος*, алб. *huai*...».

Поскольку в системе доказательств мы используем исключительно живые слова (без лингвистических фантазий), то давайте-ка, мой читатель, в очередной раз обратимся к русскому летописанию, чтобы перепроверить на соответствие. Согласно с Радзивилловским списком, в лето 907 идёт Олег на греков, взяв множество варягов, и словен, и чюдь... и **ВАТИ**.

Радзивилловская летопись, л. 14, об. [7].

Проверим морфологию, добавив суффикс -ич-, а также окончание имени существительного множественного числа, и прочитаем по-русски: вать+ич+и=ватичи, то есть вятичи.

Кроме венетов, византийские писатели VI–VII веков упоминали неких *Antes* – полиэтническое образование, близкородственное венетам. Обретались те анты южнее венетов и были известны примерно в IV–VII веках и даже раньше.

Анты (Antes), сильнейшие из обоих племен, распространяются от Днестра (Danastro) до Днепра (Danaprium), там, где Черное море (Ponticum mare) образует излучину... Венеты... происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: Венетов, Антов, Склавенов (Venethi, Antes, Sclaveni) [39, с. 71].

Древнегреческое имя им – Ἄνται, по-латыни – Antes. Более того, в древнегреческой мифологии есть герой по имени Ἄνταῖος – Антей, великан, сын богов, известный тем, что борол чужестранников и убивал побеждённых, причём имя Ἄνταῖος уходит этимологическими корнями в дремучее доэллиническое прошлое Ἑλλάς (Эллады, то есть совр. Греции).

В русском языке научный термин «анты» известен в виде транслитерации с латинского или греческого (побуквенный перенос). Мы имеем все основания утверждать, что ко времени, когда Venethi и Antes сходят со страниц классической литературы и на их месте появляются Sclaveni (а это произошло задолго до появления кириллической письменности), именем Ἄνται (Antes) ни в греческом, ни в латинском озвучании славяне не могли сами себя называть, ибо это противоречило бы закону открытого слога, определявшего особенности фонетического строя праславянского языка, да и «древнерусский язык не знал в начале слова... гласных [a]...» [15, с. 73, 132–134]. Общеславянская фонетика раннего средневековья требовала в начале слова согласного звука – протезы. Например, у славян поморских «вторичный j (i) появлялся и перед начальным q: ... qtroba, jqtroba и др.» [18, с. 222]. Либо протеза v (w) должна была закрывать зияние.

Таким образом, если имя Ἄνται (Antes) слетало с уст славяноязычных соплеменников, то оно должно было звучать иначе, нежели до нас донесли византийские писатели, а вот как – вряд ли чтоб когда-либо мы узнали наверняка. Должно предположить призывок или протезу перед Аты/Жты, однако реконструкция без живого слова – это как гадание на карточном пасьянсе. Да и зачем гадать, исказили греки слово сами или же заимствовали из уст, например, ираноязычных антов? – зачем додумывать за историю, ежели слово не сохранилось в наречиях нашего языка?

Приведём пару известных примеров. По-гречески Ἐνετοί [энети] – по-латыни Venedi, с протезой [v]; обращаем внимание на знак тонкого придыхания (´) в греческом написании, который не произносится, там нет призвука – чистая гласная ε [э] в начале слова. По-гречески Ὀμηρος – Номег (Гомер); в греческом знак густого придыхания (´), он передаёт средний звук между [г] и [х]. Ἀννίβας [hannibas], ибо перед гласным [a] – греческий знак густого придыхания (´); по-финикийски на письме DNB´L, и поскольку гласные на письме не использовались, то предположительно – [adniba´al]; по-русски Аннибал или Ганнибал.

Таким образом, в соответствии с греческой фонетикой в слове Ἄνται (как и в имени собственном Ἄνταῖος), где мы видим на письме знак тонкого придыхания (´),

придыхательного призвука перед [a] в речи не звучало, здесь [a] – чистый гласный звук, как в *Ἐνετοί* [энетети].

Из летописания мы знаем имена собственные тех юго-восточных славянских племён, которые некогда входили в племенной союз *Ἄνται* (Antes). Так что, в соответствии с фонетическими законами древнерусского языка, запишем кириллическими буквами собирательное имя:

(-)Аты либо (-)Жты.

Благодаря изотопной метке ж/а, мы в имени *Ἄνται*, (Antes) узнаём тот же корень юс, что и в имени Вати (Venethi, Wende, Venäjä). О прямом их родстве сообщает Иордан: *происходят от одного корня*. Но разница в том, что в слове «анты» слог начинается с гласного звука, и это слово так, в греко-латинской огласовке, не звучало из уст славянских, а в слове «вять» – с протезы [v/w], в соответствии с фонетическими закономерностями славянских языков.

Очевидно, что без посредства вспомогательного слова, вернее этимологического сродственника, мы эту задачу решить не в состоянии: необходима система уравнений, где неизвестная величина одного уравнения определяется через известную величину другого. Для этого воспользуемся изотопной меткой ж/а – и, взяв из базового словаря индоевропейской русской лексики исконное слово, помеченное изотопной меткой, введём его в систему уравнений. Таким посредником может быть слово «рань», где [ан] – это распавшийся, в соответствии с законом открытого слога, носовой монофтонг юс перед кратким гласным Ъ.

Итак, открываем русско–литовский словарь (литовский – восточнобалтская ветвь индоевропейской языковой семьи): *рань* – *ankstumas*, *рано* – *anksti*, *раньше* – *anksčiau*, *ранний* – *ankstus*, *ankstesnis*, *ankstyvas* или *ankstybas*.

Отрезаем все формальные языковые элементы – и зрим в корень: *an(k)*. И сравниваем с русским (р)*ан(ь)*. Корень – Ж/А, суффикс – К.

Но вот что такое Р [r]?

В качестве протезы, согласно Бернштейну, могли выступать звуки [v/w] и [j], но никак не [r]. Впрочем, «известны в славянских языках и другие вторичные звуки в начале слова. Чаще встречаются [g], [h] (ср. русск. *гусеница*... в.-луж. *husańca* и др.). В единичных случаях находим [r] (ср. в Синайской псалтыри *отъ ржтробы матері моѧ*...). Все эти звуки не являются протезами» [17, с. 187]. *Ржтроба*, то есть *утроба* или *jotroba*, где [j] – протеза, а [r]...

Прошу читателя обратить внимание: итал. *mane* – *утро*, исп. *mañana* – *утро*, *скоро*, *завтра*, *ближайшее время* (от лат. *mane* из архаичн. *mānī* – *утро*, *рано*). И сравнить: *рано* – *anksti* – *अनपयति* [anapayati] (санскрит: *очень рано*, *рань*, *предрассветное время*, *перед восходом солнца*) – *पुराण* [purāṇa] (санскрит: *старый*, *древний*, *вековой*, *античный*, *мифология*) – *ancient* – (английский: *древний*).

Так что же это за призвуки [g], [h], [r] и даже [m], которые, с одной стороны, регулярно обнаруживаются в современных словах и.-е. происхождения, а с другой – не поддаются чёткой систематизации и не находят внятного толкования со стороны этимологов?! Если речь идёт о ядерной лексике, коренной составляющей словаря, то ответ надо искать в истории развития человеческого языка и изменчивости его закономерностей.

Мы точно знаем, что любой язык с течением времени расслаивается на наречия, а те, в свою очередь, отдаляются настолько, что в конце концов превращаются в отдельные, самостоятельные языки. Этот процесс называется дивергенцией. Известен науке и обратный процесс – конвергенция, когда наречия разных (или достаточно отдалившихся) языков сближаются, сливаясь воедино под давлением исторических обстоятельств. Человеческая речь подвержена двум естественным явлениям – полураспаду речевого потока и синтезу речевого ряда на базе обновлённых закономерностей в новых исторических условиях – иные: место, время, действие (обстоятельства или условия развития). В результате исторического передела многие наши слова на самом деле не являются словами в строгом морфологическом смысле, ибо это отрезки отмершего речевого потока, а то и сжатые устойчивые выражения древности, сложенные единицы, что для современной этимологии, безусловно, представляется

настоящим стихийным бедствием. Предлагаю читателю набраться терпения – и тогда он убедится в правоте выводов автора на примере таких имён, как *Русь*, *Франция*, *Пруссия*, которые развела история во времени, пространстве и условиях развития.

Итак, положим в ряд – все слова живые, никаких искусственных реконструкций, подмены терминов, ничего выходящего за рамки закономерностей развития древнерусского языка, прописанного в учебниках для студентов филологических вузов:

анты	вяти	рань	рука	варяг	русь
(-)Ж/А(ты)	(в)А(ти)	(р)АН(ь)	(р)Ж(ка)	(ва-р)А(кь)	(р)Ж(сь)

Не забываем отметить славянское чередование в корне **л/ж** и соответственно **я/у**:

варяг – современный русский,

варагь – древнерусский,

варжгь – древнеболгарский,

варугь – древнесербский.

Например, «одной из характерных черт среднеболгарских памятников является “смешение” **ж** и **л**... После мягких *н', л', р'*, мягких губных пишут **л** в м. **ж**: *хран'л, твор'л, вол'л, съп'л*, в м. *хран'ж, твор'ж, вол'ж, съп'ж* (ст.-сл. *съпл'ж*) [18, с. 93]. Кроме того, напоминаю читателю сего очерка: в соответствии с законом открытого слова, к X веку юсы **Ж/А** преобразовались в русские буквы **У/А** перед последующим согласным, а перед гласным – разложились на составные: *а/о/е+н*. В результате в современном русском языке мы отмечаем ряд чередований: *звякнуть, звук, звенеть, звонить, позванивать* и т.д.

Итак, изотопная метка **Л/Ж** безошибочно сводит весь приведённый ряд к общему этимологическому ядру. Однако ж, чтобы коренной смысл проявился со всей очевидностью, перед нами стоит задача выснить, что может означать [г] в словах «рань», «рука», «варяг», «русь» и почему в именах *Venäjä (Venethi, Wende, вяти)* и *Анты (Antes, анты)* нет корневого звука [г]. Для анализа мы должны расширить сравнительную базу этимологических сродственников и присмотреться к романским и германским языковым группам – взять в руки этимологический микроскоп и заглянуть в доисторическое прошлое индоевропейской языковой семьи. Чем географически шире фиксируется слово, чем разнообразнее его фонетическая и лексическая вариативность, чем этнически дальше разошлись родственные народы, по отношению к которым или в языках которых замечено словоупотребление, – тем древнее пласты залегания корней этого слова. А стало быть, ответ на главный вопрос: *почему варяги звались Русь?* – требует более широкого освещения и этимологически более глубокого взгляда.

Вопрос, откуда в корне взялся звук [г], безусловно, выходит за рамки настоящей главы. И ответ будет дан в следующих главах.

Подведём итог главе и сформулируем ответ на вопрос: *почему по-фински Ruotsi – это Швеция, а Россия – Venäjä.*

Слово «русь» вошло в прибалтийско-финские языки, сохраняя результаты 2-й палатализации: [k]+[i] > [tsi], в форме *Ruotsi* не ранее конца IX века, точнее – после образования русской буквы **У/А** (утраты носовых гласных юсов **ж/л**), с набором лексических значений: «центр власти», «сила», «закон», «миропорядок» и тому подобное. Вместе с *Ruotsi (Русь)* сумь заимствовала и однокоренное русское слово «рука» – в финском *ruoka* в одном из смежных значений: «кладовая», «еда», «приём пищи». Заимствованное имя *Ruotsi (ruoka)* легло на вошедший в прибалтийско-финские языки пласт русской административно-хозяйственной лексики: *tyrmä (тюрьма), ukaasi (указ), urakka (урок), viesti (весту), koni (конь), rohatta (богатый), tavara (товар)*; в том числе заимствованная лексика содержала носовые гласные **ж/л**: финск. *suntja* – «церковный служащий», эст. *sundima* – «принуждать» (слав. *сждь*), финск. *kuontalo* – «кждель, пакля» и др. Подобные заимствования предполагают

весьма длительный процесс одностороннего политического влияния – на протяжении IX–XI вв. как минимум.

В самом начале XII века, потеснив новгородцев, шведские конунги установили полное господство над сумью и иными прибалтийскими финнами – и для финнов *Ruotsi* как центр власти переместился из Приильменя в Скандинавию. Во всех областях общественной жизни: политика, экономика, право, налоги, религия, культура, язык – власть Швеции над финнами была безоговорочной и осуществлялась на протяжении 7 столетий кряду, что неизбежно вело к переходу социального термина в этническое определение. Точно так же финны называют Балтийское море по-шведски Восточным (*Itämeri*), хотя море от них – к западу.

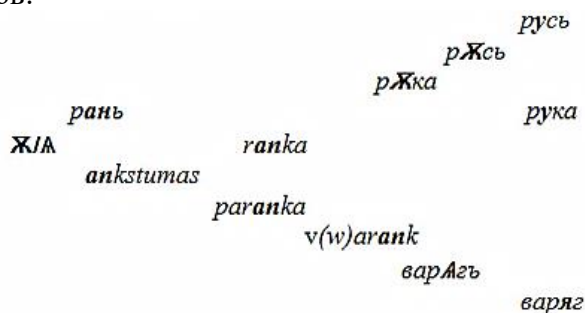
У каждого русского города было имя собственное, и отдельные волости в земле Русской люди русские не называли Русью, ибо Русь не несла в себе ни этнического обозначения, ни территориально разделительного признака внутри земли Русской. Господин Великий Новгород – не Русь, а волость в земле Русской, со своим приглашённым князем, укладом жизни и т.д. и т.п. А вот то понятие, которое мы сегодня определяем как «национальность»: русский, финн, швед, немец, француз, – более позднего образования, из времён развивающегося капитализма и формирования национально-государственных идей.

Более того, финны не могли называть именем *Ruotsi* своих южных соседей, ибо имя тем уже было давным-давно дано – *Venäjä*. Место, как говорится, занято. Имя *Venäjä* (*Vene, Veneä*) вошло в прибалтийско-финские языки много ранее, нежели *Ruotsi*, и своими корнями *Venäjä* уходит в VI век и ранее. Это имя также сохранилось в немецком языке – *Wende*, а в латыни – *Venethi*... В русском языке замечаем послед – имя *вать*, то есть *вятичи*.

Благодаря методу изотопной метки Ж/А, уже не кажется фантастическим предположение, будто финские слова *Venäjä* и *Ruotsi*, в которых в финском языке, казалось бы, нет ни звука общего, ни одна буква на письме не повторяется, – одно и то же слово, но из разных временных пластов. В семье индоевропейских языков оба имени этимологически родственны.

Русь и варяги в семье индоевропейских языков

Уж коль так повелось в научной традиции европейских историков, то и нам не грешно, следуя методу стволовой ветки, выстроить свою русскую ветвь, выделив балтославянскую этимологическую составляющую с древнейших времён по сей день в языковой семье индоевропейских народов:

В соответствии с методами сравнительного языкознания попытаемся высветить параллели с иными стволовыми ветвями: романской и германской. Опустимся тысяч лет этак на 5 – до развилки с индоиранской языковой ветвью и поднимемся вверх по оси времени до уровня разговорного санскрита.

Напомню читателю: санскрит – один из официальных языков Индии, язык элитарный, язык культа и гуманитарных наук. Он вобрал в себя всевозможные достоинства народных языков Индии, и это одна из главных причин, почему он, как в трактате «Индия» замечает аль-Бируни, «богат и общирен... одна и та же вещь имеет в нем несколько названий, как коренных, так и производных... для обозначения разнообразных предметов употребляется одно и то же слово. При определении такие слова требуют добавочных определений, так как иначе лишь тот может различить их значения, кто способен постичь расположение слов и уловить

смысловую связь с предшествующим и последующим... Далее, язык подразделяется на обиходный язык, употребительный только среди простонародья, и на оберегаемый чистый язык [санскрит – А.М.], к которому обращаются только достойные и искусные люди и который подчиняется разнообразным правилам словоизменения и этимологии и всем тонкостям синтаксиса и риторики... Достаточно сказать для пояснения, что мы иногда записывали какое-либо слово непосредственно из уст индийцев, тщательно устанавливая произношение, а потом, когда мы повторяли его им, они почти не узнавали его, разве что с трудом» [41, с. 64–65].

Санскрит – язык синтетический, флективный, с разветвлённой системой словоизменения, с очень сложным афиксальным словообразованием, корнесложением, фонетическими процессами. Однако ж, при всей сложности грамматики, корни слов в санскрите вычлняются и морфологическая структура очевидна. Открывая словарь разговорного санскрита [53], во многом мы вынужены доверяться профессионализму санскритологов, но во избежание погрешностей ссылаться будем не на отдельное слово, а на целый лексический ряд, на который указывает изотопаная метка ж/л, при обязательном наборе лексических значений, связанных по смыслу со значениями слова «рука».

अन्त [anta] – конец, край, внутри, в, окрестности (села), время, состояние, смерть;

अन्तः [antaH] – в, внутри;

अन्तर् [antar] – посреди, между;

अन्तक [antaka] – Бог смерти;

अन्तरा [antarA] – рядом, около, почти;

अन्तरा [antara] – расстояние, дистанция;

अनपयति [anapayati] – рань, предрассветное время, очень рано, перед восходом солнца;

पुराण [purāṇa] – старый, древний, вековой, античный, мифология, завершение;

प्रान्त [prānta] – точка, конец, край, кайма, граница, предел, совет;

पाण [pANa] – рука, торговля, бизнес, найм, цена, договор, ударить по рукам (пари), игра, ставка в игре, вознаграждение, богатство, имущество, жильё, наблюдающий, держащий, хранящий и т.д. и т.п.;

पाणि [paṇi] – рука, торговец, скряга, торговая площадка;

हरण [haraNa] – рука, держать в руках, переносить, схватить, удержание, перевозка, покупатель, кража, разрушение;

पाणितल [pāṇitala] – ладонь;

पाणिघ [pāṇigha] – барабанщик или тот, кто играет на любом ручном инструменте;

पाणीतक [pāṇitaka] – из народа.

1. Рука, hand, mano

В соответствии с законом открытого слога и восходящей звучности, определявших особенности племенных наречий славян раннего средневековья, на месте индоевропейских en/in/on/an//em/im/om/am в качестве слогообразующего гласного звучали носовые гласные звуки: юс большой – Ж [ɔ/oŋ/(aŋ)] или юс малый – Л [ɛ/eŋ/(aŋ)], а на стыке морфем, когда наступающие суффикс или флексия начинались с гласного, юсы распадались на a/o/e+n, где звук [н] зачинал слог следующий. Поэтому **ра-но** [ра-но] (*anksti*). Сравним: **ве-не-ты**, но **ва-ти**, или, например, Сва[sveŋ], но Све-не-ль-дъ, или Све-нь-до-сла-вь, но Сва-то-сла-вь.

Рань: ни ночь, ни день – пограничное состояние, рассвет забрезжил, когда ночь закончилась, а день не наступил, солнце не взошло, но свет его едва рассеял мрак.

Смотрим в системе:

рань – русский;

ankstumas – литовский: *рань*;

mane (архаичн. mānī) – латынь: *утро, рано*;

अनपयति [anapayati] – санскрит: *очень рано, рань, предрассветное время, перед восходом солнца*;

पुराण [purāṇa] – санскрит: *античный, древний, завершённый*;

ancient – английский: *древний*;

anta – испанский: *дольмены, т. е. древние*.

Сравним: санскр. पुराण [purāṇa] (античный, древний, завершённый), अनपयति [anapayati] (рань) – рус. *рань* – лит. *ankstumas* – англ. *ancient*.

Открываем английский этимологический словарь [54], чтобы, заглянув в глубь веков, проследить историю развития слова *ancient*, которое в переводе с языка английского на русский означает «древний», или «ранний»: древняя история (античные времена) – это раньше падения Западной Римской империи, ибо с 476 года наступает эпоха средневековья (разумеется, границы исторических времён – подразделение весьма и весьма условное и даже относительное).

Образование современного английского слова *ancient* принадлежит середине XIV века. До того, в среднеанглийском, была известна форма *auncyeu* или *auncien*, которая заимствована из старофранцузского *ancien* (значения: «старый», «долго стоящий», «древний»). В старофранцузский слово вошло из разговорной латыни, или вульгарной, бытовой: **antiānus*; литературная латынь – *ante(ā)*, с основными значениями «перед», «впереди», «против». Латинский язык наследовал праиндоевропейскому **anti* (значения: «анти», «против») – местный падеж ед.ч. от основы **ant-* (значения: «перед», «лоб»). Вспоминаем, кстати, *антов*.

Ближайшим родственником *ancient* в современном английском языке является слово *antique*, в 30-х годах XVI столетия вошедшее в английский из французского – *antique* («старый»). Французский унаследовал латинское слово *antiquus* («древний», «бывший», «из старых времён», «старинный», «пожилой», «состарившийся», «почтенный», «старомодный»), образованное путём словосложения в праиндоевропейском языке-основе: **anti* («прежде») плюс **okw* («появление», «наружность», «внешний вид»). Заметим к слову: антикварная лавка – это магазин старинных вещей.

Соответственно, общим для обоих слов *ancient* и *antique* выступает в английском языке слово *ante*, восходящее к праиндоевропейскому корню **ant-* («перёд», «лоб») и выраженное в древнем слове **anti* («расположенный напротив», «около/рядом/под рукой», «впереди», «раньше»). Это слово, *ante*, мы находим во всём кусте индоевропейской языковой семьи на протяжении всей известной нам истории развития, и в частности, в немецком *ent-* («вдоль», «против»), у готов *anda* значит «вдоль по», с греческого *anta*, *anten* мы переведём на русский как «напротив», а *anti* – как «против кого-либо или чего-либо», «в крайней оппозиции», «раньше», «до», «прежде чем». И, конечно же, санскрит. Выше было упомянуто: अन्त [anta] – अन्तः [antah] значит: *конец, край, в, внутри...*

Этот древний праиндоевропейский корень мы наверняка узнаём в современных словах: *answer* («отвечать», «соответствовать»), *and* («и»), *anti-* («анти»). В англо-американской речевой практике слово *ante* [ænti] означает «цену или стоимость чего-либо», «долю в складочном капитале», «ставку в карточной игре», «руку в игре».

Такова, в общем и целом, родословная корневого созвучия *an* в соответствии с английской научно-этимологической мыслью.

По-испански *anta* значит «дольмены», то есть «древние». Напоминаю читателю: итал. *mane* – «утро», исп. *mañana* – «утро», (от лат. *mane* из архаичн. *mānī* – «утро», «рано»).

Таким образом, сомнений не вызывает этимологический ряд: *рань* – *ankstus* (*ранний*) – *ancient* (*древний*) – *antique* (*античный*) – *anta* (*дольмены*) – *mane* (*утро, рано*) – *answer* – *and* – *anti...* – к которому этимологически принадлежат и пресловутые *Antes* (*анты*). Санскрит अन्त [anta] – *конец, внутри, в, край, состояние, смерть*, аналогично др.-иранск. *antas* – *конец, край*.

Если мы обратимся к греческим источникам, мы также обнаружим: *Ἄνται* (*анты*), *Ἄνταίος* (*Антея* – мифологический герой), *Ἄνταία* (богиня, которой молятся).

Обратим внимание читателя: легендарный Антей, сын богов, черпал силы от матушки-земли и был непобедим на своей земле, он вызывал чужестранцев на бой, борол их и убивал.

У эллинов – *Ἄνταίος*, а в санскрите – внимание! – Бог смерти अन्तक [antaka].

В сопряжении с अन्त [anta], в хеттском языке *hanti* значит: *противоположный, напротив*. Смотрим в системе:

hanti – хеттский: *противоположный, напротив*;

हण्ण [pANa] – санскрит: *рука, торговля, бизнес, найм, цена, договор, ударить по рукам (пару), игра, ставка в игре, вознаграждение, богатство, имущество, жильё, наблюдающий, держащий, хранящий* и т.д. и т.п.;

हरण्ण [haraNa] – санскрит: *рука, держать в руках, переносить, схватить, удержание, перевозка, покупатель, кража, разрушение*;

ржка – древнерусский: *рука* и т.п.;

rankà – литовский: *рука* и т.п.;

mano – испанский: *рука* и т.п.;

hand – английский: *рука, сила, власть, контроль, защита, помощь, доля, участие*.

В балтославянских языках – начальное [r] (держим в уме *рань* – ankstumas), а в германских языках, как и в хеттском – [h]. Лексические значения *hand*: *рука, сила, власть, контроль, защита, помощь, доля, участие* – всё точно так же в германских языках и диалектах, как и в русском языке и его наречиях. А в романских *mano* – начальное [m].

А что думают европейские лингвисты об этимологии слова *hand*?

От древних времён и по настоящее время *hand* – это общее слово для всех языков германской группы: английский, немецкий, шведский, датский, норвежский, нидерландский и проч., а также заимствование из английского во французский. Слово *hand* не отличается особой вариативностью: *hönd* (исландский) из *hond* (старонорвежский), *hånd* и *hant* (стародатский), *hond* (староанглийский), *handus* (готский). Лингвисты возводят это слово к протогерманскому языку – реконструированная форма **khanduz*. А ежели без реконструкций, то обращаемся, мой читатель, опять-таки к санскриту: खण्ड [khaṇḍa] – часть от целого, отрезок.

Внимание, мой читатель! В языках, где есть грамматический род, слово *hand*, что в случае с «рукой» весьма примечательно, относится в женском роду. Как и «Русь», и «рань».

А вот дальше мнения лингвистов расходятся. Из всего многообразия точек зрения выделим два крайних подхода, они же и преобладающие в научной мысли.

Автором первой точки зрения является профессор Кембриджского университета Джон А. Хокинз [56]. Суть его версии сводится к тому, что слово *hand* было заимствовано носителями прагерманского языка у древних европейцев, которые пришли в Европу едва не четыре десятка тысяч лет тому назад.

Мы не знаем, на каких языках общались туземцы, и, в частности, представители мегалитической культуры, поскольку они не оставили письма на камнях. Испанцы называют свои дольмены – *anta*, то бишь древние, поэтому ни опровергнуть, ни подтвердить выводы Джона Хокинза не представляется возможным: не с чем сравнить слова с затемнённой этимологией. К тому же надо бы учитывать: временной разрыв в 5–10 тысяч лет разводит два некогда родственных языка едва не до полной чужеродности.

Вторая точка зрения выражена в этимологических словарях, которые ищут корни слов в некоем праязыке – теоретической системе, известной нам под терминологическим понятием «праиндоевропейский язык». Праиндоевропейский язык, на котором говорили наши предки примерно 6–9 тысяч лет тому назад (иные исследователи опускают корни много глубже в прошлое), искусственно воссоздаётся современными лингвистами в процессе сравнения родственных языков и из него же, из праиндоевропейского, берут те самые этимологические основы для этимологических словарей. Этакая заикленность – замкнутый круг.

Так, сравнивая общегерманское слово *hand* со старошведским *hinna* (значения: «получать», «добывать», «наступать») и готским *frahinþan* (значения: «захватывать», «овладевать», «добывать»), реконструируется протогерманская форма **hinþanan*. Сопоставление протогерманского **hinþanan* с древнегреческим словом *kentéō* («шип», «укол», «колючка») даёт в итоге праиндоевропейское слово **kent* с лексическими значениями «власть», «контроль», «управление», «хватка», «крепкое сжатие» ...

Романская языковая ветвь: *mano* наследует латинскому *manus*. Ср. англ. *manual*. Что означает термин «мануальная терапия», объяснять, полагаю, не надо. В русском языке – *манить* (рукой), *приманка*, *Манилов*.

h/m/r + an = hand, mano, rankà (ржка, рука).

Принимая во внимание изложенное выше, мы легко можем собрать в тесном семейном кругу самых ближайших родственников нашей *Руси* и её составляющих *варягов*, а именно: *рука*, *ржка*, *rankà*, *parankà*, *varank*, *Вáрyгyа*, *hand*, *mano*, *bimana*, *рань*, *ankstumás*, *ancient*, *antique*, ну а также *антикварный*, *античный* и ещё *ante*, *answer*, *and*, *anti*, *anti*... Ах, ну да – ещё *Antai* (*анты*), *Venethi*, *Wende*, *вятичи*, коротко говоря – *Venäjä*, которые... *Ruotsi*. Все слова – живые свидетели истории, которые мы находим в письменных текстах народов индоевропейской языковой семьи в разное историческое время и в различных уголках Европы, что намекает на древность точки полураспада первослова нашего.

Список неполный, точнее выразимся – краткий. Попытка углубиться в хронологические пласты 5–10-ти тысячелетней давности, докапываясь до корней индоевропейской языковой общности, чтоб затем подниматься вверх по лестнице Хронологии параллельными путями, приводит нас едва ли не к фантастическим выводам, однако ж отнюдь не беспочвенным, ибо корень, состоящий из носового гласного, формально намекает нам на многие слова из прошлого и настоящего. Однако ж, чтобы быть уверенным в правильности методологических выкладок и выводов из них, недостаточно умозрительных предположений проф. Джона А. Хокинза о догерманском субстрате или реконструкций этимологов, основанных на методах сравнительной лингвистики, – необходимо исходное живое слово, зафиксированное на письме, та самая точка начала полураспада, объясняющая начальные [r], [h], [m] в этимологическом кусте, объединённом изотопом носового монофтонга. Живое слово как опыт, как практика, которое послужит критерием истинности теоретического построения. И такую точку мы находим на заре письменности – в тех самых землях, которые мы относим к прародине индоевропейской языковой семьи, в одном из очагов исхода.

2. Об имени «пруссы»

Когда читаешь в научной литературе достоверные рассказы о том, как от одних народов в прошлом произошли другие народы в настоящем, то невольно сочиняется анекдот. В прямом эфире Анського радио раздался звонок: «Нас два брата в семье, мы однойцевые близнецы, – рассказывает позвонивший. – Мой брат умный, образованный, богатый и щедрый человек, но Бог не дал ему детей. А я дурак, скряга и нищелюб, зато детей наплодил за нас двоих. Вопрос: так могут мои дети и внуки род свой вести от брата моего?» – «Да, – отвечает Анское радио, – но только в одном единственном случае: если ваша бабушка согрешила с вашим братом, и от той греховной связи родился отец ваш...». Все народы равно древние, и история любого народа не плохая и не хорошая, а такая, какая есть история самого рода человеческого: в противном случае, всякое «я» было бы не «я» – не здесь и не сейчас.

Поскольку в очерке была помянута норманнская версия происхождения Руси от шведских прибрежных моряков (др.-исл. *robs*, рун. *rub*, норв. *Rossfalk*, *Rors* или *Rods-falk*, *Rosskar* или *Ross-man*), то было бы несправедливо не оттолкнуться от противоположного суждения и обойти вниманием в очерке имя «пруссы». Русские люди ещё во времена Ивана Грозного связывали с пруссами происхождение Руси. Ну а первый русский академик Михайло Ломоносов мыслил так: «Пруссы были с варягами-россами одноплеменны... варяги-россы был главный народ и знатнее, нежели пруссы, которые от них имя себе получили» [19, с. 206–207]. Надо сказать, что Михайло Ломоносов, несмотря на всю критику, которой был подвергнут его труд корифеями от исторической науки позднейших времён, тем не менее, оказался много ближе к истине, нежели все его критики вместе взятые. Быть более точным в своём прозрении Ломоносову помешали две главные причины: во-первых, отсутствие научного инструментария, которым владеют современные этимологи, и во-вторых – великорусская гордыня российского академика в окружении немецкой профессуры, что невольно ограничивало кругозор великого учёного.

Прусы – экзоним, ибо ни одно из известных нам племён не называло себя именем «прусы». Но что значит имя сие? откуда пришло? почему привязалось к группе балтских племён? Ответ на этот вопрос мы находим в статье академика Иванова, Вячеслава Всеволодовича, «К происхождению этнонима пруссов. Название *Purušhanda* (княжество и город III–II тыс. до н.э.)». Статья увлекает нас ко временам хеттов.

Выдержки:

«Название племени, языка и страны пруссов... не получило пока достаточно широко принятого исторического объяснения. Многие исследователи... склонны были считать этот этноним относительно поздним... В последнее время была указана возможность соотнесения древних форм, связываемых с именем пруссов, и названия древнеанатолийского города Пурусханда...

Слово принадлежит к тем раннеанатолийским топонимам, которые известны ... в староассирийской передаче в текстах торговцев из Каниша и других торговых колоний (к числу которых, по-видимому, относилась и Пурусханда) начиная с первых десятилетий II тыс. ... до н.э. Открытие этих слов можно считать наиболее значительным новым достижением в изучении самых ранних письменных свидетельств о древних индоевропейских языках... В староассирийских текстах... отражены имена богов, личные собственные имена и некоторые термины, заимствованные из языков местных жителей, которые относились к двум разным индоевропейским группам — северноанатолийской (...официальный язык Хеттской империи — хеттский, или «несийский», как его называли сами хетты по имени города Несы, ассирийского Каниша) и южноанатолийской (...лувийский язык...)...

В собственных личных именах и названиях городов туземного древнеанатолийского населения староассирийских колоний сохраняется архаический общеиндоевропейский тип образования собственных имен посредством словосложения. Последним элементом в рассматриваемом словосложении могло быть слово **hant/d-a**, которое в этой форме в древнехеттском получило функцию направительного падежа... «к, по направлению к» ... Первой частью словосложения в таком случае является основа **Puruš-**, которую и кажется возможным сравнить с этнонимом пруссов. Согласно такому толкованию слово аналогично тому... типу, который представлен также как архаизм в древнехеттском неразложимом сложном слове **men-a-hhanda** '(на)против, перед, по направлению к' < men-(i/a) 'лицо, щека' + -a<*-o- + hand-a 'в сторону' (древняя форма направительного падежа-директива от hant- 'передняя сторона, лоб'; ср. возможное лув. клиноп. *hanza* 'лоб, forehead'...). В качестве первой части выступает др.-хеттск. men-(i/a) 'лицо, щека'... Сложное слово образуется... посредством сложения двух именных основ, связываемых соединительным тематическим гласным *-o- > анатолийск. -a- (ср. родственное *-o- в сложных именах типа др.-русск. Свят-о-славь, др.-греч. Κλέ-ο-πάτρα, др.-герм. ст.-рунич. *hlew-ā-gāstiR*). Этот тип словосложений принадлежит особому древнему анатолийскому диалекту (условно... «диалект *-o-»): он отличается от позднейшего состояния древнехеттского, лувийского и других северных и южных анатолийских индоевропейских языков... В них словосложение теряло свою древнюю роль... и при этом полностью исчез тип сложения с соединительной гласной. Его след можно видеть только в уже неразложимых древнехеттских сложных словах, как **men-a-hhanda**. В топониме **Puruš-handa** соединительный гласный отсутствует, что определялось, видимо, атематическим типом основы первого существительного в сложении. О значительной древности слова свидетельствует этимология последнего его элемента, восходящего к основе, общей у индоевропейского с афразиатским (древнеегипетским, как установил Форрер, и чадским) ...

Фонетический облик древнеанатолийского названия Пурусханды отражен в вариантах его клинописной передачи как *Purušhanda* / *Purušhaddum* / *Paršuhunta* / *Paršuhanda*... и в вероятной позднейшей форме (раннего железного века) *Parzuta* ... Остается в силе ... сближение с древнеиндийским **puruṣa-** 'человек', как и этимологии, связывающие с основой *p(e)u-r-(eu)s-...».

Прервём на этом месте исследование Вяч. Вс. Иванова с тем, чтобы привести в качестве комментария свидетельство аль-Бируни: «Что касается тех индийцев, которые отклоняются от аллегорий и предпочитают точное определение, они называют душу *пуруша*, что означает “человек”, так как она есть истинно живое в существующем мире... Незнание *пуруши* – это причина аозникновения действия, а ее знание – прекращение действия» [41, с. 80]. Словарь санскрита: पुरुष [puruṣa] – человек, душа, дух [53].

Вяч. Вс. Иванов – продолжение статьи:

«Наиболее ранние письменные свидетельства о Пурусханде относятся к эпохе староассирийских торговых колоний. В староассирийских текстах она носит переименованное в конце на аккадский лад название В/Purušhattum. **Отсутствие отражения носового в предпоследнем слоге можно истолковать как след лувийского произношения, заменявшего сочетание с носовой согласной фонемой назализованным гласным, для которого в клинописи не находилось соответствующего знака...**

Ассирийским купцам не положено было совершать поездки «дальше Пурусханды», которая, следовательно, оставалась в пределах тех земель, которые в Древней Империи входили в Хеттское царство... Пурусханда не только называется неоднократно в староассирийских и древнехеттских текстах в плане настоящего времени. Она фигурирует и по отношению к далекому прошлому, главным образом в связи с аккадским легендарным завоевателем Саргоном 1-ым...

Предположенная нами интерпретация имени Пурусханды допускает два толкования в зависимости от принимаемой хронологии текстов и культур. **Применительно к эпохе староассирийских колоний можно думать об одном из тех совпадений балтийских и анатолийских (в том числе и географических) имен, которые выявляются в достаточно внушительном числе случаев... ср. анатолийские топонимы типа карийского Καυρος и многие гидронимы, совпадающие с балтийскими** [Выделено в тексте здесь и выше – А.М.]. По отношению же к более древней эпохе может идти речь о таких ранних наименованиях племен, говоривших на индоевропейских диалектах, которые еще не получили своего позднейшего исторического приурочения» [36, с. 5–20].

В дополнение к исследованию Вяч. Всев. Иванова об этимологической связи имени *прусов* с названием хеттского княжества и города III–II тыс. до н.э. *Purušhanda* следует обратить внимание читателя на имена хеттских царей: Анитта (хетт. mA-ni-it-ta[š] или mA-ni-ta), его отец Питхана (хетт. mPí-it-ḥa-a-na-aš), хеттские цари Хантили, Циданта и др. имена, – а также названия городов: Пуранда, Хурсанасана, Туванува, Ландада, Милаванда (хеттских сложных названий, с составной *-ванда*, насчитывается десятки), да и сам Каниш, один из древнейших городов, требует к себе пристального внимания этимологов.

Не всякое *-ан-* в середине слова, разумеется, указывает на древний корень – изотоп носового монофтонга, ибо не исключено случайное сочетание на стыке морфем; наличие *-ан-* всего лишь намекает – вызывает подозрение, требующее этимологического расследования.

В самом деле, многие дожившие до сего дня этнонимы и экзонимы, которые рассыпаны по страницам классической исторической литературы (речь не идёт об искусственных терминах типа «балты»), корнями уходят в древнейшие времена. Оказавшись волею случая в фокусе внимания античных авторов, некоторые из этих исторических имён вошли в письменные тексты и там, пройдя сквозь литературное сито, заморозились, при этом утратив первоначальный смысл, врождённые фонетические и морфологические свойства и непосредственную связь с их носителями – временем, местом, обстоятельствами словоупотребления.

Так, хеттские сложные слова *Purušhanda* и *menahhanda* сохранили изотопную метку [an] во всех индоевропейских языковых ветвях народов Европы: *рука*, *hand*, *mano* и др. Этимологически сродственны со второй частью *-handa* в сложном имени *Purušhanda*.

Однако в имени *прусы* (*Пруссия*) изотопная метка не обнаруживает себя ни в одном из хронологических пластов, где это слово замечено. В греческой литературной традиции

находим *Vorovskoí*, в латинских текстах – *Borusci*. А это значит, что в слове «прусссы» мы имеем дело с и.-е. [u], но никак не [an], и принадлежит оно слогу *ru* первой части *Puruš-* сложенного имени, в отличие от и.-е. [an] второй части *ḥanda* сложенного имени *Purušḥanda*. Иными словами, прусское У (< и.-е. *u*) этимологически не сродственно русскому У из Ж (< слав. *o < и.-е. on/en/an/in*).

Обратимся к учебнику по истории русского языка за подтверждением:

«Ср. о.-слав. **byti*, ст.-слав. **быти**, др.-русск. *быти* – лит. *būti*;
о.-слав. **dŭmь*, ст.-слав. **дымь**, др.-русск. *дымь* – лат. *fūmus*»

Как видим из приведённого примера, индоевропейский звук [ū] преобруется в гласный [ы] в соответствии с общеславянскими фонетическими закономерностями [15, с. 104]. (Кстати о символах: латинское [y] – традиционное обозначение звука [ы] в системе звукозаписи латинскими символами при транскрибировании: *mana mile myla ruki mylom*).

Понятно, что ежели б исторически был реализован в русском языке и в русской истории вариант с индоевропейским звуком [ū] в имени «Русь», то были бы мы *рысичами*, *рысицами* или *рысинами* на *Рыси* (в *Рыстии*), говоря при этом на *рыском* языке.

Заметим здесь же: буква С (звук [s]) в имени *прусссы* (*Пруссия*) также этимологически не родственна второму слогу *-сь* имени *Русь*, ибо не является результатом 2-й палатализации. Природа происхождения разная: *Пруссия* (сс < *šh*), *Русия* (сь < *ki*).

«Что касается звука [ch]... он развился в праславянском языке из и.-е. звука [s] в том случае, когда [s] находился после... [u] или после тех звуков, которые развились из и.-е. ...[u]» [15, с. 112].

Мы знаем экзоним *прусссы* как результат транслитерации с латинского алфавита в кириллическую азбуку. Но как звучали бы пруссы по-русски, ежели б слово развивалось на славянской языковой почве? Ответ очевиден: «пърыхы», или «порыхы», или «пърысы», то есть в современном русском написании – «прысы» и «Прысия/Порысия». Лингвистическая реконструкция отнюдь не выдумка автора сего очерка, и на страницах Википедии (см. ст. «Пруссы») читатель может найти подтверждение в виде живого слова: «Пруссами (*prysy* — прысы) их называли поляки, подобным словом они называли и пыжичан». Пыжичане – польск. *Purzyczenie*.

Таким образом, на основании названия княжества и города, которые в III–II тыс. до н.э. носили имя *Purušḥanda*, мы с высокой степенью достоверности устанавливаем этимологическое родство слов «прусссы/Пруссия» и «Русь» – и это, во-первых, общее, соединительное [r] из первой части *Puruš-* сложенного имени *Purušḥanda*, а во-вторых – собственно семантическая взаимосвязь в пределах сложенного имени *Purušḥanda*, то есть принадлежность обоих имён к одному сложенному имени. А вот близкая кириллическая графика слов «Пруссия» и «Русия» (за исключением связующего оба имени [r]) и, соответственно, их созвучие – это, безусловно, совпадение, случившееся в современном русском языке. Совпадение звуков от конца X века, не ранее времени образования русской буквы У.

Этимологически соединительный звук [r] означает, что примерно с 5 тысяч лет тому назад наше первослово уже приросло значением одушевлённости (санскр. पुरुष [puruṣa] – человек, представитель расы или поколения, душа, высшее существо во вселенной и т.д., पुरुषाः [puruṣāḥ] – люди) к тому общему смыслу, которым было наделено исторически простое слово с изотопом [an], – приращён одушевлённостью тот самый смысл, который рассеян по всем индоевропейским языкам и просматривается весьма и весьма смутно сквозь глубины истории развития народов индоевропейской языковой семьи. В результате фонетической мутации, имевшей место не позднее 4–5 тысяч лет тому назад, уже сложное слово «Русь» в исторические времена стало означать: «власть», «сила» и т.д., в том числе и носителей этой власти. Когда и где проявилось значение в полной мере? Верхний временной предел, согласно летописанию, – середина IX в., Приильмень.

Повторим прежде сказанное: в одном народе, как и в его языке, в отдельных словах и в культуре в целом, мы непременно находим разнородные корни, а разные народы могут иметь

общий корень, и это есть та самая особенность этногенеза, игнорируя которую, невозможно познание истории как уходящей в прошлое реальной действительности.

Оговоримся к месту: слово «русы», которое в этническом смысле часто встречается в художественной и околонучной литературе, суть выдумка писателей – навеянная формами греческого или арабского языка. Суть сей творческой фантазии не столько в том, что русская история не знает имени «русы», но собственно антинаучная составляющая искусственного словообразования «русы» заключается в том, что оно противоречит закономерностям 2-й палатализации $k > c' > c'$: «[k], [g], [ch] изменялись в *мягкие свистящие*..., когда они попадали в положение *перед гласными* [i] и [ě], *возникшими из дифтонгов* [oĭ], [aĭ]» [15, с. 113–114]. Случись подобное словообразование до IX века, то были бы мы *рыхами* и земле *рыхлой* или, как по-научному выражается Вильгельм Томсен: «... что-то в этом роде, то есть в соответствии с первоначальным значением слова...».

Исторические имена от *Руси* – *русские, русичи, русици, русины, Русия, Рус(ь)тия, Рутения*, и, в соответствии со 2-й палатализацией, везде – мягкое [c'] или иные производные от Ц [т'с'].

Такие имена, как *Руса* или *Русыня* и т.д. и т.п., к имени *Русь* также не имеют этимологического отношения; связаны они с – *рух (rouch), рушение* и проч.

А вот слово «прусы», с твёрдым [с], лингвистически обосновано. Форма исторически зафиксирована: греч. *Вороускоі* и лат. *Borusci*. Чередование В/Р – зафиксировано: «на аккадский лад название В/Purušhattum».

Отвлеку внимание читателя от главной линии исследования на чуть с тем, чтобы мимоходом совершить побочное этимологическое открытие – курьёзный случай, мимо которого не прийти без усмешки.

Развивайся имя «Русь» на почве французского языка, то оно сегодня полностью совпадало бы с названием реки в северо-западной Франции – *Le Rance* (брет. *Renk*), то есть речушка Ранс, впадающая в Ла-Манш.

И тут же озадачимся непраздным вопросом: а как бы звучало слово *France* (Франция), в котором обнаруживает себя и.-е. изотоп [an] и в котором (*France < Frank*) второй слог *-ce* является результатом 2-й палатализации (всё так же, как и в словообразовании *Русь < Русія < рука < гапка*), ежели б имя *France* развивалось на славянской, а затем русской языковой почве и было всецело подвержено историческим закономерностям русского словообразования?

Для ответа пускай на гипотетический, но отнюдь не праздный вопрос нам потребуется обратиться к закономерностям фонетического преобразования индоевропейских смычных согласных звуков в языках германских с тем, чтобы восстановить первоначальный звук, догерманский. Читатель очерка с детства, верно, помнит сказки братьев Гримм (Вильгельма и Якоба), а со студенческой скамьи – закон Якоба Гримма (или Раска–Гримма) о передвижении индоевропейских смычных согласных в прагерманском языке $p > f$ (ну а также: $k > h$, $t > þ$, $b > p$, $d > t$, $g > k$ и так далее).

Например, пра-и.е. *pisk- > лат. *piscis* «рыба», ср.: прагерм. *fiskaz > готск. *fisks*, др.-англ. *fisc*, др.-в.-нем. *fisc*, др.-сканд. *fiskr*. Значение «рыба». Современные языки: англ. *fish*, нем. *fisch*, но русский «пескарь» (или «пискарь»), итал. *pesce*.

Другой пример: прагерм. *fehu > готск. *faíhu*, др.-в.-нем. *fihu*, др.-сканд. *fé* со значением «скот», см. пра-и.е. *réku > др.-инд. पशु: [páśu]. Латиница P > F (рус. П > Ф).

Обратимся к санскриту:

पशु [pazu] – скот, стадо, животное и т.д.;

पशु [pazu] – плоть;

पशुपालक [pazupAlaka] – пастух.

Faíhu, fehu, fihu... – *пасу (скот)*. В русском мы находим слова «паства», «пасти», «пастух», которые, очевидно, этимологически восходят к праиндоевропейской основе.

Таким образом (ежели представить, как звучало бы по-русски имя *France* – нет-нет, не транслитерация, а будь имя славянского развития), мы должны были бы записать в кириллической традиции вот так вот:

***Пруссия**

из **пържка**, где **п < f**, **ру < рж = ran**, **сия = се**.

Исторический казус, приключившийся в свете этимологии, заслуживает усмешки. Имена *France* и *Русь* (морфологически сложные, двукорневые) обнаруживают родственные узы с односложными *пруссами* и *Пруссией* в связи с первой частью *Puruš-* сложного имени княжества и города III–II тыс. до н.э. *Purušhanda* – и это [Fr] и [R] соответственно. А между собой *France* и *Русь* – сёстры-близнецы, волею исторических судеб разнесённые в пространстве и возвращённые в раличных условиях, причём рождены к жизни в те древнейшие времена, когда ещё не было ни французов, ни русских – и ни германских племён, ни славянских.

Русский – *варягъ* (*βάραγγα < Varank*), французский – *фрягъ* или *фруг* (*Φράγκος < Francus*); у нас – *рука* (ржка/ганка), у них – *hand*; здесь *ранний* – там *ancien*; в Новгороде князь *Рюрик* – у галлов *Rurice de LIMOGES saint ruricius*; в конце-концов мы *Venäjä/Venden/Вяту* – они *Veneti* на полуострове Бретань.

Вот такой вот этимологический кроссворд приключился в истории имён:

санскр.	р	у	г	и	S	а		>	पुरुष - человек					
санскр.					р	A	N		>	पण - рука				
хет.	Р	у	г	и	š	-	h	a	n	d	a	>	Purušhanda	
фр.	F		г			-		а	n			се	>	France
рус.			Р			-		у				сь	>	Русь
рус.	П			р	у	сс	-					ня	>	Пруссия
нем.	P			г	eu	ß	-					en	>	Preußen
лат.	B	o	г	u	ss	-						ia	>	Borussia

Подчеркнём вывод Вячеслава Всеволодовича Иванова: «По отношению же к более древней эпохе может идти речь о таких ранних наименованиях племен, говоривших на индоевропейских диалектах, которые еще не получили своего позднейшего исторического приурочения». Ещё раз повторим сказанное много выше: чем больше разнообразие и шире его география, тем старше самоё явление, и это характерно как для генетики, так и для языка – культуры в целом. Как верно подметил Даль в очерке «О наречиях русского языка», решая проблему живого русского слова в целом: «Землеведение и языкознание, по-видимому, две науки почти несродственные; но если изучать землю вместе с обитателями её, то вопрос этот принимает иной вид...» [42, с. XLIX]. Вероятно, многим европейским народам стоило бы призадуматься об этимологии своих имён, раскрыть древние корни: и франкам, и англам, и данам, ютам... впрочем, каждый народ имеет право, зажмурившись, отдаться во власть мифов и легенд, которые творят великие художники современности.

Первослово

1. Глагол *-ять* и имя *рука* как этимологическая пара ядра *Руси* и её составляющих *варягов*

Не каждому имени присущ исконный глагол, и не каждому глаголу соответствует имя первородное, ибо разной природы бывают слова. Имеются в виду оригинальные имя и глагол, в смысловом единстве и противоположности грамматических форм составляющие этимологическое ядро. Ядерная лексика любого современного языка, прошедшего сквозь горнило литературного переформатирования, составляет всего лишь десятки словарно-гнездовых единиц. Корни ограничены условиями зарождения членораздельной функции человеческого языка, а тезаурусы всех образованных языков состоят из исторически

производных форм и заимствований, ибо человек – явление социальное, общительное. Сущность языка составляют не корни, а законы и закономерности, по которым слова живут в языке.

После того, как удалось нам очистить слово «Русь» от морфологических элементов, приобретённых в процессе исторического развития, и выделить первородный корень, мы имеем возможность, опять-таки используя изотопную метку, определить простой глагол, этимологически соответствующий первослову нашему. На искомый глагол может указывать носовой монофтонг Ж/А как наследник индоевропейского корня при условии смыслового соответствия и подходящей родословной. Такой простейший глагол, с индоевропейским корневым чередованием, русский человек без труда находит на оси кратности глаголов – на ступени бессуффиксальной основы [65, с. 361].

Неопределённую форму глагола -ять (*jęti) читатель очерка интуитивно распознает в приставочных глаголах *взять, отнять, изъять, понять, воспринять* и др., а также в бесприставочных и приставочных глаголах с суффиксальной основой кратности *иметь, возыметь, взимать, принимать, внимать* и т.д.

Этимологический словарь Фасмера: **Взять**... др.-русс., ст.-слав. възъати... Из приставки въз- и jęti; ср. лит. imù, iñti «брать», лат. emo, -ere. Ср. ёмлю [44, с. 311]. **Има́ть**, имѣть, цслав., ст.-слав. имамъ, имѣти... Связано с праслав. *jъmъ: *jęti... Во всяком случае, отношение а:ё является древним. Имѣю — новообразование от имѣть... См. имѣю, ёмлю. **Емлю́** имать «брать», несврш. из. *jъmъ, *jęti (см. возъмю́, взять), ст.-слав. ѣмльжъ, имати... чеш. jímati «хватать», словц. jímati', полаб. jěte «берет, хватает, ловит» ... ср. возъмю́, взять и -ём... лит. imù, ėmiai... [45, с. 128–129].

Простой глагол -ять (*jęti) образует видовые цепочки кратности предложных глаголов [65, с. 429–459]. Приведём одну из таких цепочек кратности, используя словоформы, зафиксированные в словаре Даля: *взять (взнять) – взъёмлѣть – взимать – взымывать* [42 с. 196].

Простой глагол -ять (*jęti) во всех без исключения предложных и беспредложных формах и основах кратности не просто сочетается со своим именным двойником *рука*, образуя этимологическую пару, но и выражает глагольную сущность имени, и наоборот, *рука* – именная суть действия или состояния, выраженного глаголом -ять (*jęti) – *иметь, взять, принимать*...

2. Тридцать тысяч лет тому назад

В стремлении избежать весьма распространённой в научной литературе погрешности: полагаться не на живые слова, а на искусственные реконструкции в русском вопросе – автор сего очерка, отвечая на вопрос, *почему варяги звались Русь*, придерживался индоевропейской языковой семьи, причём оставался строго в пределах периода письменности. Безусловно, любое произведение содержит авторские отступления, но речь ведь не о субъективных взглядах автора, на которые он имеет право по законам жанра, а о стержне очерка – об этимологическом исследовании. Само исследование проводилось по живому телу языка, то есть все использованные слова взяты из письменных текстов или зафиксированы в словарях. В качестве источника знаний использована учебная литература для студентов филологических вузов, ибо учебники, в отличие от монографий, отражают многократно перепроверенное знание о законах развития русского языка, консервативны, причём материал изложен там доступно, так что возможность полемики сводится до минимума. Это выверенные знания: либо применяешь на практике – либо выбрасываешь учебники в помойку, вместе с дипломом... ну, либо составляешь новый учебник и доказываешь всему научному сообществу свою правоту и преимущества своего труда.

Впрочем, когда выверенных и апробированных знаний, заложенных в учебную литературу, недостаёт, тогда автор вынужден обращаться к научной литературе, да и то не в связи с главным вопросом поставленной задачи, а преимущественно, для обоснования авторских отступлений от исследовательского стержня очерка.

Задача решена: *варяги звались Русь*, потому что слово «варяг» (из варанк = обоерукий/двурукий) – производное от имени «Русь» (рука, ржка, rankà), этимологическую

пару которому составляет древний глагол *-ять* (взять, иметь, внимать). Имена, положенные летописцами в основание земли Русской, связаны нерасторжимой этимологической связью.

На этом можно было бы закончить исследование, подвести итоги и постаить точку, ибо ответ на вопрос, выведенный в заглавии, получен. Однако ж искус докопаться до самых истоков первослова нашего настолько велик, что позволяет автору отойти от выбранной стратегии и тактики исследования, чтобы заглянуть за черту, за которой живых слов, увы, никак не сыскать. Нет-нет, слова есть и были, как и членораздельной речью люди тех древнейших времён владели не хуже нас с вами, но нет письменных текстов, памятников, которые запечатлели бы слова на веки вечные; неоткуда взять живые слова, потому что в те доисторические времена, куда автор очерка приглашает своего читателя заглянуть хоть краем глаза, не было ещё письменности. «Письменное сообщение, – как подчёркивает аль-Бируни, – есть один из видов сообщения и, пожалуй, более предпочтительный, чем какой-либо другой, ибо откуда мы знали бы предания народов, если бы не вечные памятники пера?» [41, с. 57].

Временную границу, когда в культуре человечества были обнаружены первые письменные знаки, посредством которых стало возможным передавать языковую информацию от человека к человеку не из уст в уста, а обиняком, пусть даже через время и поколения, учёное сообщество традиционно отсчитывает с конца V – начала IV тысячелетия до нашей эры, то есть примерно 6–7 тысяч лет тому назад люди уже умели передавать сведения посредством абстрактных знаков – пиктограмм. А что было до того, как абстрактный символ воплотил в себе художественный образ окружающей древнего человека действительности? Наскальный рисунок и обряд: костёр, танец, песнопение, сказание...

Исследовательский искус бесконечного познания состоит как раз в том, чтобы в поисках нашего первослова, которое, как следует из очерка, относится к «ядерной лексике» индоевропейских языков, опуститься до глубин так называемой ностратической и даже гипотетически борейской языковой макросемьи, и там, за пределами индоевропейской языковой общности, искать триединство: изображение, звуковая оболочка и значение... А затем автор дерзнёт провести своего читателя за цивилизационную черту человеческой истории – ко временам пещерным, в прошлое глубину в 20–30 тысяч лет.

База данных проекта «Глобальная этимология» [58] основана на глоттохронологическом методе полураспада ядерной лексики. По замыслу Сергея Старостина (академик РАН, один из ведущих специалистов в области сравнительно-исторического языкознания) база данных должна включать в себя всю так называемую ядерную лексику языкового древа человечества.

Делаем выборку по двум основаниям. Во-первых, формальный признак: используем изотопный маркер *-an*, с тем чтобы выделить корневой слог в евразийских языках. Во-вторых, смысловой признак: глагол *-ять* (*jēti) – *иметь, взять, принимать* и так далее; по-английски (рабочий язык базы данных) это глаголы: *take* и *grasp* – оба с набором конкретных глагольных значений.

При совпадении обоих параметров: *-an* и *-ять* (*jēti) – случайные созвучия сводятся к минимуму.

Значение: "take" | Метод запроса: Подстрока
 Евразийский: "an" | Метод запроса: Подстрока
 Всего 2 записи

"Борейский" (гипот.): KVNTV
 Значение: take, grasp
 Евразийский: *kantV

Евразийский: *kantV
 Значение: to take
 Борейский: Борейский
 Индоевропейский: *ghe(n)d- 'take, hold'
 Алтайский: *kântV
 Уральский: *kanta
 Дравидийский: *kēnd- (?)
 Комментарий: [IE perhaps to PU *kâte 'hand']
 Ссылки: МССНЯ 332; ND 645 *gaNtV 'hold, carry' (Ur.-IE-Drav.).

Ссылки: Peiros 1989, 128.

"Борейский" (гипот.): HVNV
 Значение: take
 Евразийский: *ʔanV

Евразийский: *ʔanV
 Значение: to hold, seize
 Борейский: Борейский
 Алтайский: *ʔani
 Дравидийский: *ʔan-

Ссылки: ? GE 101 *oni 'hand' changes PAmern. to *ʔoni and compares to quite strange Nostratic
 Всего 2 записи

База данных «Глобальной этимологии» предлагает две записи, принадлежащие Евразийской языковой семье и однозначно удовлетворяющие выдвинутым условиям.

Начало полураспада Евразийской языковой семьи по Старостину – не позднее 12 тыс. лет тому назад. Предварительно реконструированная Евразийская основа: *kantV [59] и *anV [60], причём записи в базе данных – из независимых друг от друга источников.

1. Основа *kantV.

Алтайский ветвь: *kântV (достигать, доставать рукой). Протомонгольский *kan[t]u- (направляться к, обращаться к). Прото-Тунгус-Манчу *kānta- (доставать, дотягиваться рукой).

Уральская ветвь: *kanta (бремя, нести).

2. Основа *anV.

Алтайский ветвь: *ʔani (держат, преподносить). Протомонгольский *anʒu (штраф). У эвенков anī- – вручать подарок, дарить. Письменный монгольский: anʒu – штраф, у эвенков корневой anī – подарок, дарить, современный корейский ān – держать в руках.

Дравидийская языковая ветвь (юг Индии): *ān- (хватать, вцепиться, поймать). Каннада совр.: ānika, ājke – брать за что-либо (за руку, ухватиться за верёвку).

Читатель очерка имеет все основания озадачиться: а насколько верны теоретические выкладки в приведённых выше статьях базы данных «Глобальная этимология»? – и выразить сомнения: а насколько можно доверять методам сравнительного языкознания при погружении в историческое прошлое языка до глубин в 10–20–25 тысяч лет – аж до гипотетической борейской макросемьи? Зачем?! Ведь на протяжении всего этимологического исследования мы оперировали исключительно живыми словами, зафиксированными в текстах и словарях, применяли к формам слов законы развития языка, прописанные во всех учебниках, избегали реконструкций и методов народной этимологии, основанной на созвучиях и совпадениях.

Обратимся к живым языкам неиндоевропейской семьи с тем, чтобы подкрепить статьи б/д «Глобальной этимологии» живыми словами. Например, современный монгольский: *хангалтмай* – хватать. Финская языковая группа: по-эстонски *kanda* – передавать, по-фински *kantaa* – нести. Угорская языковая группа: *ханти* – ханты (человек, люди, местное населения), *маньси* (mańśi, māńś, māńśi и др.) – маньси (мужчина, человек). Земля Югорская была заселена 10–15 тыс. лет назад. Фасмер, ст. «мадьяр»: из венг. *magyar* "венгр, венгерский", родственного самоназванию манси и ханты mańśi, др.-венг. *Mogor*, ср.-греч. *Μεγέρη* [45, с. 557].

Ну и наведём мостик к индоевропейским языкам. Для этого обратимся к скандинавским рунам: 20-я руна, звук [m] – MANNAZ.

М

Означает «рука», «мужчина, человек». Готский язык *mannas* – человек. Шведск. *mannen* – мужчина, норв. *mann* – мужчина, человек, исл. *mann* – мужчина. Санскрит *मनस्* [manas] – воображение, духовный центр, *मन* [mana] – вера, мысль, идея, самоуважение, *मानविकीय* [mAnavikīya] – антропологический, *मानव* [manava] – человек.

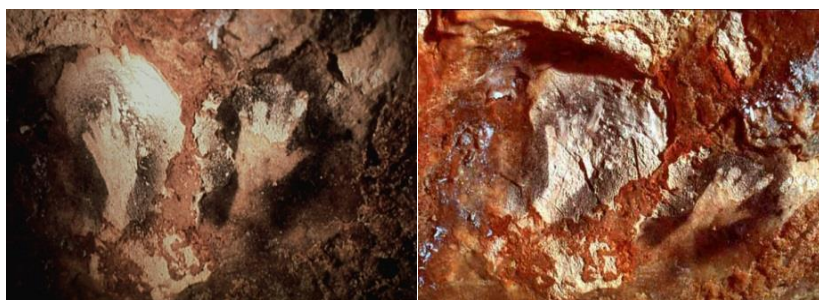
Кстати, английский, как и латынь: *man* – человек. *Manual* – руководство. *Manual therapy* – мануальная терапия (букв. руками терапевта).

В главе о четырёх манах (мерах) книги «Индия» аль-Бируни пишет: «Мана и примана значит мера. Эти самые четыре меры времени упомянул Йа'куб ибн Тарик в “Строении небес” ... исказив их названия...» [41, с. 312]. Комментарий переводчика: «Māna и ṛgatāna (prṁān) – “измерение, мера”» [41, с. 636]. Далее в главе о манвантарах аль-Бируни пишет: «Манвантара, которая значит “период Ману”, приравнивается жизни Индры, чьё владычество прекращается вместе с окончанием *манвантары*. Его место занимает другой Индра, который затем владычествует над миром в течение новой *манвантары*» [41, с. 337]. И ещё замечание аль-Бируни: «У каждой *манвантары* есть хозяин, именуемый Ману, известный особыми качествами» [41, с. 443]. В предисловии к книге переводчики поясняют: «*Аханкара*, по определению ал-Бируни, это тот этап космической эволюции, когда “материя... заставляет вещи вырастать из прежних оболочек... И в этом процессе превращения природа словно преодолевает и превозносится над превращёнными”. Этимологию слова *аханкара* ал-Бируни толкует ошибочно, умалчивая о его значении его – “принцип индивидуального”. ...За *аханкарой* у него следует не *манас*... – органы восприятия, *манас* и органы (способности) действия... Таким образом, в изложении ал-Бируни живой организм и его центральный орган – “душа” (*манас*) оказываются конечным продуктом эволюции материи... Здесь могло сказаться опять-таки влияние учения веданты, признававшей лишь один “внутренний орган” (*antahkarana*), выражающий индивидуальный интеллект, а именно – *манас*» [41, с. 29–30].

Читатель очерка, верно, сам не раз пользовался в быту выражением: *повторять как мантру*, – а стало быть, знает, что по-русски означает слово «мантра». Санскрит *मन्त्र* [mantra] – заклинание, очарование, колдовство, наставление, озвучание. Повторяя мантры, индеец медитирует, добываясь изменения своего сознания.

Читатель очерка, надеюсь, не успел запомнить, как буквально пальцем было указано в летопись: «Мы от рода Рука», «Мы посланы от великого князя Рука и от всех под рукою его», – это автор Радзивиловского списка, словно бы предвидя этимологические баталии будущего, оставил потомкам подсказку. А чтобы под самый конец очерка увидеть собственными глазами, как выглядело первослово наше едва не 30 тысяч лет тому назад, надо непременно нырнуть в глубины моря Средиземного.

Вблизи Марселя, на Лазурном берегу, среди скалистых бухт, аквалангист обнаружил пещеру, погружённую в средиземные воды на глубину 37 метров. Эта подводная пещера носит имя Коске, в честь аквалангиста, который открыл её. Здесь, в пещере, затерянной среди скал прибрежных, наши древние предки, собравшись у очага, справляли требу. Вздыхались кверху руки, по стенам металась тень и эхом под сводами бежал долгий задний звук, выдуваемый из многих ртов – а-а-ея!!!

Руки, руки, руки... Десятки отпечатков рук в пещере – наглядное свидетельство человеческой жизни в эпоху палеолита [61]. Наскальные художества из этой полузатопленной пещеры специалисты относят на 28–29 тысяч лет в прошлое, а более поздние – на 18–19 тысяч лет. Над созданием этой наскальной галереи художники времён каменного века трудились на протяжении десяти тысяч лет кряду.

Юг Франции, Пиренеи: Пещера Гаргас [62] – 29 000 лет тому назад, Пещера Пеш-Мерль [63] – 30 000–23 000 лет тому назад. Будто вещей знак из первых рук о таинстве человеческой природы.

Уже открыты десятки пещер (в Евразии, Океании, Южной Америке) – палеолитические галереи наскальной живописи. Тысячи изображений и отпечатков рук. Мы не знаем, что значили в глубокой древности изображения рук на стенах пещер для наших предков, но одно то, что слово с корневым [аѳ] пережило десятки тысяч лет, сохранив первоначальный звук и смысл, свидетельствует о жизненно важном для них, без чего выжить в том мире было невозможно.

Человеческие руки – один из самых главных образов доисторического искусства.

Потенции разума и души – это вопрос будущего, а сегодня мы пока ещё пожинаем плоды... волшебных рук своих деяния. Как мы отдаём дань умным рукам наших предков, отдадут ли наши далёкие потомки дань разуму нашему? Для нас это пока ещё большой вопрос.

Вся история человечества связана именно с развитием и совершенствованием главного человеческого органа – руки, которая учит нас творить, познавать, думать, чувствовать и выражать пережитое, – и даже тогда, когда слов не хватает.

И от этой *руки* берёт начало и наше малое мироздание... *Русь*.

Эпилог

Келья. Стол. На столе разложены свитки и рукописные книги. За столом монах. В тусклом свете дрожащего пламени свечи монах тщательно выводит на пергаменте буквы заточенным пером. Вот записал подвижник: «В лето 862. Пошли за море к варягам, к Руси, ибо так...» – и задумался.

Задумался – отложил перо. Встал из-за стола и давай мерить келью шагами, что-то бормоча под нос себе. Вдруг морщины разгладились, и чело, прояснившись, стало гладким, как пергамент, на который должна была лечь летопись. Сказал он сам в себе: «На то и загадка, чтобы разгадка в ней была». И вдруг воскликнул: «Ай да Нестор! Ай да сукин сын!». Но засомневался вдруг сам в себе: истинное знание, как научали древние мудрецы, проверяется практикой. И вышел из кельи на улицу в поисках опыта.

Стал посреди мостовой, руки в боки – озирается по сторонам.

Русью как раз кстати пахнуло. Поводил носом по ветру... Глядь, вышагивает тут – лёгок на помине! – детина в новеньких доспехах и весь блестит в лучах предзакатных, сияет, солнечные зайчики летают по сторонам – от мóлдца того русского.

– Эй, варяга! – окликнул того монах.

– Ну, варяга – не варяга... – Тот муж добрый, глянув гордо сверху вниз, поиграл от плеча одной рукой, затем другой, и отвечает: – А что?! Мы ведь тоже не лыком шиты. Пожалуй, и вправду варяга: меч свой крепко что в одной, что в другой руке коловерчу. Не бойсь, монах, не выроню, так что молись богу да не тужи. – Потёр варежкой наплечник – и вслед за игривым солнечным зайчиком устремился строгим взглядом в прищуренные глаза хитрого монаха. – А чего тебе, старче, надобно от меня, а?

– Хотел спросить.

– Ну, коль хотел, так спрашивай. Да не лукавь. За спрос гривен не берут, и куны не велят собирать.

Поморщился тут монах и, зажимая ноздри, пытается:

– Ты вот скажи мне, служивый, сам-то чьих будешь?

– ВарАкъ я, а что?

– А деда как звали?

– ВарАкъ.

– А бабку?

– ВарАка.

– Угу. Стало быть, варяга. Ты вот что объясни мне: а деда твоего деда – его-то как звали?

– ВарАкъ.

– А почему на «К», а не на «Г»?

– А ты сам-то, божий человек, небось, грекой будешь?

– Сказано в святом писании: по образу Создавшего, нет ни Еллина, ни Иудея, но все и во всём Христос.

– Вот и пораскинь мозгами: ты Грекъ, я ВарАкъ – мы что, латиняне с тобой, чтоб, как гуси, гыкать – га-га-га?

– А ежели варякъ, так отчего за версту от племени твоего латного Русским духом разит?

– Ах, так вот о чём ты – о Руси? Так прадед деда моего прадеда сказывал, будто весь род их Русью звали.

– Почему?

– Потому что его прадеда дед сам себя Русью звал, оттого он был ВарАкъ, а баба его – ВарАка...

– Но почему?!

– Экой невеглас! Да потому, божий ты человек, что кончается на У! Князь Рука, он кто? Он долгорукий! А почему долгорукий? Да потому что я двурукий, да под его рукой. Куда дотянется рука долгая, там и земля Русская, стало быть.

– Хм, надо ж! Эко закручено...

Усмехнулся добрый молодец незлым оскалом, да и побрёл неспешно вниз по мостовой, погрёмывая на ходу доспехами и напевая беспечную песенку под густой ус себе: «Ехал грека через реку. Видит грека – в реке рак. Сунул грека в реку руку... рак за руку греку – цап!».

Воротился монах к себе в тёмну келью, потёр руки и говорит сам в себе: варяга не грека, хотя тоже, стало быть, инородец посреде земель Русских, но языком русским молвит как родным. Сел за стол, обмакнул перо в чернильницу, да и записал ничтоже сумняшеса на русский лад то греческое слово Βάραγγα как «варАгъ». Подумал чуть и дописал: «сице бо ты варАгы зваху Русь...». Опять задумался: Русью тех варягов звали – или же те варязи сами звались Русью? Макнул перо в чернильницу и исправил: «сице бо ти варАзи звахусь Русь...» И опять задумался на чуть: сице идоша к варягам, бо те суть Русь, или же имя тем варягам было Русь, сице бо их звахуть так...

Тут зазвонили к вечерне, монах махнул рукой: а-а! И застыл: неужель не понятно кому, где кто кого да как звал? Ежели б иные какие были, разве звали бы их на Русь? Открывай варежку пошире!

Отложил перо в сторону, да и вышел из кельи, думая уже о Божьем, а не суетном.

Летописцы позднейших веков, поверив Нестору на слово, ибо не из головы тот выдумал, и свидетельством тому имперские хроники, где упоминается Βάραγγα, сохранили

правописание, перенесли Несторово толкование в свои списки, кто кого когда да как звал да почему... на Русь варягов, что ль? И уж по своим понятиям принялись растолковывать Несторово толкование – каждый по мере своего разумения.

Монахи-летописцы положили в начало русского мироздания слово, и в своём подвижническом труде они верили, что ведают: отправилось-де мировое посольство за море к варягам, к Руси, ибо так некогда звали себя те варяги – Русь и так же, Русью, звали когда-то тех варягов:

Идаша за море къ Варягомъ к Руси сице бо сѧ звахуть и варязи суть

Идоша за море к Варяго^м к Руси сице бо звахуть ты Вар^агы Русь

Идоша за море къ Варягомъ к Роу сице бо тѣи звахусъ Роу...

В начале было Слово, слово одно на все имена, и мы с Вами, мой пытливый читатель, следуя за летописной строкой, открыли содержание данного нам первослова, которое есть было в начале земли Русской. Летописцам довлело веры в идею русскую – мы же воспользовались знанием, накопленным исследователями языка родного, чтобы высветить в историческом мраке истории каждую букву, прояснить каждый звук – открыть этимологическую морфологию:

варяг	< варлгъ < βάρυγγα < varan̄k: ва-р-л-к-ъ
ва	двое, обое (только древнерусский)
ржк а	рука
ь	окончание кр. прилаг. Им. п. муж. р. ед. ч.

рука	< ржка (ranka)
р	хет. ruRuš-, санскр. पुरुष [puruṣa]
л	(ан) хет. -l̥ḥanda – по направлению, पाणि [paṇi], हारण [haraṇa] – рука
к	рус. суффикс
а	окончание имени сущ. Им. п. ж. р. ед. ч.

Москва – Пуриха (Дмитров) – Москва
20 февраля 2020 года

Литература

1. Летописи:

1. Лаврентьевская летопись [Электронный ресурс] / Президент. б-ка им. Б. Н. Ельцина. – Л. 7 : цв. фот. – Режим доступа : <https://www.prlib.ru/item/342021>. – (Дата обращения 20.02.2020).
2. Лаврентьевская летопись. – М. : ЯРК, 1997. – 496 с. – (Полное собрание русских летописей; т. 1).
3. Летопись по Лаврентьевскому списку [Электронный ресурс] // Богочеловеческая история: [сайт] / Яков Кротов. – Режим доступа : <http://yakov.works/acts/12/pvl/lavr01.htm>. – (Дата обращения 20.02.2020).
4. Ипатьевская летопись / С предисл. Б. М. Клосса. – М. : ЯРК, 1998. – 648 с.
5. Радзивилловская летопись / Изд. подг. М. Д. Приселковым. – Л. : Наука, 1989. – 177 с. – (Полное собрание русских летописей; т. 38).
6. Радзивилловская летопись [Электронный ресурс]. – Л. 8: цв. фот. – Режим доступа: <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=24#sel>. – (Дата обращения 20.02.2020).
7. Радзивилловская летопись [Электронный ресурс]. – Л. 14, об. : цв. фот. – Режим доступа: <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=38#sel>. – (Дата обращения 20.02.2020).
8. Радзивилловская летопись [Электронный ресурс]. – Л. 16, об. : цв. фот. – Режим доступа : <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=42#sel>. – (Дата обращения 20.02.2020).
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : ЯРК, 2000. – 720 с. – (Полное собрание русских летописей; т. 3).
10. Сице родословятся велици князи русьстии / Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. – Прил. 2. – М. : ЯРК, 2000. – С. 465. – (Полное собрание русских летописей; т. 3) .
11. Родословие тх же князей / Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. – Прил. 2. – М. : ЯРК, 2000. – С. 465 – 466. – (Полное собрание русских летописей; т. 3).
12. Кто колико княжилъ / Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. – Прил. 2. – М. : ЯРК, 2000. – С. 465 – 466. – (Полное собрание русских летописей; т. 3).
13. Русская правда: Крат. ред. [Электронный ресурс] / РАН, ИРЛИ (Пушкин. Дом). – Т. 4 : XII в. – Режим доступа : <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4946>. – (Дата обращения 20.02.2020).

2. Учебная литература:

14. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка: учеб. для студентов филолог. спец. ун-тов и пед. ин-тов / В. В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1983. – 398 с.: ил.
15. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. "Рус. яз. и лит." / В. В. Иванов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1990. – 400 с.: ил.
16. Историческая грамматика русского языка: пособие для студентов заоч. отд-ния / Ю. Н. Грицкевич; М-во просвещения Рос. Федерации; Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. – Псков, 2003. – 100 с.
17. Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков / С. Б. Бернштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 352 с.
18. Селищев А. М. Старославянский язык: в 2-х ч. Ч. 1. Введение. Фонетика: учеб. для студентов и аспирантов филолог. фак. ун-тов и фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов / А. М. Селищев. – М. : Учпедгиз, 1951. – 336 с.

3. Монографии, статьи, обзоры, историческая литература:

19. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747 – 1765 гг. / М. В. Ломоносов; гл. ред. С. И. Вавилов и др.; ред. Б. Д. Греков, А. И. Андреев; Акад. наук СССР. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – 689 с., 2 л. портр. и карт. : ил, портр.
20. Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д. С. Лихачёва, О. В. Творогова; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова и др.; ил. Мюда Мечева. – СПб. : Вита Нова, 2012 – 512 с.: ил.
21. Куник, А. А. Начались ли русские торговые сношения и походы по Черному и Каспийскому морям во времена Мухаммеда или при Рюрике? // Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря / Б. Дорн. – СПб., 1875. – Доп. 3 к прил. 1. – С. 357 – 462. – (Зап. Имп. Акад. Наук, прил. к т. 26).
22. Василевский, В. Г. Варяго- русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков [Электронный ресурс] // Труды В. Г. Васильевского. Т. 1. – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук,

1908. – 403 с. – Режим доступа : https://royallib.com/book/vasilevskiy_vasilii/varyago_russkaya_i_varyago_angliyskaya_drugina_v_konstantinopole_XI_i_XII_vekov.html. – (Дата обращения 20.02.2020).
23. Варяги и Русь: историческое исследование С. Гедеонова. В 2 ч. [Электронный ресурс] / С. А. Гедеонов. – СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук. – 1878. – Режим доступа : https://litlife.club/data/Book/0/201000/201161/Gedeonov_Stepan_Varyagi_i_Rus._Razoblachenie_normannskogo_mifa_LitLife.club_201161_original_f9de7.fb2.zip. – (Дата обращения 20.02.2020).
24. Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе [Тексты, пер., коммент.] / Т. Н. Джаксон. – 2-е изд., в одной кн., испр. и доп. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 779 с.
25. Þíðriks saga af Bern [Электронный ресурс] / Henrik Bertelsen. – Vol. 1. – Kobenhavn: S. L. Møllers bogtrykkeri, 1905. – Режим доступа : <https://archive.org/details/irikssagaafbern00bertgoog/page/n50>. – (Дата обращения 20.02.2020).
26. Сага о Тидрике из Берна [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://norse.ulver.com/src/forn/thidrek/>. – (Дата обращения 20.02.2020).
27. Thomsen, V. The Relations Between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State : Three Lectires Delivered at the Taylor Institution, Oxford, in May, 1876, in Accordance with the Terms of Lord Ilchester's / Vilhelm Thomsen. – Oxford and London : James Parker and Co, 1877. – 150 p.
28. О чём знали древние. Индия [Электронный ресурс] = What the ancients knew. The India / Discovery Communication ; продюсер, авт. сценария Р. Уэллс, композитор Ч. Барнетт. – Видео. и прогр. – М. : ДВД Магия, 2008. – 1 эл. опт. диск (DVD - ROM): цв. зв. (50 мин.). – (Discovery Channel).
29. Гомер. Илиада / Гомер ; пер. с древнегреч. В. В. Вересаева. – М. – Л. : Гослитиздат, 1949. – 549 с.
30. Гомер. Илиада / Гомер ; пер. с древнегреч. Н. И. Гнедича. – Л. : Наука, 1990. – 572 с.
31. Homeri Ilias [Электронный ресурс] / Edidit Guilielmus Dindorf. – Vol. 1. Parts II. Iliads XIII – XXIV. – Lipsiae : Sumptibus et typis V. G. Teubneri. MDCCCLXXI, 1871. – 275 p. – Режим доступа : https://archive.org/details/bub_gb_DTr-LjSlhkIC/page/n183. – (Дата обращения 20.02.2020).
32. Пушкин, А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова / А. С. Пушкин. – Московский телеграф. – Ч. V. – № 17. – С. 40 – 46.
33. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года [Электронный ресурс] / подгот. текста Е. И. Ванеевой; пер. и коммент. Я. С. Лурье // Электрон. публикации ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. – Режим доступа : <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=9117>. – (Дата обращения 20.02.2020).
34. Данилевский, И. И. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.) / И. И. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 399 с.
35. Шахматов, А. А. Сказание о призвании варягов : (Посвящается памяти А. Н. Пыпина) / Шахматов А. А. – СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1904. – 88 с.
36. Иванов, Вяч. Вс. К происхождению этнонима пруссов: Название Purushanda (княжество и город III – II тыс. до н.э.) // Балто-славянские исследования : сб. науч. тр. Вып. XIX / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. – М. – СПб. : Нестор – История, 2014. – С. 5 – 20.
37. Травкіна О., Мазепина брама. Царські срібні ворота іконостасу колишнього кафедрального Борисоглібського собор м. Чернігова / О. Травкіна. – Чернігів : РВК Деснянська правда, 2007. – 34 с.
38. Гаркави, А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) / собр., пер и объясн. А. Я. Гаркави. – СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1870. – 308 с.
39. Иордан. О происхождении и деяниях гетов = Getica : [Латин. текст] / вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской ; Акад. наук СССР ; Ин-т истории; Ин-т славяноведения. – М. : Изд-во вост. лит., 1960. – 436 с., 3 л. ил. – (Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы).
40. Беруни, Абу Райхан. Избранные произведения. Т. VI. Книга вразумления начаткам науки о звёздах / Абу Райхан Беруни ; вступ. ст., пер. и примеч. Б. А. Розенфельда, А. Ахмедова ; Акад. наук Узб. ССР ; Ин-т востоковедения им. Абу Райхана Беруни. – Ташкент : Фан, 1975. – 328 с.
41. Бируни, Абу Рейхан. Индия / Абу Рейхан Бируни; изд. подгот. А. Б. Халидов, Ю. Н. Завадовский, В. Г. Эрман. – Репр. воспр. изд. 1963 г. – М. : Ладомир, 1995. – 727 с. – (Ex Oriente Lux).

4. Словари:

42. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1: А–З / В. И. Даль. – 9-е изд. – М. : Рус. яз., 1989. – 699 с.

43. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3: П / В. И. Даль. – 9-е изд. – М. : Рус. яз., 1990. – 555 с.
44. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 (А–Д) / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва; под. ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – 576 с.
45. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 (Е–Муж) / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – 672 с.
46. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 (Муза–Сят) / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – 832 с.
47. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 4 (Т–Ящур) / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стёр. – М. : Прогресс, 1987. – 864 с.
48. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. Т. 1 : А–О . – М. : ГИС, 1959. – 718 с.
49. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка : происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – 7-е изд., стер. – М. : Дрофа, 2004. – 398 с.
50. ONP : Dictionary of Old Norse Prose [Электронный ресурс] / University of Copenhagen. – Режим доступа : <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o88355>. – (Дата обращения 20.02.2020).
51. Hellquist, E. Svensk etymologisk ordbok / Elov Hellquist. – Lund : C. W. K Gleerups Forlag, 1922. – 1372 p.
52. Успенский, П. Русско-чудский словарь с некоторыми грамматическими указаниями / П. Успенский. – СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1913. – 46 с.
53. Sanscrit Dictionary for Spoken Sanscrit [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://spokensanskrit.org/>. – (Дата обращения 20.02.2020).
54. Harper, D. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] / made by Douglas Harper in 200 – 2012. – Режим доступа : <http://www.etymonline.com>. – (Дата обращения 20.02.2020).
55. Английский этимологический словарь [Электронный ресурс] // Вокабула : Энциклопедии, словари, справочники – онлайн. – Режим доступа : <http://www.вокабула.рф/словари/ааэс/>. – (Дата обращения 20.02.2020).
56. Hawkins John A. Germanic Languages / John A. Hawkins ; edited by Bernard Comrie // The Major Languages of Western Europe. – London : Routledge, 1990. – 315 p.

5. Сайты:

57. Рунические камни викингов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ipfs.io/ipfs/QmXoypizjW3WknFiJnKLwHCnL72vedxjQkDDP1mXWоbuc0/wiki/Kjula_Runestone.html. – (Дата обращения 20.02.2020).
58. Глобальные этимологии : база данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=%5Cdata%5Cceura%5Cglobet&first=1&off=&text_proto=&method_proto=substring&ic_proto=on&text_meaning=take&method_meaning=substring&ic_meaning=on&text_nostr=an&method_nostr=substring&ic_nostr=on&text_afas=&method_afas=substring&ic_afas=on&text_scc=&method_scc=substring&ic_scc=on&text_austr=&method_austr=substring&ic_austr=on&text_amer=&method_amer=substring&ic_amer=on&text_afr=&method_afr=substring&ic_afr=on&text_notes=&method_notes=substring&ic_notes=on&text_reference=&method_reference=substring&ic_reference=on&text_any=&method_any=substring&sort=proto&ic_any=on. – (Дата обращения 20.02.2020).
59. Peiros, I. The Austric Macrofamily: Some Considerations [Электронный ресурс] / Пиа Peiros // Reconstructing Proto-Languages and Cultures. – Bohum : Studienverland Dr. Norbert Brockmeyer, 1989. – P. 66 – 79. – (Lond-range etymologies). – Режим доступа : http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?&single=1&root=config&basename=/data/biblio/biblio.dbf&text_recno=4. – (Дата обращения 20.02.2020).
60. Bengtson, J. Global etymologies [Электронный ресурс] / John Bengtson, Merritt Ruhlen // On the origin of languages : studies in linguistic taxonomy / M. Ruhlen. – Redwood City : Stanford University Press, 1994. – P. 277 – 336. – (Lond-range etymologies). – Режим доступа : http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?&single=1&root=config&basename=/data/biblio/biblio.dbf&text_recno=5. – (Дата обращения 20.02.2020).
61. Удивительные рисунки пещеры Коске [Электронный ресурс] / Наука и жизнь. – 2016.– 08 января. – Режим доступа : <https://interesnosti.com/1020312460209162576/udivitelnye-risunki-peschery-koske/>. – (Дата обращения 20.02.2020).

62. Manos de Gargas (Francia) : file [Электронный ресурс] / Locutus Borg. – Формат PNG. – Режим доступа : [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Manos_de_Gargas_\(Francia\).png](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Manos_de_Gargas_(Francia).png). – (Дата обращения 20.02.2020).
- 63 Пещера Пеш-Мерль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/e6/Pech_Merle_main.jpg. – (Дата обращения 20.02.2020).

6. Публикации автора:

64. Милов, А. Первые главы русской истории / А. Н. Милов. – М. : Мэйлер, 2009 – 88 с.
65. Милов, А. Первослово, или Третья Русь / А. Н. Милов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. – 503 с. : ил., портр., табл., факс.
66. Милов, А. Норманизм и скандинавокреатионизм [Электронный ресурс] / А. Н. Милов // Конт. – 2016. – 19 августа. – Режим доступа : <https://cont.ws/@milovandre/349083>. – (Дата обращения 20.02.2020).
67. Милов, А. Русский пятистатейник [Электронный ресурс] / А. Н. Милов. – М. : ЛитРес , 2019. – 230 с. : ил. – Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=637385&p=1>. – (Дата обращения 20.02.2020).

7. В очерке использованы материалы Википедии:

- [https://ru.wikipedia.org/wiki/Поход_руси_на_Царьград_\(860\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Поход_руси_на_Царьград_(860)). – (Дата обращения 20.02.2020).
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/Рош>. – (Дата обращения 20.02.2020).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Иоанн_Скилица. – (Дата обращения 20.02.2020).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Куник_Арист_Аристович. – (Дата обращения 20.02.2020).
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/аль-Бируни>. – (Дата обращения 20.02.2020).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Гедеонов_Степан,Александрович. – (Дата обращения 20.02.2020).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Ярослав_Владимирович_Мудрый. – (Дата обращения 20.02.2020).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Кювье_Жорж_Леопольд. – (Дата обращения 20.02.2020).
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/Прародина>. – (Дата обращения 20.02.2020).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Ингольф_Арнарсон. – (Дата обращения 20.02.2020).
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/Венеты>. – (Дата обращения 20.02.2020).
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/Руны>. – (Дата обращения 20.02.2020).
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/Финляндия>. – (Дата обращения 20.02.2020).
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пруссы>. – (Дата обращения 20.02.2020).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_Гримма. – (Дата обращения 20.02.2020).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Ханты-Мансийский_автономный_округ_—_Югра. – (Дата обращения 20.02.2020).